UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00305845 0

СКАЗКИ

УТѢХИ ДОСУЖІЯ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Е. А. ЛЯЦКАГО

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

ИЗД-ВО
"СѢВЕРНЫЕ ОГНИ"
СТОКХОЛЬМЪ

Сказки избралъ Е. А. Ляцкій, при участіи М. Н. Чернышевскаго. Первое изданіе появилось въ петроградскомъ издательствѣ „Огни", 1915. Мотивъ обложки въ настоящемъ изданіи взятъ съ рисунка худ. Д. И. Митрохина на обложкѣ перваго изданія.

Типо-литографія Акц. О-ва Хассе В. Тульбергъ, Стокгольмъ 1920.

Поэтическое преданіе старины еще долго живетъ послѣ того, какъ ушла сама жизнь, его породившая. Помнитъ преданіе и мечи-кладенцы, и тугіе луки разрывчатые, и стрѣлы каленыя, и пиры княженецкіе, и набѣги татарскіе, — все, что когда-то тяжело или радостно бороздило народную жизнь. Хранитъ оно память и о бытовомъ строѣ, въ которомъ вѣками текла народная жизнь, и повѣствуетъ о немъ въ пѣсняхъ и сказкахъ, этихъ коврахъ-самолетахъ замечтавшейся русской души. Сказки сберегли картины быта не древняго, но стараго, — быта нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, удержавшаго, въ намекахъ глухихъ и обрывочныхъ, лишь немногія древнѣйшія черты. Древнѣйшее вошло въ душу сказки, растворилось въ ея фантастикѣ, наполнило ее темнымъ обаяніемъ волшебства. Напротивъ, старое, прадѣдовское отразилось въ сказкѣ кротко задумчиво и замкнуто, какъ тихо ползущее облако отражается въ зыбкой волнѣ.

Изъ этого стараго быта выступаютъ въ сказкѣ прежде всего показныя, нарядныя стороны. Затѣйливые, рѣзные наличники оконъ, конекъ на крышѣ, расшитое птицами и елочками полотенце, стройная, въ причудливой рѣзьбѣ, колонка свѣтца съ лучиной, «браная» узорчатая скатерть на столѣ, ковшикъ «уточкой» — вотъ образы народнаго искусства, среди которыхъ жила долгой, неторопливой жизнью старинная сказка. Въ наши дни, на зарѣ новой жизни, зовущей народное сознаніе къ творчеству будущаго, она, словно вешній снѣгъ, таетъ въ устахъ народа, исчезаетъ вмѣстѣ съ образами бытовой старины — вмѣстѣ съ догорающей лучиной, со сломанной расписной прялкой, съ развалившейся курной избой. Какъ унизанные жемчугомъ кокошники и красные сарафаны, какъ пѣтушки и елочки на полотенцѣ, сказка вносила въ старый бытъ красоту и успокоеніе, будила мечту, нагоняла плѣнительные сны. Она скрашивала досуги тягучей деревенской зимы, поднимала воображеніе отъ сѣрой повседневности, наставляла, баюкала, смѣшила и развлекала. Теперь только письменность сберегаетъ намъ старобытную сказку, — она продолжаетъ жить съ нами, уже освѣщаемая лучами историческаго воспоминанія, бережно хранимая книгой, любовно принимаемая всѣми, кто склоняетъ къ ней чуткое ухо и сердце.

Въ настоящей книгѣ собраны сказки, еще хранящія преданія старины. Въ ихъ спокойномъ,

эпическомъ повѣствованіи кроется тихая величавость, подчиняющая себѣ старыхъ и малыхъ, простыхъ и книжныхъ. Сказка не возбуждаетъ жажды подвига, не зоветъ къ дѣйствію, какъ былина или историческая пѣсня. Она, напротивъ, располагаетъ къ мечтательному отдыху, къ поэтическому забытью, къ воспоминанію о томъ, что было, прошло и быльемъ поросло. Образы прошлаго въ сказкѣ застыли въ одной, богатой внутреннимъ смысломъ, картинѣ, словно завороженной въ покоѣ и неподвижности уснувшаго царства. Но среди заколдованнаго міра бродитъ улыбающійся Иванъ-царевичъ и все оживляетъ нѣжнымъ прикосновеніемъ своимъ. Такъ животворитъ сказку окрыленная мечта, носящаяся надъ сказочными образами, мечта, смѣющаяся и свѣтлая, сама зачарованная, согрѣтая вѣрой — особой поэтической вѣрой въ возможность чудеснаго на землѣ. Мечта превращаетъ сказку въ волшебный міръ темныхъ и свѣтлыхъ тѣней, олицетворяющихъ идеальныя представленія о добрѣ и злѣ, прекрасномъ и безобразномъ. И по своему настроенію, и по многимъ эпическимъ свойствамъ, сказка сродни заговору, со всей таинственной мощью его «крѣпкаго» и «лѣпкаго» слова.

Сказка по-своему «заговариваетъ», ворожитъ, усыпляетъ трезвую мысль, насыщенную заботой, захватываетъ душу настроеніемъ властнаго поэтическаго вымысла. «Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ» — начинается сказ-

ка. «На морѣ на океанѣ, на островѣ на Буянѣ» — начинается заговоръ . . . И здѣсь, и тамъ творится волшебное «дѣйство» — въ одной и той же далекой, невиданной странѣ. Въ глухихъ уѣздахъ, въ степяхъ, у горныхъ племенъ, гдѣ населеніе живетъ и донынѣ своимъ малоподвижнымъ патріархальнымъ укладомъ, сказка не только увлекаетъ слушателей красотой своей фантастики, но и служитъ выраженіемъ религіозныхъ и нравственныхъ поученій. Своимъ вліяніемъ на душу она роднитъ людей въ одну семью, научаетъ ихъ быть простыми, обходительными и добрыми. Чѣмъ проще живутъ люди, чѣмъ ближе стоятъ они къ естественнымъ условіямъ существованія среди горъ, полей и лѣсовъ, тѣмъ ярче дѣйствуетъ сказка, тѣмъ глубже проникаетъ она въ добрыя чувства людей, тѣмъ сильнѣе заставляетъ ихъ отзываться на свою повѣсть. И какими бы путями ни шла она къ человѣческому сердцу — трогательной ли легендой, прозрачной и чистой, какъ вешнія вербы, бытовой ли повѣстушкой, или жгучей сатирой, рожденной ненавистью и болью, — ея образы — образы живые, говорящіе о многихъ вѣкахъ безвѣстныхъ думъ и безымянныхъ движеній народной души.

* * *

Истинная стихія сказки — народная среда; лишь здѣсь воспринимается сказка во всемъ разнообразіи оттѣнковъ и настроеній и находитъ

живой источникъ своего одушевленія. Какъ слова пѣсни, утратившей свою напѣвность, такъ и сказка неизбѣжно блѣднѣетъ на страницахъ книги. Свободная, прозаическая по формѣ, она въ искусной передачѣ пріобрѣтаетъ свой ритмъ, свое внутреннее музыкальное движеніе. Захваченные общимъ настроеніемъ, разсказчикъ и слушатели переносятся изъ душной, дымной избы на широкій просторъ, и сказочные герои становятся имъ такъ близки и понятны, какъ близка и понятна родная русская рѣчь. Тогда-то согрѣвается и свѣтлѣетъ душа. За необычностью сказочныхъ образовъ слушатели угадываютъ ту высшую правду поэтическаго творчества, которая раскрываетъ имъ тайный смыслъ ихъ радостей и печалей. Повседневная жизнь крестьянской деревни проходитъ въ суровомъ трудѣ и борьбѣ, — только сказка повѣствуетъ слушателямъ, что не всѣ люди безпросвѣтно работаютъ и страждутъ: бываютъ счастливцы, которымъ ярче свѣтитъ солнце и привѣтливѣй улыбаются лазоревые цвѣты. И невольно хочется и мечтать и вѣрить, что есть гдѣ-то счастье и спокойная беззаботная жизнь. Эта греза мелькаетъ, какъ солнечный лучъ, скользящій по листвѣ, — обманывая призраками возможности, вызывая добрую, счастливую улыбку. Сказка — прекрасная улыбка жизни, сонъ золотой о томъ, что сталось бы съ міромъ, если бы мечта получила надъ нимъ безграничную власть. «Сказка — складка», — именно складка, не выдумка, но

складное, затѣйливо подобранное, красно изукрашенное повѣствованіе. И не принижаетъ народъ сказку, когда добавляетъ: «а пѣсня — быль». Эта «быль» всего рѣже историческая правда; скорѣе она — бывалое, пережитое и переживаемое, въ томъ смыслѣ, въ какомъ переживается жизненное содержаніе пѣсни въ чувствѣ пѣвца. И сказка, и пѣсня — двѣ родныя сестры, двѣ близкія вѣтви одного и того же ствола — великаго древа народнаго творчества. Но сказка, по формѣ своей, даетъ большій просторъ свободной импровизаціи, чѣмъ пѣсня, подчиненная напѣву. Образы сказки — пластика, живопись; образы пѣсни — символика лирическаго чувства, музыка души. И сказочная «складка» и пѣсенная «быль» — это два ключа, два подхода съ разныхъ сторонъ въ заповѣдную область народнаго поэтическаго культа.

* * *

Сказки, какъ цвѣты, разсѣяны по всей землѣ, у всѣхъ народовъ. Онѣ разнообразны, какъ разнообразны національныя особенности племенъ, свойства ихъ природы, культуры и быта. Однако, это безконечное на видъ разнообразіе можетъ быть сведено къ опредѣленному и, сравнительно, немногочисленному ряду основныхъ сюжетовъ — тѣхъ драматическихъ положеній и психологическихъ мотивовъ, изъ которыхъ развивается сказочное «дѣйство». Эти основные

сюжеты — каждый народъ въ разное время разсказываетъ по-своему, вѣчно по-новому украшая эпическими цвѣтами и красками, вѣчно освѣжая ихъ новыми сочетаніями фантастическихъ образовъ. Основные сюжеты, тѣмъ не менѣе, — отличаются замѣчательной устойчивостью: при всемъ многоразличіи особенностей и мѣстныхъ историческихъ оттѣнковъ у разныхъ народовъ, древнѣйшіе памятники, восходящіе за много вѣковъ до нашей эры, заключаютъ сказанія, весьма близкія по содержанію сказаніямъ нашей эпохи.

На Руси судьба сказки, — судьба всей народной словесности. Какъ и другія произведенія полуязыческаго народнаго творчества, таившія въ себѣ слѣды языческихъ представленій и вѣрованій, сказки подвергались преслѣдованію со стороны духовныхъ и свѣтскихъ властей. Съ XI и вплоть до XVIII вѣка идутъ запрещенія «баять» сказки; особому осужденію подвергались лица, сказывавшія «сказки небывалыя». Въ бытовомъ отношеніи разсказчики сказокъ «бахари», «баутчики», какъ и пѣвцы былинъ, и вообще «скоморохи» и «гусельники», могли представлять для властей нѣкоторыя неудобства, такъ какъ они любили бражничать и бродили по деревнямъ нерѣдко большими, разгульными толпами, нарушая степенный порядокъ жизни. Но не это одно служило источникомъ запрещеній. Власти, особенно духовныя, чувствовали въ сказкѣ враждебную силу языческаго преданія, которое въ поэ-

тическомъ образѣ сохраняло всю свою привлекательность. Обаянію сказочнаго искусства не могли противостоять не только простолюдины, но и сами цари. Сохранились свидѣтельства, что къ добрымъ «бахарямъ» нерѣдко преклонялъ свой слухъ самъ грозный царь Иванъ Васильевичъ, отдыхавшій подъ мѣрное «баянье» отъ лютыхъ казней и смуты боярской. Однако, и указы о поимкѣ «веселыхъ людей» и о битьѣ ихъ батогами «нещадно» дѣлали свое дѣло, и число скомороховъ, сказочниковъ и пѣвцовъ по профессіи все уменьшалось и уменьшалось. Но если властямъ удалось принизить полуязыческое по духу искусство, какъ профессію, не могли онѣ вытравить любви къ сказкамъ изъ поэтическаго обихода народной жизни. Сказки, какъ и пѣсни, продолжали съ разныхъ сторонъ западать въ темную, но воспріимчивую среду скуднаго внѣшними впечатлѣніями крестьянскаго міра и накоплялись, и жили въ общей сокровищницѣ народнаго духа. Жили — и дожили до нашего времени.

* * *

Любимѣйшими героями нашего сказочнаго эпоса являются Иванъ-царевичъ и Иванушка-дурачокъ, часто мѣняющіеся своими ролями и совпадающіе въ общемъ характерѣ и смыслѣ совершаемыхъ ими подвиговъ. Иванушка-дурачекъ дополняетъ обыкновенно, сказочную біографію Ивана-царевича: онъ младшій, нелюбимый,

подчасъ придурковатый сынъ семьи, оставляемый въ тѣни своими предпріимчивыми и умными братьями. Но судьба именно его избираетъ своимъ баловнемъ, и всякое различіе между Иваномъ-царевичемъ и Иванушкой-дурачкомъ исчезаетъ. Оба они становятся необыкновенными удальцами и удачниками — совершаютъ подвиги, побѣждаютъ враговъ и чудовищъ, добываютъ красавицъ, овладѣваютъ цѣлыми царствами. Имъ помогаетъ старая вѣдунья Баба-Яга, служатъ чудесный конь Сивка-бурка и Сѣрый волкъ. При этомъ судьба превращаетъ ихъ изъ дурачковъ и вообще простоватыхъ заморышей въ витязей умныхъ и чрезвычайно догадливыхъ.

Ученые находили, что въ образѣ Ивана-царевича и Иванушки-дурачка олицетворялось солнечное, весеннее, радостное и свѣтлое начало народной поэзіи. Для поэтическаго воспріятія въ подобныхъ утвержденіяхъ есть нѣчто глубоко привлекательное. Если и не вполнѣ справедливо, что въ каждомъ сказочномъ образѣ нашло себѣ реальное выраженіе опредѣленное религіозное воззрѣніе, осколокъ древняго солнечнаго или грозового культа, то, несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что поэтическая изобразительность сказокъ въ значительной степени обязана внушеніямъ миѳической старины.

Иванъ-царевичъ побѣждаетъ Кащея безсмертнаго. Солнце побѣждаетъ тьму. Борьба двухъ началъ — добраго, полезнаго, утверждающаго

жизнь, и злого, губительнаго, смертоноснаго, проходитъ по всему эпосу. Замираетъ природа осенью, какъ бы засыпаетъ на зиму, — это явленіе находитъ себѣ поэтическое выраженіе въ образѣ царевны, уснувшей до вешняго пробужденія отъ поцѣлуя солнечнаго красавца, или похищенной чудовищемъ въ видѣ Змѣя Горыныча. Оживленіе природы, ея цвѣтеніе и ликованіе нашли въ народной фантазіи другіе яркіе образы — Жаръ-птица, золотыя яблоки, конь златогривый, олень-золотые-рога. Сапоги-скороходы — не быстро ли несущіяся по небу тучи? Живая вода, оживляющая мертвыхъ, не благотворные ли вешніе дожди, вызывающіе роскошное цвѣтеніе природы? Скатерть-самобранка — не картина ли это богатства, развернутаго урожайнымъ лѣтомъ и пирующею осенью? Вся эта символика эпическихъ, въ частности, сказочныхъ образовъ, проникнутыхъ переживаніями миѳическаго воззрѣнія на міръ, служитъ однимъ изъ могучихъ средствъ поэтическаго обаянія сказокъ.

Въ сказкахъ бытового содержанія миѳическая одухотворенность уступаетъ мѣсто отраженіямъ живой дѣйствительности. Въ этихъ сказкахъ фантастическое, волшебное не выдвигается на первый планъ. Цѣль сказки достигается здѣсь такимъ сопоставленіемъ реальныхъ образовъ, при которомъ вмѣшательство потусторонней силы становится часто излишнимъ. Но въ сознаніи разсказчика эта сила не исчезаетъ совсѣмъ, она

присутствуетъ невидимо и появляется въ нужный моментъ, чтобы помочь тому или иному герою, чтобы одарить его особенной силой, сметкой, красотой или иной удачей. Бытовыя сказки служатъ не для одного развлеченія; онѣ какъ бы исправляютъ дѣйствительность, выравниваютъ внутренне-сознаваемую несправедливость извѣстнаго житейскаго уклада, обезпечивая успѣхъ представителямъ слабыхъ, неимущихъ, вообще приниженныхъ людей. Сказка относится къ этимъ людямъ съ особымъ сочувствіемъ и любовью и охотно даетъ имъ перевѣсъ надъ выразителями злой силы.

Часто сказки не заключаютъ въ себѣ никакихъ внѣшнихъ признаковъ, которые указывали бы на ихъ иноземное происхожденіе. Онѣ сопровождаютъ извѣстный бытовой укладъ, рождаются вмѣстѣ съ нимъ, являясь отраженіемъ народнаго сознанія въ опредѣленный историческій моментъ. Общность бытовыхъ сюжетовъ у различныхъ народовъ не вызываетъ необходимости объяснять ихъ изустнымъ или письменнымъ заимствованіемъ. Она гораздо естественнѣе и проще объясняется во многихъ случаяхъ единствомъ того состоянія творящаго духа, которое, при одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ, приводитъ къ сходству поэтическихъ образовъ.

* * *

Изученіе сказочныхъ сюжетовъ, со стороны ихъ происхожденія и международнаго распространенія, далеко еще не сведено въ одну цѣльную и стройную систему, — это дѣло принадлежитъ будущему. Болѣе другихъ интересутъ насъ въ данное время вопросъ о томъ, что составляетъ душу нашей народной сказки, что входитъ въ ея національную обработку, изъ чего складывается ея сила, характеръ, своеобразіе ея внутренняго содержанія, всего, что даетъ ей жизнь и движеніе. Красота сказочнаго повѣствованія и состоитъ главнымъ образомъ въ искусствѣ подбора изобразительныхъ средствъ — эпитетовъ, метафоръ, уподобленій. Хорошая, поэтически развитая сказка переливается яркостью красокъ, словно луговая трава, пестрѣющая цвѣтами. Въ такой сказкѣ свободной импровизаціи разсказчика открывается самый широкій просторъ. Одинъ населяетъ сказку образами ужаса, смерти, другой предпочитаетъ обходить ужасное и заключаетъ чудесныя явленія въ мирныя формы и благополучно разрѣшаетъ драматическія положенія, налагая при этомъ на сказку печать благодушія, кротости, какъ бы тихой радости. Иные разсказчики придаютъ своему повѣствованію наставительный тонъ, другіе, наоборотъ, отрѣшаются отъ всякихъ моральныхъ сужденій и смотрятъ на сказку, какъ мы на романъ приключеній.

Сказка — живое слово, которымъ сказочники свободно пользуются, отражая въ немъ свой ду-

ховный обликъ, налагая лучи и тѣни своего разумѣнія, своего господствующаго настроенія, своихъ влеченій и вкусовъ.

Но какія бы личныя черты сказочниковъ ни отражались въ сказкахъ, послѣднія, въ общности своей, опредѣляютъ міровоззрѣніе народа. Оно всегда сложно и подвижно, всегда изображаетъ, гдѣ сильнѣе, гдѣ слабѣе, борьбу стараго съ новымъ. Оно мѣняется сообразно со всѣмъ укладомъ бытовой, общественной и хозяйственной жизни. Оно различно въ различныхъ мѣстностяхъ. Въ селеніяхъ, расположенныхъ вблизи большихъ и малыхъ центровъ просвѣщенія, народное міровоззрѣніе быстрѣе оборачиваетъ кругъ своихъ представленій и теряетъ патріархальныя пережитки старины. Но связь съ преданіемъ еще сильна въ тѣхъ областяхъ, гдѣ населеніе живетъ старымъ бытовымъ и хозяйственнымъ укладомъ, гдѣ власть вѣкового обычая не утратила своей силы, гдѣ молодое поколѣніе не рвется уходить дальше предѣловъ родной волости или уѣзда. Такихъ мѣстъ на нашей родинѣ становится все меньше и меньше, а вмѣстѣ съ этимъ вымираетъ и старина. Старинную, прекрасную въ своей цѣлостности и полнотѣ сказку, строго выдержанную въ формахъ эпическаго склада, богатую изобразительными средствами, теперь можно встрѣтить сравнительно рѣдко, какъ и старую былину, которая не измѣнила бы своему исконному, строго эпическому образцу. Новѣйшія сказки, какъ и новѣйшія

пѣсни былевого характера, утратили свою архаическую простоту: образы ихъ тускнѣютъ, теряя свою глубокую связь съ чертами древнѣйшаго эпоса.

* * *

Но заглянемъ глубже въ нашу старинную сказку. Вглядимся въ нее, въ ея образы, въ ея душу. Какая жизнь отражается въ ней? Какіе идеалы увлекаютъ мечту? Несомнѣнно, — откуда бы ни пришли къ намъ сказочные сюжеты, — народное творчество переработало и приспособило ихъ къ своимъ обычаямъ и вкусамъ, нарядило въ свою одежду, вообще ввело въ свой обиходъ. Правда, многія стороны изображаемой сказками жизни давно уже отодвинулись отъ насъ: ушло крѣпостное право, державшее «мужицкую» душу въ неволѣ, измѣнился весь строй отношеній между «мужиками» и «барами». А сказка все хранитъ отчетливую память о тѣхъ временахъ, когда помѣщики могли наказывать плеьми своихъ крѣпостныхъ, когда считали своей собственностью все достояніе и трудъ пахаря. Но весь міръ внутреннихъ крестьянскихъ отношеній, съ его обычаями, взглядами и предразсудками, какимъ онъ сохранялся до послѣдняго времени, нашелъ себѣ въ сказкахъ полное и правдивое выраженіе. Въ какіе бы образы ни рядила народная фантазія нашихъ сказочныхъ героевъ, являются ли они подъ видомъ хищныхъ волковъ, простофилей — Мишекъ, лукавыхъ кумушекъ-ли-

сицъ, или царевичей и царевенъ, въ нихъ раскрываются однѣ и тѣ же типическія черты деревенскаго мірка. Въ сказкѣ отражается, какъ въ зеркалѣ, все разнообразіе характеровъ, общественныхъ положеній, вся трудовая обыденщина нашей деревни, съ ея терпѣливой покорностью судьбѣ. Это не медвѣдь съ мужикомъ рѣпу сѣютъ, это богатый, отставшій отъ земли мѣщанинъ идетъ съ пахаремъ въ долю, внося свою часть деньгами, а мужика заставляя работать. Мужикъ работаетъ, а мѣщанинъ ожидаетъ на свои деньги лихвы, но мужикъ обходитъ его и отдаетъ ему, по уговору, вершки, оставляя себѣ корешки. Это не котъ, баранъ и пѣтухъ убѣгаютъ изъ старушечьяго дома, гдѣ имъ грозитъ смертельная опасность: это отъ жестокой помѣщицы бѣгутъ, куда глаза глядятъ, ея дворовые, скрываясь по лѣсамъ и оврагамъ, пока ихъ не накроетъ какой-нибудь «волчище», умѣющій только ловить и хватать. Сказочные цари, владыки подводнаго царства, живутъ тою же жизнью, какою жили въ своихъ усадьбахъ помѣщики старой Руси. Эта жизнь, какъ она отражалась въ пониманіи крестьянъ, вся проходила въ досужемъ бездѣльи, въ пирахъ, развлеченіяхъ. Блага матеріальнаго существованія, которыми такъ щедро надѣляла сказка своихъ баловней, въ обычномъ пониманіи разсказчика не возвышались надъ уровнемъ мечтаній придавленнаго судьбой крестьянина-труженника: сказочные герой вволю спятъ, вволю пируютъ и веселятся,

вволю тѣшатъ себя игрой и забавой. По наивнымъ воззрѣніямъ старинныхъ сказокъ, въ блаженной жизни властителей тридесятыхъ царствъ была еще одна типичная сторона: имъ какъ помѣщикамъ старой Руси, предоставлено было право жаловать безъ заслугъ и казнить безъ вины. Помнитъ сказка эти времена, но сочувствіе ея не на сторонѣ грубой силы: часто изображаетъ она эту силу въ смѣшныхъ и уродливыхъ формахъ, часто смѣется надъ нею съ затаенной горечью, а иногда и шлетъ ей вслѣдъ слово сарказма, ненависти и боли.

Обычно простой, незатѣйливый языкъ сказки полонъ символическихъ намековъ. Если сумѣть разгадать ихъ, сказка разскажетъ о крестьянской долѣ много такого, что вѣками надумала упорная народная мысль. Если беззаботное привольное пированіе баловней нашего міра представлялось народному воображенію раемъ земнымъ, то относительно своей крестьянской доли воображеніе это не создавало иллюзій, и по сказкамъ — крестьянская жизнь темна, тѣсна и убога. Старикъ и старуха, у которыхъ всего-то имущества — курочка рябая, — образъ символическій. Въ крѣпостной Руси все было помѣщичье, и одна какая-нибудь курочка была единственнымъ достояніемъ крестьянской семьи. Сказка утѣшаетъ слушателей: курочка рябая могла нести старикамъ золотыя яички. Этой мечтѣ о золотыхъ яичкахъ надо было вѣрить — она одна скрашивала убогую сѣ-

рую дѣйствительность. И еле замѣтнымъ волнующимъ чувствомъ проходитъ по сказкамъ другая мечта — о пашнѣ, о такой пашнѣ, гдѣ бы до устали могъ нашагаться пахарь, бросая благодатныя сѣмена, гдѣ бы до боли могла намахаться могучая рука косаря. Земля — истинное богатство, истинное великое благо, смыслъ, радость и счастье крестьянской доли. Безъ земли, орошаемой каплями трудового пота, нѣтъ красоты, нѣтъ смысла жизни. Сказка всегда предпочтетъ мертвой грудѣ золота обильныя пашни и луга, требующіе труда; крестьянинъ и царскаго быта не можетъ себѣ представить безъ урожайныхъ полей и сѣнокосовъ, достигающихъ узорчатыхъ оконъ золотыхъ и хрустальныхъ палатъ. И когда случится сказкѣ перечесть царскія богатства, она рѣдко забудетъ, наряду со множествомъ золота и камней, помянуть конскіе табуны и стада коровъ, за которыми подчасъ присматриваетъ сама царевна. Пашни вволю, пасущееся стадо, толковый, разсчетливый, трезвый хозяинъ, у домашняго очага работящая вѣрная жена, послушныя рачительныя дѣти — вотъ идеалъ сказки, которому она отдаетъ все свое сочувствіе и любовь. Если благополучія нѣтъ, если крѣпкая здоровая жизнь не наладится въ крестьянской семьѣ, сказка шьетъ иные узоры. Какъ крапива изъ земли, выростаетъ образъ злой и сварливой мачехи или неуживчивой свекрови. Сказкѣ не нужно подробно очерчивать эти образы, одного намека достаточно, чтобы чуткіе слуша-

тели сразу угадали, что за жизнь создается въ семьѣ, когда въ домъ войдетъ нелюбимая невѣстка, или расходившійся свекоръ дастъ волю своему буйному нраву.

* * *

Все, что не мирится съ бытовой и духовной тѣснотой деревни, все, что рвется освободить личное начало изъ-подъ неволи родовой и «мірской», общественной, олицетворилось въ сказкахъ въ образѣ добраго молодца, покидающаго своего отца съ матушкой, чтобы поискать удачи да посмотрѣть на міръ Божій. Добрый молодецъ нашихъ сказокъ и пѣсенъ — знаменательный символъ того дѣйственнаго начала, которое является едва ли не важнѣйшей опредѣляющей стихіей нашей русской души, всего нашего національнаго характера. Гдѣ въ сказкахъ европейскаго Запада носятся по свѣту безъ ясно сознанной цѣли добрые молодцы? Счастье тамъ обыкновенно само приходитъ въ скромныя, аккуратныя избы поселянъ, или его приносятъ добрыя феи, или дѣдушка съ рождественскимъ подаркомъ въ мѣшкѣ за плечами. А въ нашей сказкѣ молодцу какъ будто ничего не жаль: онъ легко покидаетъ родную избу и пашню. Что онъ думаетъ, что онъ чувствуетъ, отходя на дальнюю сторону? Сказка о томъ не разскажетъ, на то есть пѣсня — въ ней выльется одинокая грусть. Мало ли пѣсенъ проникнутыхъ чувствомъ оторванности отъ родной земли? Изъ

нихъ типичнѣйшая та, гдѣ поется, какъ на чужбинѣ тоскуетъ казакъ, вспоминая свою родную сторонушку, и скорбитъ, что не придется ему увидѣть ее передъ кончиной. Сказка, въ своей эпической величавости, не обнаруживаетъ лирическихъ движеній народной души: вниманіе сказки направлено на внѣшнія дѣйствія, на изображеніе подвиговъ и обстоятельствъ, не столько пробуждающихъ чувство, сколько поражающихъ воображеніе. Сказкѣ важнѣе указать, что тамъ, далеко, за синими морями, за высокими горами, бываетъ счастье и удача, совершаются диковинныя чудеса, чѣмъ разсказывать, какъ и почему ушелъ добрый молодецъ отъ родной семьи. Слушателямъ, помнившимъ стародавнія времена, этого пояснять не приходилось: въ сказкахъ, проникнутыхъ воспоминаніями о крѣпостномъ строѣ, живо ощущается настроеніе бездомности, нищеты и неволи.

Съ этимъ настроеніемъ кротко сливается въ большинствѣ нашихъ сказокъ и другое — глубоко религіозное, все одухотворяющее собою начало. Какіе бы образы языческой старины ни возникали рядомъ съ христіанскими представленіями, лежащее въ основѣ чувство остается неизмѣннымъ — оно въ старинныхъ «серьезныхъ» сказкахъ возвышаетъ и очищаетъ душу. Молитва въ этихъ сказкахъ непосредственно предшествуетъ чуду. Она спасаетъ героя отъ бѣды, помогаетъ ему въ борьбѣ съ искушеніями. Мятущіяся души

ищутъ, правда, помощи съ разныхъ сторонъ: ихъ молитва, обращаемая къ Богу, нерѣдко мирится съ призывами «нечистой» силы и допускаетъ договоры съ нею. Но въ глубинѣ сознанія, дающаго чудесному широкія, блистающія крылья, лежитъ свѣтлая, неколеблемая вѣра въ высшее Благо, въ высшій Разумъ, управляющій міромъ. Эта вѣра — источникъ народно-поэтическаго идеализма. Въ борьбѣ противоположныхъ стихій она обезпечитъ побѣду правдѣ надъ кривдой и доставитъ торжество всему доброму, радостному и прекрасному. Проникнутое ею, общее настроеніе старинныхъ сказокъ озаряетъ ихъ кроткимъ свѣтомъ довѣрчиваго благодушія, наивной простоты, привѣтливой общительности. Пусть ихъ героямъ, по волѣ судьбы, и приходится убивать, надѣвать на себя личину, говорить неправду, — общее настроеніе остается неизмѣннымъ. Отражая темныя движенія человѣческой души, сказка разсматриваетъ ихъ проявленія, какъ прискорбную житейскую необходимость. Поэтому она и говоритъ о нихъ кратко, вскользь, не задерживая вниманія. Важно не это, важно другое, что дороже самой жизни, важна высшая правда, къ которой, сквозь темныя пропасти и провалы, тянется народная душа. Внутренній остовъ сказки крѣпокъ своимъ утвержденіемъ этой высшей правды: въ этомъ ея мудрость и благородная воспитывающая сила.

* * *

Новыя времена несутъ съ собой не однѣ новыя пѣсни, но и новыя сказки.

Въ сказкахъ позднѣйшихъ преобладаютъ иные мотивы, полумѣщанскаго характера; онѣ — живое свидѣтельство, какъ мѣняется бытъ, выростаютъ иныя потребности, иные идеалы. Героическія сказки уступаютъ мѣсто разсказамъ о среднихъ людяхъ, бытовымъ повѣстушкамъ и анекдотамъ. Мечты не поднимаются высоко и охотно отдыхаютъ на изображеніяхъ домашняго благополучія. Ихъ любимый сюжетъ — зажиточная семья, собирающаяся вокругъ самовара. Мужикъ ѣдетъ въ городъ на базаръ, торгуетъ, обманываетъ, привозитъ женѣ и дѣтямъ обновы. Прежней деревни, эпически застывшей въ грустной покорности судьбѣ, нѣтъ и въ поминѣ. Новая деревня уже пробуждается, она озабочена приближеніемъ той жизни, которая раньше грезилась только въ мечтѣ. Куда поведетъ эта новая мечта, куда полетитъ новая Жаръ-птица, какой красотой, какимъ счастьемъ поманитъ она за собой Ивана-царевича?

Пока эти идеалы назрѣваютъ, современная сказка стелется по землѣ, отражая переходныя формы новой жизни.

Въ современной сказкѣ счастье представляется въ видѣ ясно обозначившихся жизненныхъ благъ. Работникъ плѣнилъ купеческую дочь, — разсказываетъ одна изъ типичнѣйшихъ сказокъ нашего времени, — и женился на ней, пріѣхалъ въ деревню

и сталъ богатѣемъ. Другой мужикъ освободилъ купеческихъ дочерей отъ разбойника и поступилъ къ нимъ на вѣчное кормленіе: такъ и переходилъ и сталъ богатѣемъ. Добрые молодцы, прежде не вѣсть чего искавшіе по святой Руси, теперь отправляются либо торговать, либо ума наживать. Одна сказка весьма забавно разсказываетъ о томъ, какъ простодушный парень поѣхалъ въ дальнюю сторону «ума покупать» и точно — вернулся съ покупкой. Въ старинныхъ сказкахъ товарищами добраго молодца часто были быстрый конь, да раздольное поле, да темные лѣса, да матушкино благословеньице. Въ сказкахъ новѣйшихъ у него въ товарищахъ чаще всего такіе же, какъ онъ, разбитные торговцы да сидѣльцы, да бойкія смѣлыя дѣвушки, которыхъ онъ угощаетъ пряниками и чаемъ. Присущее русской душѣ, съ трудомъ обуздываемое, стихійное начало сказывается и здѣсь, но въ иныхъ формахъ. Оно не порываетъ, какъ раньше, разъ навсегда съ укладомъ, державшимъ молодой порывъ въ неволѣ, оно мирится съ опредѣленнымъ порядкомъ вещей, но въ немъ старается найти лазейку, гдѣ его молодецкое озорство могло бы проявиться безнаказанно. Въ новѣйшихъ сказкахъ за вѣковымъ преданіемъ не осталось прежней власти, но въ нихъ чувствуется освобождающаяся молодая личность, еще смутно сознающая себя, но уже ощущающая въ себѣ могучія силы для своего грядущаго развитія. Когда оно совершится, когда народная душа раскроется въ

полномъ и свободномъ обладаніи всѣми своими силами и возможностями, она сложитъ и другія сказки. И тѣ, кто ихъ будетъ разказывать, и тѣ, кому любо будетъ ихъ слушать, только въ книгѣ встрѣтятъ старинную сказку и улыбнутся старушкѣ доброй улыбкой: такъ, — скажутъ они, — мечтали наши прадѣды, не знавшіе иного счастья, чѣмъ то, что доставалось въ удѣлъ Иванамъ-царевичамъ въ тридесятыхъ царствахъ.

Сказываетъ Иванъ-царевичъ сказки, а царевна Алена Прекрасная сидитъ у окна и очей съ него не сводитъ: таково хорошо сказываетъ.

Правда и Кривда.

Жили два брата, одинъ жилъ неправдой, людей обманывалъ и нажилъ много богатства, другой жилъ правдой, работалъ, трудился, людей не обманывалъ, а жилъ бѣдно, — до того доживетъ, что въ иной день и хлѣба нѣтъ. Братья часто спорили: одинъ говорилъ, что правдой на свѣтѣ лучше жить, а другой хвалилъ кривду и говорилъ, что кривдой жить лучше.

Однажды спорили, спорили, и Кривда предложилъ итти куда-либо и спрашивать, кто только встрѣтится, чѣмъ на свѣтѣ лучше жить — правдой или кривдой? Если до трехъ разъ скажутъ, что кривдой жить лучше, то Кривда у Правды глаза выколетъ. Согласились и пошли.

Идутъ дорогой, а навстрѣчу имъ собака бѣжитъ тощая, худая. Кривда и говоритъ:

— Посмотри-ка, братъ, собака-то какая!

Собака остановилась и говоритъ:

— Да, вотъ я прежде служила у хозяина, стадо

и домъ стерегла, а вотъ устарѣла, хозяинъ и прогналъ меня. Живу, гдѣ попало, и постоянно голодна.

— Что, видѣлъ? — говоритъ Кривда, — пойдемъ дальше.

Идутъ дальше, а навстрѣчу имъ конь бредетъ тощій, худой, старый, еле ноги передвигаетъ.

— Ахъ, какой конь худой! — говоритъ Правда.

— Да, — говоритъ конь, — прежде я не такой бывалъ, служилъ у хозяина вѣрой и правдой, сколько на бѣгахъ хозяину денегъ досталъ! Старъ сталъ, работать не могу, хозяинъ меня и прогналъ.

— Вотъ, видишь, — говорить Кривда, — и другой человѣкъ неправдою живетъ.

Пошли дальше, встрѣчается имъ мужикъ. Остановились и спрашиваютъ:

— Скажи по совѣсти, добрый человѣкъ, чѣмъ лучше жить на свѣтѣ: правдой или кривдой?

— Вотъ еще, что вздумали спрашивать! Правды-то теперь на землѣ и въ слыхахъ нѣтъ, а если еще которая и путается тутъ, то въ лаптяхъ ходитъ.

Пошли дальше.

— Слышалъ? — говоритъ Кривда.

— Слышалъ, — отвѣчаетъ Правда.

Завелъ Кривда Правду въ лѣсъ, выкололъ ему глаза и ушелъ домой, а Правда и остался тамъ.

Правда не видитъ, куда итти, не знаетъ, что дѣлать, однако, сталъ пробираться; долго ходилъ, и ночь наступила. Нащупалъ Правда руками

сухой пень высокій, вскарабкался на пень, чтобы звѣри не тронули. Сидитъ, задремалъ, вдругъ слышитъ — говоритъ кто-то:

— Ты что сегодня сдѣлалъ?

— Я сегодня опять на мельницѣ былъ, опять все разломалъ.

— А ты что надѣлалъ?

— А я славную штуку устроилъ: братъ у брата глаза выкололъ.

— Дѣло ладно!

— А можно ли твое дѣло исправить, можетъ ли кто глаза вылечить, чтобы онъ опять видѣлъ?

— Можно, только по три утреннихъ зари покататься по росѣ на травѣ.

— А гдѣ эта трава?

— А трава здѣсь и растетъ недалеко, между ручейками на берегу, да не догадался никто.

— Ну, а твою мельницу можетъ ли хозяинъ достроить?

— Да, только бы рубилъ въ крестъ, и я ничего бы не могъ сдѣлать.

Все стихло. Настало утро, Правда и побрелъ. Слышитъ — вода шумитъ, ручеекъ бѣжитъ. Онъ и сталъ пробираться вдоль ручейка и пришелъ къ рѣчкѣ. Идетъ вдоль по берегу рѣки, опять наткнулся на ручеекъ, обрадовался и сидитъ на бережку.

Настало утро, онъ по росѣ и повалялся; и на другое и на третье утро, и сталъ зрячимъ, но домой не пошелъ. Отправился туда, гдѣ хозяинъ

не могъ мельницы поставить, направилъ тамъ дѣло и пришелъ домой.

Удивился братъ, что Правда сталъ зрячимъ, а еще больше дивился, что Правда сталъ богатѣть, — въ домѣ у него всего довольно, новый домъ построилъ, скота много завелъ. А Кривда сталъ бѣднѣть: и скотъ-то валится, и что дѣлать начнетъ, ничто не клеится.

Вотъ разъ ночью и приходитъ Кривда и сталъ спрашивать, что съ Правдой было съ того времени, какъ онъ его въ лѣсу оставилъ. Правда все разсказалъ. Запало Кривдѣ въ голову тоже итти въ лѣсъ, сѣсть на пень: можетъ, и онъ услышитъ что-нибудь и разбогатѣетъ. Ночью отправился, нашелъ тотъ пень и забрался на него. Слышитъ шумъ, видитъ, что кто-то прилетѣлъ, потомъ другой. Одинъ и спрашиваетъ:

— Ну, что теперь дѣлать думаешь?

— Да не знаю, — отвѣчаетъ другой, — за мельницу хорошо мнѣ досталось — цѣлый годъ въ котлѣ въ кипящей смолѣ сидѣлъ, нужно что-нибудь похитрѣе устроить.

— А ты что?

— А я, братъ, тоже цѣлый годъ на крюкъ былъ за языкъ повѣшенъ за то, что проболтался, и кто-то глаза вылечилъ.

— Насъ вѣрно кто-нибудь подслушалъ и все испортилъ. Поищемъ-ка, нѣтъ ли кого!

Кривда испугался и упалъ съ дерева. Его схватили и глаза выкололи.

Прошелъ день, а Кривды не видать: жена его пришла къ Правдѣ и говоритъ, что братъ ушелъ въ лѣсъ ночью, а и сегодня его нѣтъ. Пошли искать и нашли Кривду у пня слѣпого. Привели домой, и Кривда до того дожилъ, что Правда кормилъ все его семейство до смерти. Тогда только Кривда согласился, что правдою лучше жить на свѣтѣ.

Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что.

Въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ король холостъ-неженатъ, и была у него цѣлая рота стрѣлковъ: на охоту стрѣльцы ходили, перелетныхъ птицъ стрѣляли, государя дичью снабжали. Въ той ротѣ служилъ стрѣлецъ-молодецъ по имени Федотъ. Мѣтко въ цѣль попадалъ, почитай — никогда промаху не давалъ, и за то любилъ его король пуще всѣхъ его товарищей. Случилось ему въ одно время пойти на охоту ранымъ-раненько, на самой зарѣ. Зашелъ онъ въ темный, густой лѣсъ и видитъ: сидитъ на деревѣ горлица. Федотъ навелъ ружье, прицѣлился, выпалилъ — и перешибъ птицѣ крылышко. Свалилась птица съ дерева на сырую землю. Поднялъ ее стрѣлокъ, хочетъ скрутить голову да положить въ сумку. И возговоритъ ему горлица:

— Ахъ, стрѣлецъ-молодецъ! не крути моей буй-

ной головушки, не своди меня съ бѣлаго свѣта! лучше возьми меня живую, принеси въ свой домъ, посади на окошечко и смотри: какъ только найдетъ на меня дремота, въ ту самую пору ударь меня правой рукою наотмашь — и добудешь себѣ великое счастье.

Крѣпко удивился стрѣлокъ.

— Что такое? — думаетъ — съ виду совсѣмъ птица, а говоритъ человѣческимъ голосомъ! Прежде со мной такого случая не бывало.

Принесъ птицу домой, посадилъ на окошечко, а самъ стоитъ — дожидается. Прошло немного времени — горлица положила свою головку подъ крылышко и задремала. Стрѣлокъ поднялъ правую руку, ударилъ ее наотмашь легохонько — пала горлица на землю и сдѣлалась душой-дѣвицей, да такою прекрасною, что не выдумать, не взгадать, только въ сказкѣ сказать! Другой подобной красавицы во всемъ свѣтѣ не бывало! Говоритъ она добру-молодцу, королевскому стрѣлку:

— Умѣлъ меня достать, умѣй и жить со мною. Ты мнѣ будешь нареченный мужъ, а я тебѣ богоданная жена!

На томъ они и поладили. Женился Федотъ и живетъ себѣ — съ молодой женой утѣшается, а службы не забываетъ: каждое утро, ни свѣтъ, ни заря, возьметъ свое ружье, пойдетъ въ лѣсъ. Настрѣляетъ разной дичи и отнесетъ на королевскую кухню. Видитъ жена, что онъ отъ той охоты весь измаялся, и говоритъ ему:

— Послушай, другъ, мнѣ тебя жалко: каждый Божій день безпокоишься, бродишь по лѣсамъ да по болотамъ, завсегда мокрехонекъ домой возвращаешься, а пользы намъ нѣтъ никакой. Это что за ремесло! Вотъ я — такъ знаю такое, что безъ барышей не останешься. Добудь-ка сотню, другую, все дѣло поправимъ.

Бросился Федотъ по товарищамъ: у кого рубль, у кого два занялъ и собралъ какъ разъ двѣсти. Принесъ къ женѣ:

— Ну, — говоритъ она, — Купи теперь на всѣ эти деньги разнаго шелку.

Стрѣлецъ купилъ на двѣсти рублей разнаго шелку. Она взяла и сказываетъ:

— Не тужи, молись Богу да ложись спать: утро вечера мудрѐнѣе!

Мужъ заснулъ, а жена вышла на крылечко, развернула волшебную книгу — тотчасъ явились передъ ней два невѣдомыхъ молодца.

— Что угодно — приказывай!

— Возьмите вотъ этотъ шелкъ и за единый часъ сдѣлайте мнѣ коверъ, да такой чудный, какого въ цѣломъ свѣтѣ не видано. А на коврѣ бы все королевство было вышито, и съ городами, и съ деревнями, и съ рѣками, и съ озерами.

Принялись они за работу и не только въ часъ, а въ десять минутъ изготовили коверъ — всѣмъ на диво. Отдали они его стрѣльцовой женѣ и въ мигъ исчезли, словно ихъ и не было! На утро отдаетъ она коверъ мужу.

— На, — говоритъ, — понеси на гостиный дворъ и продай купцамъ, да смотри: своей цѣны не запрашивай, а что дадутъ, то и бери.

Федотъ взялъ коверъ, развернулъ, повѣсилъ на руку и пошелъ по гостинымъ рядамъ. Увидалъ одинъ купецъ, подбѣжалъ и спрашиваетъ:

— Послушай, почтенный, продаешь, что-ли?

— Продаю.

— А что стоитъ?

— Ты торговый человѣкъ, ты и цѣну уставляй.

Вотъ купецъ думалъ, думалъ, не можетъ оцѣнить ковра — да и только! Подскочилъ другой купецъ, за нимъ третій, четвертый... и собралась ихъ толпа великая, смотрятъ на коверъ, дивуются, а оцѣнить не могутъ. Въ то время проѣзжалъ мимо гостиныхъ рядовъ дворцовый комендантъ, усмотрѣлъ толпу и захотѣлось ему разузнать: про что толкуетъ купечество? Вылѣзъ изъ коляски, подошелъ и говоритъ:

— Здравствуйте, купцы-торговцы, заморскіе гости! О чемъ рѣчь у васъ?

— Такъ и такъ — ковра оцѣнить не можемъ.

Комендантъ посмотрѣлъ на коверъ и самъ дивудался.

— Послушай, стрѣлецъ, — говоритъ онъ, — скажи мнѣ по правдѣ по истинной, откуда добылъ ты такой славный коверъ?

— Моя жена вышила.

— Сколько жъ тебѣ дать за него?

— Я и самъ цѣны не вѣдаю. Жена наказала

не торговаться, а сколько дадутъ — то и наше!

— Ну, вотъ тебѣ десять тысячъ!

А комендантъ этотъ завсегда при королѣ находился — и пилъ, и ѣлъ за его столомъ. Вотъ онъ поѣхалъ къ королю обѣдать и коверъ повезъ.

— Не угодно ли вашему величеству посмотрѣть, какую славную вещь купилъ я сегодня?

Король взглянулъ — все свое царство словно на ладони увидѣлъ. Такъ и ахнулъ!

— Вотъ коверъ! въ жизнь мою такой хитрости не видывалъ. Ну, комендантъ! Что хочешь, а ковра я тебѣ не отдамъ.

Сейчасъ вынулъ король двадцать пять тысячъ и отдалъ ему изъ рукъ въ руки, а коверъ во дворцѣ повѣсилъ.

— Ничего, — думаетъ комендантъ, — я себѣ другой еще лучше закажу.

Сейчасъ поскакалъ къ стрѣльцу, разыскалъ его избушку, входитъ въ свѣтлицу, и какъ только увидалъ стрѣльцову жену — въ ту жъ минуту и себя и свое дѣло позабылъ. Самъ не вѣдаетъ, зачѣмъ пріѣхалъ. Передъ нимъ такая красавица, что вѣкъ бы очей не отвелъ: все бы смотрѣлъ да смотрѣлъ! Глядитъ онъ на красавицу, а въ головѣ дума за думой:

— Гдѣ это видано, гдѣ это слыхано, чтобъ у простого стрѣльца да такая красавица была? Я хоть и при самомъ королѣ служу и генеральскій чинъ на мнѣ положенъ, а такой красоты не видывалъ!

Насилу комендантъ опомнился, нехотя домой убрался. Съ той поры съ того времени совсѣмъ не свой сдѣлался: и во снѣ и на яву только и думаетъ, что о прекрасной стрѣльчихѣ. И ѣстъ-не заѣстъ, и пьетъ-не запьетъ, все она представляется! Запримѣтилъ король и сталъ его выспрашивать:

— Что съ тобой подѣялось? аль кручина какая?

— Ахъ, ваше величество! видѣлъ я у стрѣльца жену — такой красоты во всемъ свѣтѣ нѣтъ. Все объ ней думаю: и не заѣсть и не запить, никакимъ снадобьемъ не заворожить!

Пришла королю охота самому полюбоваться, приказалъ заложить коляску и поѣхалъ въ стрѣлецкую слободу. Входитъ въ свѣтлицу, видитъ — красота невообразимая! кто ни взглянетъ — старикъ ли, молодой ли, всякій безъ ума станетъ. Защемила его зазноба сердечная:

— Чего, — думаетъ про себя, — хожу я холостъ-неженатъ? Вотъ бы мнѣ жениться на этой красавицѣ. Зачѣмъ ей быть стрѣльчихою? ей на роду написано быть королевою.

Воротился король во дворецъ и говоритъ коменданту:

— Слушай! сумѣлъ ты показать мнѣ стрѣльцову жену, красоту невообразимую. Теперь сумѣй извести ея мужа. Я самъ хочу на ней жениться. А не изведешь, пеняй на себя: хоть ты и вѣрный мой слуга, а быть тебѣ безъ головы.

Пошелъ комендантъ, пуще прежняго запеча-

лился. Какъ стрѣльца убрать, не придумаетъ. Идетъ онъ пустырями, закоулками, а навстрѣчу ему Баба-Яга:

—Стой, королевскій слуга! я всѣ твои думы вѣдаю. Хочешь, пособлю твоему горю неминучему?

— Пособи, бабушка! что хочешь заплачу.

— Сказанъ тебѣ королевскій указъ, чтобъ извелъ ты Федота-стрѣльца. Это дѣло бы не важное: самъ-то онъ простъ, да жена у него больно хитра! Ну, да мы загадаемъ такую загадку, что не скоро оправится. Воротись къ королю и скажи: за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ есть островъ. На томъ островѣ ходитъ олень золотые-рога. Пусть король наберетъ полсотню матросовъ — самыхъ негодныхъ горькихъ пьяницъ, и велитъ изготовить къ походу старый, гнилой корабль, что тридцать лѣтъ въ отставкѣ числится. На томъ кораблѣ пусть пошлетъ Федота-стрѣльца добывать оленя золотые-рога. Чтобъ добраться до острова, надо плыть ни много, ни мало три года, да назадъ съ острова три года, итого шесть лѣтъ. Вотъ корабль выступитъ въ море, мѣсяцъ послужитъ, а тамъ и потонетъ: и стрѣлецъ и матросы — всѣ на дно пойдутъ.

Комендантъ выслушалъ эти рѣчи, поблагодарилъ Бабу-Ягу за науку, наградилъ ее золотомъ и бѣгомъ къ королю.

— Ваше величество! — говоритъ, такъ и такъ — можно навѣрно стрѣльца извести.

Король согласился и тотчасъ отдалъ приказъ

по флоту: изготовить къ походу старый, гнилой корабль, нагрузить его провизiей на шесть лѣтъ и посадить на него пятьдесятъ матросовъ — самыхъ разгульныхъ и горькихъ пьяницъ. Побѣжали гонцы по всѣмъ кабакамъ, по трактирамъ, набрали такихъ матросовъ, что поглядѣть любо-дорого: у кого глазъ подбитъ, у кого носъ свороченъ на бокъ. Какъ скоро доложили королю, что корабль готовъ, онъ въ ту же минуту потребовалъ къ себѣ стрѣльца:

— Ну, Федотъ, ты у меня молодецъ, первый въ командѣ стрѣлецъ. Сослужи-ка мнѣ службу, поѣзжай за тридевять земель въ тридесятое царство — тамъ есть островъ, на томъ островѣ ходитъ олень золотые-рога. Поймай его живого и привези сюда.

Стрѣлецъ задумался. Не знаетъ, что и отвѣчать ему.

— Думай, не думай, — сказалъ король, а коли не сдѣлаешь дѣла, то мой мечъ — твоя голова съ плечъ.

Федотъ повернулся налѣво кругомъ и пошелъ изъ дворца. Вечеромъ приходитъ домой крѣпко печальный, не хочетъ и слова вымолвить. Спрашиваетъ его жена:

— О чемъ, милый, закручинился? аль невзгода какая?

Онъ разсказалъ ей все сполна.

— Такъ ты объ этомъ печалишься? Есть о чемъ! Это службишка, не служба. Молись-ка Богу да

ложись спать. Утро вечера мудренѣе все будетъ сдѣлано.

Стрѣлецъ легъ и заснулъ, а жена его развернула волшебную книгу — и вдругъ явилися передъ ней два невѣдомыхъ молодца:

— Что угодно, что надобно?

— Ступайте вы за тридевять земель, въ тридесятое царство — на островъ, поймайте оленя золотые-рога и доставьте сюда.

— Слушаемъ! къ свѣту все будетъ, исполнено.

Вихремъ понеслись они на тотъ островъ, схватили оленя золотые-рога, принесли его прямо къ стрѣльцу на дворъ. За часъ до разсвѣта все дѣло покончили и скрылись, словно ихъ и не было. Стрѣльчиха-красавица разбудила своего мужа пораньше и говоритъ ему:

— Поди, посмотри — олень золотые-рога на твоемъ дворѣ гуляетъ. Бери его на корабль съ собою, пять сутокъ впередъ плыви, на шестыя назадъ поворачивай.

Стрѣлецъ посадилъ оленя въ глухую, закрытую клѣтку и отвезъ на корабль.

— Тутъ что? — спрашиваютъ матросы.

— Разные припасы и снадобья. Путь долгій, мало ли что понадобится!

Настало время кораблю отчаливать отъ пристани. Много народу пришло пловцовъ провожать, пришелъ и самъ король, попрощался съ Федотомъ и поставилъ его надъ всѣми матросами за старшаго.

Пятыя сутки плыветъ корабль по морю, береговъ давно не видать, Федотъ-стрѣлецъ приказалъ выкатить на палубу бочку вина въ сорокъ ведеръ и говоритъ матросамъ:

— Пейте, братцы, не жалѣйте, душа — мѣра!

А они тому и рады, бросились къ бочкѣ и давай вино тянуть, да такъ натянулись, что тутъ же возлѣ бочки попадали и заснули крѣпкимъ сномъ. Стрѣлецъ взялся за руль, поворотилъ корабль къ берегу и поплылъ назадъ. А чтобъ матросы про то не свѣдали — знай съ утра до вечера виномъ ихъ накачиваетъ: только они съ перепоя глаза продерутъ, какъ ужъ новая бочка готова — не угодно ли опохмелиться! Какъ разъ на одиннадцатыя сутки привалилъ корабль къ пристани, выкинулъ флагъ и сталъ палить изъ пушекъ. Король услыхалъ пальбу и сейчасъ на пристань — что тамъ такое? Увидалъ стрѣльца, разгнѣвался и накинулся на него со всей жестокостью:

— Какъ ты смѣлъ до сроку назадъ воротиться?

— А куда жъ мнѣ дѣваться, ваше величество? Пожалуй, иной дуракъ десять лѣтъ въ моряхъ проплаваетъ да путнаго ничего не сдѣлаетъ. А мы, вмѣсто шести лѣтъ, всего-на-всего десять сутокъ проѣздили, да свое дѣло справили: не угодно ли взглянуть на оленя золотые-рога?

Тотчасъ сняли съ корабля клѣтку, выпустили златорогаго оленя. Король видитъ, что стрѣлецъ правъ и ничего съ него не возьмешь! Позволилъ ему домой идти, а матросамъ, которые съ нимъ

ѣздили, далъ свободу на цѣлыя на шесть лѣтъ. Никто не смѣй ихъ и на службу спрашивать, по тому самому, что они эти года заслужили. На другой день призвалъ король коменданта, напустился на него съ угрозами:

— Что ты, — говоритъ, — али шутки со мною шутишь? Видно, тебѣ голова твоя не дорога! Какъ знаешь, а найди случай, чтобъ можно было Федота-стрѣльца злой смерти предать.

— Ваше королевское величество! позвольте подумать. Авось можно поправиться.

Пошелъ комендантъ пустырями да закоулками, навстрѣчу ему Баба-Яга:

— Стой, королевскій слуга! Я твои думки вѣдаю. Хочешь, пособлю твоему горю?

— Пособи, бабушка! вѣдь стрѣлецъ вернулся и привезъ оленя золотые-рога.

— Охъ, ужъ слышала! Самъ-то онъ простой человѣкъ. Извести его не трудно бы, — все равно, что щепотку табаку понюхать! да жена у него больно хитра. Ну, да мы загадаемъ ей иную загадку, съ которой не такъ скоро справиться. Ступай къ королю и скажи: пусть пошлетъ онъ стрѣльца туда — не знаю куда, принести то — не знаю что. Ужъ этой задачи онъ во вѣки вѣковъ не выполнитъ: или совсѣмъ безъ вѣсти пропадетъ или съ пустыми руками назадъ придетъ.

Комендантъ наградилъ Бабу-Ягу золотомъ и побѣжалъ къ королю. Король выслушалъ и велѣлъ стрѣльца позвать.

— Ну, Федотъ! ты у меня молодецъ, первый въ командѣ стрѣлецъ. Сослужилъ ты мнѣ одну службу — досталъ оленя золотые-рога. Сослужи и другую: поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что! Да помни: коли не принесешь — то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!

Стрѣлецъ повернулся налѣво кругомъ и пошелъ изъ дворца. Приходитъ домой печальный, задумчивый. Спрашиваетъ его жена:

— Что, милый, кручинишься! аль еще невзгода какая?

— Эхъ, — говоритъ, — одну бѣду съ шеи свалилъ, а другая навалилась: посылаетъ меня король туда — не знаю куда, велитъ принести то — не знаю что. Черезъ твою красу всѣ напасти несу!

— Да, это служба немалая! Чтобъ туда добраться нужно девять лѣтъ идти, да назадъ девять — итого восемнадцать лѣтъ. А будетъ ли толкъ съ того — Богъ вѣдаетъ!

— Что же дѣлать, какъ же быть?

— Молись Богу да ложись спать: утро вечера мудренѣе, завтра все узнаешь.

Стрѣлецъ легъ спать, а жена его дождалась ночи, развернула волшебную книгу — тотчасъ явились передъ ней два молодца:

— Что угодно, что надобно?

— Не вѣдаете ли: какъ ухитриться да пойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

— Нѣтъ, не вѣдаемъ!

Она закрыла книгу, и молодцы съ глазъ исчезли. Поутру будитъ стрѣльчиха своего мужа:

— Ступай къ королю, проси золотой казны на дорогу — вѣдь тебѣ восемнадцать лѣть странствовать. А получишь деньги, заходи со мной проститься.

Стрѣлецъ побывалъ у короля, получилъ изъ казначейства цѣлую кассу золота и приходитъ съ женой прощаться. Она подаетъ ему полотенце и мячикъ:

— Когда выйдешь изъ города, брось этотъ мячикъ передъ собою. Куда покатится, туда и ступай. Да вотъ тебѣ мое рукодѣлье: гдѣ бы ни былъ, а какъ станешь умываться — всегда утирай лицо этимъ полотенцемъ.

Попрощался стрѣлецъ съ своей женой и товарищами, поклонился на всѣ четыре стороны и пошелъ за заставу. Бросилъ мячикъ предъ собою. Мячикъ катится да катится, а онъ за нимъ слѣдомъ идетъ.

Прошло съ мѣсяцъ времени, призываетъ король коменданта и говоритъ ему:

— Стрѣлецъ отправился на восемнадцать лѣтъ по бѣлу свѣту таскаться, и по всему видно, что не быть ему живому. Вѣдь восемнадцать лѣтъ не двѣ недѣли, мало ли, что въ дорогѣ случится! Денегъ у него много: пожалуй, разбойники нападутъ, ограбятъ да злой смерти предадутъ. Кажется можно теперь за его жену приняться. Возьми-ка ты мою

коляску, поѣзжай въ стрѣлецкую слободку и привези ее во дворецъ.

Комендантъ поѣхалъ въ стрѣлецкую слободку, пріѣхалъ къ стрѣльчихѣ-красавицѣ, вошелъ въ избу и говоритъ:

— Здравствуй, умница! Король приказалъ тебя во дворецъ предоставить.

Пріѣзжаетъ она во дворецъ. Король встрѣчаетъ ее съ робостью, ведетъ въ палаты раззолоченныя и говоритъ таково слово:

— Хочешь быть королевою? Я тебя замужъ возьму.

— Гдѣ-жъ это видано, гдѣ-жъ это слыхано: отъ живого мужа жену отбивать! Каковъ ни на есть, хоть простой стрѣлецъ, а мнѣ онъ — законный мужъ.

— Не пойдешь охотою, возьму силою!

Красавица усмѣхнулась, ударилась объ полъ, обернулась горлицей и улетѣла въ окно.

Много царствъ и земель прошелъ стрѣлецъ, а мячикъ все катится. Гдѣ рѣка встрѣтится, тамъ мячикъ мостомъ перебросится. Гдѣ стрѣльцу отдохнуть захочется, тамъ мячикъ пуховой постелью раскинется. Долго ли, коротко ли — скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Приходитъ стрѣлецъ къ большому дворцу. Мячикъ докатился до воротъ и пропалъ. Вотъ стрѣлецъ подумалъ, подумалъ:

— Дай, пойду прямо!

Вошелъ по лѣстницѣ въ покой. Встрѣчаютъ его три дѣвицы неописанной красоты:

— Откуда и зачѣмъ, добрый человѣкъ, пожаловалъ!

— Ахъ, красныя дѣвицы! не дали мнѣ съ дальняго похода отдохнуть, да начали спрашивать. Вы бы прежде меня покормили-напоили, отдохнуть положили, да тогда бы и вѣстей спрашивали.

Онѣ тотчасъ собрали на столъ, посадили его, накормили-напоили и спать уложили. Стрѣлецъ выспался, встаетъ съ мягкой постели — красныя дѣвицы несутъ къ нему умывальницу и шитое полотенце. Онъ умылся ключевой водой, а полотенца не принимаетъ.

— У меня, — говоритъ, — свое полотенце есть лицо утереть.

Вынулъ полотенце и сталъ утираться. Спрашиваютъ его красныя дѣвицы:

— Добрый человѣкъ! скажи: откуда досталъ ты это полотенце.

— Мнѣ его жена дала.

— Стало быть, ты женатъ на нашей родной сестрицѣ!

Кликнули мать-старушку. Та какъ взглянула на полотенце, въ ту жъ минуту признала:

— Это моей дочки рукодѣлье!

Начала у гостя разспрашивать-развѣдывать. Онъ разсказалъ ей, какъ женился на ея дочери и какъ царь послалъ его туда — не знаю куда, принести то — не знаю что.

— Ахъ, зятюшка! вѣдь про это диво даже я не слыхивала! Постой-ка, авось мои слуги вѣдаютъ.

Вышла старуха на крыльцо, крикнула громкимъ голосомъ, и вдругъ — откуда только взялись! — набѣжали всякіе звѣри, налетѣли всякія птицы.

— Гой есте, звѣри лѣсные и птицы воздушныя! вы, звѣри, вездѣ рыскаете. Вы, птицы, всюду летаете: не слыхали-ль, какъ дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

Всѣ звѣри и птицы въ одинъ голосъ отвѣчали:

— Нѣтъ, мы про то не слыхивали!

Распустила ихъ старуха по своимъ мѣстамъ — по трущобамъ, по лѣсамъ, по рощамъ. Воротилась въ горницу, достала свою волшебную книгу, развернула ее — и тотчасъ явились къ ней два великана:

— Что угодно, что надобно?

— А вотъ что, слуги мои вѣрные! понесите меня съ зятемъ на окіянъ-море широкое и станьте какъ разъ на срединѣ — на самой пучинѣ.

Тотчасъ подхватили они стрѣльца со старухою, понесли ихъ, словно вихри буйные, на окіянъ-море широкое и стали на срединѣ — на самой пучинѣ: сами, какъ столбы, стоятъ, а стрѣльца со старухой на рукахъ держатъ. Крикнула старуха громкимъ голосомъ — и приплыли къ ней всѣ гады и рыбы морскія: такъ и кишатъ; изъ-за нихъ синяго моря не видно!

— Гой есте, гады и рыбы морскія! вы вездѣ плаваете, у всѣхъ островов бываете: не слыхали ль,

какъ дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

Всѣ гады и рыбы въ одинъ голосъ отвѣчали:

— Нѣтъ, мы про то не слыхивали!

Вдругъ протѣснилась старая колючая лягушка, которая ужъ лѣтъ тридцать какъ въ отставкѣ жила, и говоритъ:

— Ква-ква! я знаю, гдѣ эдакое диво найти.

— Ну, милая, тебя-то мнѣ и надобно! — сказала старуха, взяла лягушку и велѣла великанамъ себя и зятя домой отнести. Мигомъ очутились они во дворцѣ. Стала старуха лягушку допытывать:

— Какъ и какою дорогою моему зятю идти?

Отвѣчаетъ лягушка:

— Это мѣсто на краю свѣта — далеко-далеко! Я бы сама его проводила, да ужъ больно стара, еле ноги волочу. Мнѣ туда въ пятьдесятъ лѣтъ не допрыгать.

Старуха принесла большую банку, напила свѣжимъ молокомъ, посадила въ нее лягушку и даетъ зятю:

— Неси, — говоритъ, — эту банку въ рукахъ, а лягушка пусть тебѣ дорогу показываетъ.

Стрѣлецъ взялъ банку съ лягушкою, попрощался со старухою и ея дочками и отправился въ путь. Онъ идетъ, а лягушка ему дорогу показываетъ.

Близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, —

приходитъ къ огненной рѣкѣ. За тою рѣкой высокая гора стоитъ, въ той горѣ дверь видна.

— Ква-ква! — говоритъ лягушка, — выпусти меня изъ банки. Намъ надо черезъ рѣку переправиться.

Стрѣлецъ вынулъ ее изъ банки и пустилъ на землю.

— Ну, добрый молодецъ, садись на меня, да не жалѣй, небось, не раздавишь!

Стрѣлецъ сѣлъ на лягушку и прижалъ ее къ землѣ. Начала лягушка дуться дулась-дулась и сдѣлалась такая большая, словно стогъ сѣнной. У стрѣльца только и на умѣ, какъ бы не свалиться:

— Коли свалюсь, до смерти ушибусь!

Лягушка надулась да какъ прыгнетъ — перепрыгнула черезъ огненную рѣку и сдѣлалась опять маленькою.

— Теперь, добрый молодецъ, ступай въ эту дверь, а я тебя здѣсь подожду. Войдешь ты въ пещеру и хорошенько спрячься. Спустя нѣкоторое время придутъ два старца. Слушай, что они будутъ говорить и дѣлать, а послѣ, какъ они уйдутъ, и самъ то же говори и дѣлай!

Стрѣлецъ подошелъ къ горѣ, отворилъ дверь — въ пещерѣ такъ темно, хоть глазъ выколи! Полѣзъ на корачкахъ и сталъ руками щупать. Нащупалъ пустой шкапъ, сѣлъ въ него и закрылся. Вотъ немного погодя приходятъ туда два старца и говорятъ:

— Эй, Шматъ-разумъ, покорми-ка насъ!

Въ ту жъ минуту — откуда что взялось! — зажглись люстры, загремѣли тарелки и блюда, явились на столѣ разныя вина и кушанья. Старики напились, наѣлись, и приказываютъ:

— Эй, Шматъ-разумъ! убери все!

Вдругъ ничего не стало — ни стола, ни винъ, ни кушанья, люстры всѣ погасли. Слышитъ стрѣлецъ, что два старца ушли, вылѣзъ изъ шкапа и крикнулъ:

— Эй, Шматъ-разумъ!

— Что угодно?

— Покорми меня!

Опять явились и люстры зажженныя, и столъ накрытый, и всякіе напитки и кушанья. Стрѣлецъ сѣлъ за столъ и говоритъ:

— Эй, Шмать-разумъ! садись, братъ, со мною. Станемъ пить-ѣсть вмѣстѣ, а то одному мнѣ скучно.

Отвѣчаетъ невидимый голосъ:

— Ахъ, добрый человѣкъ! Откуда тебя Богъ принесъ? Скоро тридцать лѣтъ, какъ я двумъ старцамъ вѣрой и правдой служу, а за все это время они ни разу меня съ собой не сажали.

Стрѣлецъ и удивляется: никого не видать, а кушанья съ тарелокъ словно кто метелочкой подметаетъ, а бутылки съ виномъ сами поднимаются, сами въ рюмки наливаются, глядь — ужъ и пусты! Вотъ стрѣлецъ наѣлся, напился и говоритъ:

— Послушай, Шматъ-разумъ! хочешь мнѣ служить? у меня житье хорошее.

— Отчего не хотѣть! мнѣ давно надоѣло здѣсь, а ты вижу, человѣкъ добрый.

— Ну, прибирай все, да пойдемъ со мною!

Вышелъ стрѣлецъ изъ пещеры, оглянулся назадъ — нѣтъ никого...

— Шматъ-разумъ! ты здѣсь?

— Здѣсь! не бойся, я отъ тебя не отстану.

— Ладно! — сказалъ стрѣлецъ и сѣлъ на лягушку. Лягушка надулась и перепрыгнула черезъ огненную рѣку. Онъ посадилъ ее въ банку и отправился въ обратный путь. Пришелъ къ тещѣ и заставилъ своего новаго слугу хорошенько угостить старуху и ея дочекъ. Шматъ-разумъ такъ ихъ употчивалъ, что старуха съ радости чуть плясать не пошла, а лягушкѣ, за ея вѣрную службу, назначила по три банки молока въ день давать. Стрѣлецъ распрощался съ тещей и пустился домой.

Шелъ, шелъ и сильно уморился. Прибились его ноги скорыя, опустились руки бѣлыя.

— Эхъ, — говоритъ, — Шматъ-разумъ! если-бъ ты вѣдалъ, какъ я усталъ: просто ноги отнимаются.

— Что-жъ ты мнѣ давно не скажешь? я бъ тебя живо на мѣсто доставилъ.

Тотчасъ подхватило стрѣльца буйнымъ вихремъ и понесло по воздуху такъ шибко, что съ головы шапка свалилась.

— Эй, Шматъ-разумъ! постой на минутку, моя шапка свалилась.

— Поздно, сударь, хватился! твоя шапка теперь за пять тысячъ верстъ назади.

Города и деревни, рѣки и лѣса такъ и мелькаютъ передъ глазами... Вотъ летитъ стрѣлецъ надъ глубокимъ моремъ, и говоритъ ему Шматъразумъ:

— Хочешь — я на этомъ морѣ золотую бесѣдку сдѣлаю? можно будетъ отдохнутъ да и счастье добыть.

— А ну, сдѣлай! — сказалъ стрѣлецъ и сталъ опускаться на море. Гдѣ за минуту только волны поднимались, — тамъ появился островокъ, на островкѣ золотая бесѣдка. Говоритъ стрѣльцу Шматъ-разумъ.

— Садись въ бесѣдку, отдыхай, на море поглядывай. Будутъ плыть мимо три купеческихъ корабля и пристанутъ къ острову: ты зазови купцовъ, угости-употчивай и промѣняй меня на три диковинки, что купцы съ собой везутъ. Въ свое время я къ тебѣ назадъ вернусь!

Смотритъ стрѣлецъ — съ западной стороны три корабля плывутъ. Увидали корабельщики островъ и золотую бесѣдку:

— Что за чудо! — говорятъ, — сколько разъ мы тутъ плавали, кромѣ воды, ничего не было, а тутъ на поди! золотая бесѣдка явилась. Пристанемте, братцы, къ берегу, поглядимъ-полюбуемся.

Тотчасъ остановили корабельный ходъ и бро-

сили якори. Три купца-хозяина сѣли на легкую лодочку и поѣхали на островъ.

— Здравствуй, добрый человѣкъ!

— Здравствуйте, купцы чужеземные, милости просимъ ко мнѣ, погуляйте, повеселитесь, роздыхъ возьмите: нарочно для заѣзжихъ гостей и бесѣдка выстроена.

Купцы вошли въ бесѣдку, сѣли на скамеечку.

— Эй, Шматъ-разумъ! — закричалъ стрѣлецъ, — дай-ка намъ попить-поѣсть!

Явился столъ, на столѣ вина и кушанья. Чего душа захочетъ — все мигомъ исполнено! Купцы только ахаютъ:

— Давай, — говорятъ, — мѣняться! Ты намъ своего слугу отдай, а у насъ возьми за то любую диковинку.

— А какія у васъ диковинки?

— Посмотри — увидишь!

Одинъ купецъ вынулъ изъ кармана маленькій ящичекъ, только открылъ его — тотчасъ по всему острову славный садъ раскинулся, и съ цвѣтами, и съ дорожками. А закрылъ ящичекъ — и садъ пропалъ. Другой купецъ вынулъ изъ-подъ полы топоръ и началъ тяпать: тяпъ да ляпъ — вышелъ корабль! тяпъ да ляпъ — еще корабль! Сто разъ тяпнулъ — сто кораблей сдѣлалъ, съ парусами, съ пушками и съ матросами: корабли плывутъ, въ пушки палятъ, отъ купца приказовъ спрашиваютъ... Натѣшился онъ, спряталъ свой топоръ — и корабли съ глазъ исчезли, словно ихъ и не было!

Третій купецъ досталъ рогъ, затрубилъ въ одинъ конецъ — тотчасъ войско явилось: и пѣхота, и конница, съ ружьями, съ пушками, съ знаменами. Отъ всѣхъ полковъ посылаютъ къ купцу рапорты, а онъ отдаетъ имъ приказы: войска идутъ, музыка гремитъ, знамена развѣваются... Натѣшился купецъ, взялъ трубу, затрубилъ съ другого конца — и нѣтъ ничего, куда вся сила дѣвалась!

— Хороши ваши диковинки, да мнѣ не пригодны! — сказалъ стрѣлецъ, — войска да корабли — дѣло царское, а я простой солдатъ. Коли хотите со мной помѣняться, то давайте мнѣ за одного слугу-невидимку всѣ три диковинки.

— Не много ли будетъ?

— Ну, какъ знаете, а я иначе мѣняться не стану!

Купцы подумали про себя:

— На что намъ этотъ садъ, эти полки и военные корабли? лучше помѣняться, по крайней мѣрѣ безо всякой заботы будемъ и сыты и пьяны. Отдали стрѣльцу свои диковинки и говорятъ:

— Эй, Шматъ-разумъ! мы тебя беремъ съ собою. Будешь ли намъ служить вѣрой-правдою?

— Отчего не служить? мнѣ все равно — у кого ни жить.

Воротились купцы на свои корабли и давай всѣхъ корабельщиковъ поить угощать:

— Ну-ка, Шматъ-разумъ, поворачивайся!

Перепились всѣ допьяна и заснули крѣпкимъ сномъ. А стрѣлецъ сидитъ въ золотой бесѣдкѣ, призадумался и говоритъ:

— Эхъ, жалко! гдѣ-то теперь мой вѣрный слуга Шматъ-разумъ?

— Я здѣсь, господинъ!

Стрѣлецъ обрадовался:

— Не пора ли намъ домой?

Только сказалъ, какъ вдругъ подхватило его буйнымъ вихремъ и понесло по воздуху.

Купцы проснулись и захотѣлось имъ выпить съ похмелья:

— Эй, Шматъ-разумъ! дай-ка намъ опохмелиться.

Никто не отзывается, никто не прислуживаетъ. Сколько ни кричали, сколько ни приказывали — нѣтъ ни на грошъ толку!

— Ну, братцы! Дались мы въ обманъ! Теперь чортъ его найдетъ! и островъ пропалъ и золотая бесѣдка сгинула.

Погоревали, погоревали купцы, подняли паруса и отправились — куда имъ было надобно.

Быстро прилетѣлъ стрѣлецъ въ свое государство, опустился возлѣ синяго моря на пустомъ мѣстѣ.

— Эй, Шматъ-разумъ! нельзя ли здѣсь дворецъ выстроить?

— Отчего нельзя! сейчасъ будетъ готовъ!

Вмигъ дворецъ поспѣлъ да такой славный, что и сказать нельзя: вдвое лучше королевскаго. Стрѣлецъ открылъ ящичекъ, и кругомъ дворца садъ явился съ рѣдкими деревьями и цвѣтами. Вотъ сидитъ стрѣлецъ у открытаго окна да на свой садъ

любуется — вдругъ влетѣла въ окно горлица, ударилась объ землю и оборотилась его молодой женою. Обнялись они, поздоровались, стали другъ друга разспрашивать, другъ другу разсказывать. Говоритъ стрѣльцу жена:

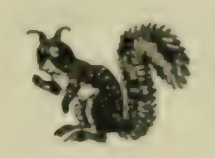
— Съ той самой поры, какъ ты изъ дому ушелъ, я все время по лѣсамъ да по рощамъ сирой горлинкой летала.

На другой день поутру вышелъ король на балконъ, глянулъ на сине море и видитъ — на самомъ берегу стоитъ новый дворецъ, а кругомъ дворца зеленый садъ.

— Какой это невѣжа вздумалъ безъ спросу на моей землѣ строиться?

Побѣжали гонцы, развѣдали и докладываютъ, что дворецъ тотъ стрѣльцомъ поставленъ, и живетъ во дворцѣ онъ самъ, и жена при немъ. Король пуще разгнѣвался, приказалъ собрать войско и итти на взморье, садъ до тла разорить, дворецъ на мелкія части разбить, а самого стрѣльца и его жену лютой смерти предать. Усмотрѣлъ стрѣлецъ, что идетъ на него сильное войско королевское, схватилъ поскорѣе топоръ, тяпъ да ляпъ — вышелъ корабль! сто разъ тяпнулъ — сто кораблей сдѣлалъ. Потомъ вынулъ рогъ, затрубилъ разъ — повалила пѣхота, затрубилъ въ другой — повалила конница. Бѣгутъ къ нему начальники изъ полковъ, съ кораблей и ждутъ приказу. Стрѣлецъ приказалъ начинать сраженіе. Тотчасъ заиграла музыка, ударили въ барабаны, полки двинулись:

пѣхота ломитъ королевскихъ солдатъ, конница догоняетъ, въ плѣнъ забираетъ, а съ кораблей по столичному городу такъ и жарятъ пушками. Король видитъ, что его армія бѣжитъ, бросился было самъ войско останавливать — да куда! Не прошло и полчаса, какъ его самого полонили. Когда кончилось сраженіе, собрался народъ и началъ стрѣльца просить, чтобъ взялъ въ свои руки все государство. Онъ на то согласился и сдѣлался королемъ, а жена его королевою.



Морской царь и Василиса Премудрая.

Жилъ-былъ царь съ царицею. Любилъ онъ ходить на охоту и стрѣлять дичь. Вотъ одинъ разъ пошелъ царь на охоту и видитъ: сидитъ на дубу раненый орелъ. Только хотѣлъ его застрѣлить, орелъ и проситъ:

— Не стрѣляй меня, царь-государь! возьми лучше къ себѣ, въ нѣкое время я тебѣ пригожусь.

Царь подумалъ, подумалъ и говоритъ:

— Зачѣмъ ты мнѣ нуженъ? — и хочетъ опять стрѣлять.

Говоритъ ему орелъ въ другой разъ:

— Не стрѣляй меня, царь-государь! возьми лучше къ себѣ, въ нѣкое время я тебѣ пригожусь.

Царь думалъ, думалъ и опять-таки не придумалъ, на что бы такое пригодился ему орелъ, и хочетъ царь совсѣмъ застрѣлить его. Орелъ и въ третій разъ провѣщалъ:

— Не стрѣляй меня, царь-государь! возьми лучше къ себѣ да прокорми три года. Въ нѣкое время я пригожусь тебѣ!

Царь смиловался, взялъ орла къ себѣ и кормилъ его годъ и два. Орелъ такъ много поѣдалъ, что всю скотину пріѣлъ: не стало у царя ни овцы, ни коровы. Говоритъ ему орелъ:

— Пусти-ка меня на волю!

Царь выпустилъ его на волю. Попробовалъ орелъ свои крылья, нѣтъ — не можетъ еще летать! и проситъ:

— Ну, царь-государь! кормилъ ты меня два года. Ужъ какъ хочешь, покорми еще годъ. Хоть займи да прокорми: въ накладѣ не будешь!

Царь то и сдѣлалъ: вездѣ занималъ скотину и цѣлый годъ кормилъ орла, а послѣ выпустилъ его на волю вольную. Орелъ поднялся высоко-высоко, леталъ, леталъ, спустился на землю и говоритъ:

— Ну, царь-государь! садись теперь на меня, полетимъ вмѣстѣ.

Царь сѣлъ на птицу. Вотъ и полетѣли они. Ни много, ни мало прошло времени, прилетѣли на край моря синяго. Тутъ орелъ скинулъ съ себя царя, и упалъ тотъ въ море — по колѣни намокъ. Только орелъ не далъ ему потонуть, подхватилъ его на крыло и спрашиваетъ:

— Что, царь-государь, небось испугался?

— Испугался, — говоритъ царь. — Думалъ, что совсѣмъ потону.

Опять летѣли-летѣли, прилетѣли къ другому

морю. Орелъ скинулъ съ себя царя какъ разъ посреди моря — чуть не по поясъ царь намокъ. Подхватилъ его орелъ на крыло и спрашиваетъ:

— Что, царь-государь, небось испугался?

— Испугался, — говоритъ царь, — да все думалось: авось, Богъ дастъ, ты меня вытащишь.

Опять летѣли-летѣли и прилетѣли къ третьему морю. Скинулъ орелъ царя въ великую глубь — такъ что намокъ царь по самую шею. И въ третій разъ подхватилъ его орелъ на крыло и спрашиваетъ:

— Что, царь-государь, небось испугался?

— Испугался — говоритъ царь, — да все думалось: авось ты меня вытащишь.

— Ну, царь-государь, теперь ты извѣдалъ, каковъ смертный страхъ. Это тебѣ за старое, за прошлое: помнишь ли, какъ сидѣлъ я на дубу, а ты хотѣлъ меня застрѣлить. Три раза принимался стрѣлять, а я все просилъ тебя, да на мысли держалъ: авось не загубитъ, авось смилуется — къ себѣ возьметъ!

Послѣ полетѣли они за тридевять земель. Долго-долго летѣли. Сказываетъ орелъ:

— Посмотри-ка, царь-государь, что надъ нами и что подъ нами?

Посмотрѣлъ царь.

— Надъ нами, — говоритъ, — небо, подъ нами — земля.

— Посмотри-ка еще, что по правую сторону и что по лѣвую?

— По правую сторону — поле чистое, по лѣвую — домъ стоитъ.

— Полетимъ туда, — сказалъ орелъ, — тамъ живетъ моя меньшая сестра.

Опустились прямо на дворъ. Сестра выступила навстрѣчу, принимаетъ своего брата, сажаетъ его за дубовый столъ, а на царя и смотрѣть не хочетъ. Оставила его на дворѣ, спустила борзыхъ собакъ и давай травить. Крѣпко осерчалъ орелъ, выскочилъ изъ-за стола, подхватилъ царя и полетѣлъ съ нимъ дальше. Вотъ летѣли они, летѣли. Говоритъ орелъ царю:

— Погляди, что позади насъ?

Обернулся царь, посмотрѣлъ:

— Позади насъ домъ красный.

А орелъ ему:

— То горитъ домъ меньшей моей сестры — зачѣмъ тебя не принимала да борзыми собаками травила!

Летѣли-летѣли, орелъ опять спрашиваетъ:

— Посмотри, царь-государь, что надъ нами и что подъ нами?

— Надъ нами небо, подъ нами земля.

— Посмотри-ка, что будетъ по правую сторону и что по лѣвую?

— По правую сторону — поле чистое, по лѣвую домъ стоитъ.

— Тамъ живетъ моя средняя сестра. Полетимъ къ ней въ гости.

Опустились на широкій дворъ. Средняя сестра

принимаетъ своего брата, сажаетъ его за дубовый столъ, а царь на дворѣ остался. Выпустила она борзыхъ собакъ и притравила его. Орелъ осерчалъ, выскочилъ изъ-за стола, подхватилъ царя и улетѣлъ съ нимъ еще дальше. Летѣли они, летѣли. Орелъ говоритъ:

— Царь-государь! посмотри, что позади насъ?

Царь обернулся:

— Стоитъ позади красный домъ.

— То горитъ домъ моей средней сестры! — сказалъ орелъ: почто тебя неласково приняла? Теперь полетимъ туда, гдѣ живутъ моя мать и старшая сестра.

Вотъ прилетѣли туда. Мать и старшая сестра куда какъ имъ обрадовались и принимали царя съ честью, съ ласкою.

— Ну, царь-государь, — сказалъ орелъ, — отдохни у насъ, а послѣ дамъ тебѣ корабль, расплачусь съ тобой за все, что поѣлъ у тебя, и ступай съ Богомъ домой!

Далъ онъ царю корабль и два сундучка: одинъ — красный, другой — зеленый и сказываетъ:

— Смотри же, не отпирай сундучковъ, пока домой не пріѣдешь. Красный сундучокъ отопри на заднемъ дворѣ, а зеленый сундучокъ — на переднемъ дворѣ.

Взялъ царь сундучки, распростился съ орломъ и поѣхалъ по синему морю. Доѣхалъ до какого-то острова, тамъ его корабль остановился. Вышелъ онъ на берегъ, вспомнилъ про сундучки, сталъ

придумывать, что бы такое въ нихъ было, и зачѣмъ орелъ не велѣлъ открывать ихъ, думалъ-думалъ, не утерпѣлъ — больно узнать ему захотѣлось — взялъ онъ красный сундучокъ, поставилъ на землю и открылъ, а оттуда столько разнаго скота вышло, что глазомъ не окинешь! едва на островѣ помѣстились. Какъ увидѣлъ это царь, загорюнился, началъ плакать и приговаривать:

— Что же мнѣ теперь дѣлать? Какъ соберу все стадо въ такой маленькій сундучокъ?

И видитъ онъ — вышелъ изъ воды человѣкъ, подходитъ къ нему и спрашиваетъ:

— Чего ты, царь-государь, такъ горько плачешь?

— Какъ же мнѣ не плакать? — отвѣчаетъ царь: — какъ мнѣ будетъ собрать все это стадо великое въ такой маленькій сундучокъ?

— Пожалуй, я помогу твоему горю, соберу тебѣ все стадо, только съ уговоромъ: отдай мнѣ — чего дома не знаешь.

Задумался царь:

— Чего бы это я дома не зналъ! кажись, все знаю.

— Собери, — говоритъ, — отдамъ тебѣ — чего дома не знаю.

Вотъ тотъ человѣкъ собралъ ему въ сундучокъ всю скотину. Царь сѣлъ на корабль и поплылъ во-свояси. Какъ пріѣхалъ домой, тутъ только увидалъ, что родился у него сынъ царевичъ, сталъ

онъ его цѣловать-миловать, а самъ такъ слезами и разливается.

— Царь-государь! — спрашиваетъ царица. — Скажи, о чемъ горьки слезы ронишь?

— Съ радости, — говоритъ.

Побоялся сказать ей правду-то, что надо стдавать царевича. Вышелъ онъ послѣ на заднiй дворъ, открылъ красный сундучокъ — и полѣзли оттуда быки да коровы, овцы да бараны. Много-много набралосъ всякаго скота, всѣ сараи стали полны. Вышелъ на переднiй дворъ, открылъ зеленый сундучокъ — и появился передъ нимъ большой да славный садъ: какихъ-какихъ деревьевъ тутъ не было! Царь такъ обрадовался, что и забылъ, что придется отдавать сына. Прошло много лѣтъ. Разъ какъ-то захотѣлось царю погулять, подошелъ онъ къ рѣкѣ. На ту пору показался изъ воды человѣкъ, котораго онъ на островѣ видалъ, и говоритъ:

— Скоро же ты, царь-государь, забывчивъ сталъ! вспомни, вѣдь ты долженъ мнѣ!

Воротился царь домой съ тоскою-кручиною и разсказалъ царицѣ и царевичу всю правду истинную. Погоревали, поплакали всѣ вмѣстѣ и рѣшили, что дѣлать нечего, надо отдавать царевича. Отвезли его на взморье и оставили одного.

Оглядѣлся царевичъ кругомъ, увидалъ тропинку и пошелъ по ней: авось куда-нибудь Богъ приведетъ. Шелъ-шелъ и очутился въ дремучемъ

лѣсу. Стоитъ въ лѣсу избушка, въ избушкѣ живетъ Баба-Яга.

— Дай, зайду, — подумалъ царевичъ и вошелъ въ избушку.

— Здравствуй, царевичъ! — молвила Баба-Яга. — Дѣло ищешь или отъ дѣла рыщешь.

— Эхъ, бабушка! напои, накорми, да потомъ и разспроси.

Она его напоила, накормила, и царевичъ разсказалъ про все безъ утайки, куда и зачѣмъ идетъ.

Говоритъ ему Баба-Яга:

— Иди, дитятко, на море. Прилетятъ туда двѣнадцать горлицъ, обернутся красными дѣвицами и станутъ купаться. Ты подкрадися потихоньку и захвати у старшей дѣвицы сорочку, а какъ поладишь съ ней по-добру, то и ступай къ морскому царю, и попадутся тебѣ навстрѣчу Объѣдало да Опивало, попадется еще Морозъ-Трескунъ — всѣхъ возьми съ собою. Они тебѣ къ добру пригодятся.

Простился царевичъ съ Ягою, пошелъ на указанное мѣсто — на море и спрятался за кусты. Тутъ прилетѣли двѣнадцать горлицъ, ударились объ сырую землю, обернулись красными дѣвицами и стали купаться. Царевичъ скралъ у старшей сорочку, сидитъ за кустами — не ворохнется. Дѣвицы выкупались и вышли на берегъ. Одиннадцать подхватили свои сорочки, обернулись птицами и полетѣли домой.

Оставалась одна старшая, Василиса Премудрая.

Стала молить, стала просить добра молодца:

— Отдай, — говоритъ, — мою сорочку. Придешь къ батюшкѣ Водяному Царю — въ то времячко я тебѣ пригожусь.

Царевичъ отдалъ ей сорочку, она сейчасъ обернулась горлицей и улетѣла вслѣдъ за подружками. Пустился царевичъ дальше. Повстрѣчались ему на пути богатыри: Объѣдало, Опивало да Морозъ-Трескунъ. Взялъ ихъ съ собою и пришелъ къ Водяному Царю. Увидалъ его Водяной Царь и говоритъ:

— Здорово, дружокъ! Что такъ долго ко мнѣ не бывалъ? Я усталъ, тебя дожидаючи. Принимайся-ка теперь за работу. Вотъ тебѣ первая задача: построй за одну ночь большой хрустальный мостъ, чтобъ къ утру готовъ былъ. Не построишь — голова долой!

Идетъ царевичъ отъ Водяного, самъ слезами заливается. Василиса Премудрая отворила окошечко въ своемъ терему и спрашиваетъ:

— О чемъ, царевичъ, слезы ронишь?

— Ахъ, Василиса Премудрая! какъ же мнѣ не плакать? Приказалъ твой батюшка за единую ночь построить хрустальный мостъ, а я и топоръ-то не умѣю въ руки взять!

— Ничего! ложись-ка спать. Утро вечера мудренѣе.

Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, — свистнула молодецкимъ посвистомъ, — со всѣхъ сторонъ сбѣжались плотники-работники: кто мѣсто ровняетъ, кто кирпичи таскаетъ. Скоро поставили хрустальный мостъ, вывели на немъ узоры хитрые и разошлись по домамъ. Поутру рано будитъ Василиса Премудрая царевича.

— Вставай, царевичъ, мостъ готовъ, сейчасъ батюшка смотрѣть придетъ.

Всталъ царевичъ, взялъ метлу. Стоитъ себѣ на мосту — гдѣ подмететъ, гдѣ почиститъ. Похвалилъ его Водяной Царь:

— Спасибо! — говоритъ, — сослужилъ мнѣ единую службу, сослужи и другую. Вотъ тебѣ задача: насади къ утру зеленый садъ — большой да вѣтвистый, въ саду бы птицы пѣвчія распѣвали, на деревьяхъ бы цвѣты расцвѣтали, груши-яблоки спѣлыя висѣли.

Идетъ царевичъ отъ Водяного, самъ слезами заливается. Василиса Премудрая отворила окошечко и спрашиваетъ:

— О чемъ плачешь, царевичъ?

— Какъ же мнѣ не плакать? Велѣлъ твой батюшка за единую ночь садъ насадить.

— Ничего! ложись спать: утро вечера мудренѣе.

Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, — свистнула молодецкимъ посвистомъ, — со всѣхъ сторонъ сбѣжались садовники-огород-

ники и насадили зеленый садъ, въ саду птицы пѣвчія распѣваютъ, на деревьяхъ цвѣты расцвѣтаютъ, груши-яблоки спѣлыя висятъ. Поутру рано будитъ Василиса Премудрая царевича:

— Вставай, царевичъ, садъ готовъ, батюшка смотрѣть идетъ.

Царевичъ сейчасъ за метлу да въ садъ: гдѣ дорожку подмететъ, гдѣ вѣточку поправитъ. Похвалилъ его Водяной Царь:

— Спасибо, царевичъ! Сослужилъ ты мнѣ службу вѣрой-правдою. Выбирай себѣ за то нѣвѣсту изъ двѣнадцати моихъ дочерей. Всѣ онѣ лицо въ лицо, волосъ въ волосъ, платье въ платье. Угадаешь до трехъ разъ одну и ту же — будетъ она твоею женою, не угадаешь — велю тебя казнить.

Узнала про то Василиса Премудрая, улучила время и говоритъ царевичу:

— Въ первый разъ я платкомъ махну, въ другой платье поправлю, въ третій надъ моей головой будетъ муха летать.

Такъ-то и угадалъ царевичъ Василису Премудрую до трехъ разъ. Повѣнчали ихъ и стали пиръ пировать. Водяной Царь наготовилъ много всякаго кушанья — сотнѣ человѣкъ не съѣсть — и велитъ зятю, чтобы все было поѣдено. Коли что останется — худо будетъ.

— Батюшка! — проситъ царевичъ, — есть у насъ старичекъ, дозволь и ему закусить съ нами.

— Пускай придетъ!

Сейчасъ явился Объѣдало. Все пріѣлъ, еще мало стало. Водяной Царь наставилъ всякаго питья сорокъ бочекъ и велитъ зятю, чтобъ все дочиста было выпито.

— Батюшка! — проситъ опять царевичъ, — есть у насъ другой старичекъ, дозволь и ему выпить за твое здоровье.

— Пускай придетъ!

Явился Опивало, заразъ опросталъ всѣ сорокъ бочекъ — еще опохмелиться проситъ. Видитъ Водяной Царь что ничто его не беретъ, приказалъ истопить для молодыхъ баню чугунную — на-жарко. Истопили баню чугунную, двадцать сажень дровъ сожгли, докрасна печь и стѣны раскалили — за пять верстъ подойти нельзя.

— Батюшка! — говоритъ царевичъ, — дозволь напередъ нашему старичку попариться, баню попробовать.

— Пускай попарится!

Пришелъ въ баню Морозъ-Трескунъ; въ одинъ уголъ дунулъ, въ другой дунулъ — ужъ сосульки висятъ. Вслѣдъ за нимъ и молодые въ баню сходили, помылись, попарились и домой воротились.

— Уйдемъ отъ батюшки Водяного Царя, — говоритъ Василиса Премудрая. — Онъ на тебя больно сердитъ, не причинилъ бы зла какого!

— Уйдемъ! — говоритъ царевичъ.

Сейчасъ осѣдлали коней и поскакали въ чистое поле. Ѣхали-ѣхали, прошло много времени.

— Слѣзь-ка, царевичъ, съ коня да припади ухомъ къ сырой землѣ, — сказала Василиса Премудрая, — не слыхать ли за нами погони?

Царевичъ припалъ ухомъ къ сырой землѣ: ничего не слышно. Василиса Премудрая сошла сама съ добраго коня, прилегла къ сырой землѣ и говоритъ:

— Ахъ, царевичъ, слышу сильную за нами погоню.

Оборотила она коней — колодеземъ, себя — ковшикомъ, а царевича старымъ старичкомъ. Наѣхала погоня:

— Эй, старикъ! не видалъ ли добра молодца съ красной дѣвицей?

— Видѣлъ, родимые, только давно: они еще въ тѣ поры проѣхали, какъ я молодъ былъ.

Погоня воротилась къ Водяному Царю:

— Нѣтъ, — говоритъ, — ни слѣдовъ, ни вѣсти. Только и видѣли, что старика возлѣ колодезя, по водѣ ковшикъ плаваетъ.

— Что-жъ вы ихъ не брали! — закричалъ Водяной Царь и тутъ же предалъ гонцовъ лютой смерти. А за царевичемъ и Василисой Премудрою послалъ другую смѣну. А царевичъ съ царевной тѣмъ временемъ далеко-далеко уѣхали. Услыхала Василиса Премудрая новую погоню, оборотила царевича старымъ попомъ, а сама сдѣлалась ветхою церковью: еле стѣны держатся, кругомъ мохомъ обросли. Наѣхала погоня:

— Эй, старичекъ! не видалъ ли добра молодца съ красной дѣвицей?

— Видѣлъ, родимые! только давнымъ-давно: они еще въ тѣ поры проѣхали, какъ я молодъ былъ, эту церковь строилъ.

И вторая погоня воротилась къ Водяному Царю:

— Нѣтъ, ваше царское величество, ни слѣдовъ, ни вѣсти: только и видѣли, что старца-попа да церковь ветхую.

— Что жъ вы ихъ не брали! — закричалъ пуще прежняго Водяной Царь.

Предалъ гонцовъ лютой смерти, а за царевичемъ и Василисой Премудрою самъ поскакалъ. На этотъ разъ Василиса Премудрая оборотила коней рѣкою медовою, берегами кисельными, царевича — селезнемъ, себя — сѣрой утицею. Водяной Царь бросился на кисель и сыту, ѣлъ-ѣлъ, пилъ-пилъ — до того, что лопнулъ! Тутъ и духъ испустилъ. Царевичъ съ Василисой Премудрою поѣхали дальше, стали они подъѣзжать домой, къ отцу, къ матери царевича, Василиса Премудрая и говоритъ:

— Ступай, царевичъ, впередъ, доложись отцу съ матерью, а я тебя здѣсь на дорогѣ обожду. Только помни мое слово: со всѣми цѣлуйся, а сестрицу не цѣлуй, не то меня позабудешь.

Пріѣхалъ царевичъ домой, сталъ со всѣми здороваться, поцѣловалъ и сестрицу, и только поцѣловалъ — какъ въ ту же минуту забылъ про свою жену, словно и въ мысляхъ не была. Три дня

ждала его Василиса Премудрая. На четвертый нарядилась нищенкой, пошла въ стольный городъ и пристала у одной старушки. А царевичъ собрался жениться на богатой королевнѣ, и велѣно было кликнуть кличъ по всему царству, чтобъ сколько ни есть народу православнаго — всѣ бы шли поздравлять жениха съ невѣстою и несли въ даръ по пирогу пшеничному. Вотъ и старуха, у которой пристала Василиса Премудрая, принялась муку сѣять да пирогъ готовить.

— Для кого, бабушка, пирогъ готовишь? — спрашиваетъ ее Василиса Премудрая.

— Какъ для кого? развѣ ты не знаешь: нашъ царь сына женитъ на богатой королевнѣ. Надо во дворецъ идти, молодымъ на столъ подавать.

— Дай, и я испеку да во дворецъ снесу, можетъ, и меня царь чѣмъ пожалуетъ.

— Пеки съ Богомъ!

Василиса Премудрая взяла муки, замѣсила тѣсто, положила творогу да голубя съ голубкой и сдѣлала пирогъ. Къ самому обѣду пошла старуха съ Василисой Премудрой во дворецъ, а тамъ идетъ пиръ на весь міръ. Подали на столъ пирогъ Василисы Премудрой, и только разрѣзали его пополамъ, какъ вылетѣли оттуда голубь и голубка. Голубка ухватила кусокъ творогу, а голубь говоритъ:

— Голубушка, дай и мнѣ творожку!

— Не дамъ, — отвѣчаетъ голубка, — а то ты

меня позабудешь, какъ позабылъ царевичъ свою Василису Премудрую.

Тутъ вспомнилъ царевичъ про свою жену, выскочилъ изъ-за стола, бралъ ее за бѣлыя руки и сажалъ возлѣ себя рядышкомъ. Съ тѣхъ поръ стали они жить вмѣстѣ во всякомъ добрѣ и въ счастіи.

Василиса Прекрасная.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ-былъ купецъ. Двѣнадцать лѣтъ жилъ онъ въ супружествѣ и прижилъ только одну дочь, Василису Прекрасную. Когда мать скончалась, дѣвочкѣ было восемь лѣтъ. Умирая, купчиха призвала къ себѣ дочку, вынула изъ подъ одѣяла куклу, отдала ей и сказала:

— Слушай, Василисушка! Помни и исполни послѣднія мои слова. Я умираю и вмѣстѣ съ родительскимъ благословеніемъ оставляю тебѣ вотъ эту куклу. Держи ее всегда при себѣ и никому не показывай, а когда приключится тебѣ какое горе, дай ей поѣсть и спроси у нея совѣта. Покушаетъ она — и скажетъ тебѣ, чѣмъ помочь несчастью.

Затѣмъ мать поцѣловала дочку и померла.

Послѣ смерти жены купецъ потужилъ, какъ слѣдовало, а потомъ сталъ думать, какъ бы опять жениться. Онъ былъ человѣкъ хорошій; за невѣ-

стами дѣло не стало, но больше всѣхъ по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже въ лѣтахъ, имѣла двухъ дочерей, почти однолѣтокъ. Василисѣ, — стало быть и хозяйка и мать опытная. Купецъ женился на вдовушкѣ, но обманулся и не нашелъ въ ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на все село красавица. Мачиха и сестры завидовали ея красотѣ, мучили ее всевозможными работами, чтобъ она отъ трудовъ похудѣла, а отъ вѣтру и солнца почернѣла, — совсѣмъ житья не было! Василиса все переносила безропотно и съ каждымъ днемъ все хорошѣла и полнѣла, а между тѣмъ мачиха съ дочками своими худѣла и дурнѣла отъ злости несмотря на то, что онѣ всегда сидѣли сложа руки, какъ барыни. Какъ же это такъ дѣлалось? Василисѣ помогала ея куколка. Безъ этого гдѣ бы дѣвочкѣ сладить со всей работой! Зато Василиса сама, бывало, не съѣстъ, а ужъ куколкѣ оставитъ самый лакомый кусочекъ, и вечеромъ, какъ всѣ улягутся, она запрется въ чуланчикѣ, гдѣ жила, и подчиваетъ ее, приговаривая:

— На, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я въ домѣ у батюшки, не вижу себѣ никакой радости: злая мачиха гонитъ меня съ бѣлаго свѣта. Научи ты меня: какъ мнѣ быть и жить и что дѣлать?

Куколка покушаетъ да потомъ и даетъ ей совѣты и утѣшаетъ въ горѣ, а на утро всякую работу справляетъ за Василису. Та только отдыхаетъ въ

холодочкѣ да рветъ цвѣточки, а у нея ужъ и гряды выполоты, и капуста полита, и вода наношена, и печь вытоплена. Куколка еще укажетъ Василисѣ и травку отъ загара. Хорошо было ей жить съ куколкой.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Василиса выросла и стала невѣстой. Всѣ женихи въ городѣ присватываются къ Василисѣ, — на мачихиныхъ дочерей никто и не посмотритъ. Мачиха злится пуще прежняго и всѣмъ женихамъ отвѣчаетъ:

— Не выдамъ меньшой прежде старшихъ!

А проводя жениховъ, побоями вымѣщаетъ зло на Василисѣ.

Вотъ однажды купцу понадобилось уѣхать изъ дому на долгое время по торговымъ дѣламъ. Мачиха и перешла на житье въ другой домъ; а возлѣ этого дома былъ дремучій лѣсъ, а въ лѣсу на полянѣ стояла избушка, а въ избушкѣ жила Баба-Яга. Никого она къ себѣ не подпускала и ѣла людей, какъ цыплятъ. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дѣло посылала за чѣмъ-нибудь въ лѣсъ ненавистную ей Василису, но та всегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала къ избушкѣ Бабы-Яги.

Пришла осень. Мачиха раздала всѣмъ тремъ дѣвушкамъ вечернія работы: одну заставила кружева плести, другую — чулки вязать, а Василису — прясть, и всѣмъ по урокамъ. Погасила огонь во всемъ домѣ, оставила только одну свѣчку

тамъ, гдѣ работали дѣвушки, а сама легла спать. Дѣвушки работали. Вотъ нагорѣло на свѣчкѣ; одна изъ мачихиныхъ дочерей взяла щипцы, чтобъ поправить свѣтильню, да вмѣсто того, по приказу матери, какъ будто нечаянно, потушила свѣчку.

— Что теперь намъ дѣлать? — говорили дѣвушки, — огня нѣтъ въ цѣломъ домѣ, а уроки наши не кончены. Надо сбѣгать за огнемъ къ Бабѣ-Ягѣ.

— Мнѣ отъ булавокъ свѣтло, — сказала та, что плела кружево, — я не пойду!

— И я не пойду, — сказала та, что вязала чулокъ, — мнѣ отъ спицъ свѣтло!

— Тебѣ за огнемъ идти! — закричали обѣ, — ступай къ Бабѣ-Ягѣ! — и вытолкали Василису изъ горницы.

Василиса пошла въ свой чуланчикъ, поставила передъ куклою приготовленный ужинъ и сказала:

— На, куколка, покушай, да моего горя послушай! Меня посылаютъ за огнемъ къ Бабѣ-Ягѣ. Баба-Яга съѣстъ меня!

Куколка поѣла, и глаза ея заблестѣли, какъ двѣ свѣчки.

— Не бойся, Василисушка! — сказала она, — ступай, куда посылаютъ; только меня держи при себѣ. При мнѣ ничего не станетъ съ тобой у Бабы-Яги.

Василиса собралась, положила куколку свою въ карманъ и, перекрестившись, пошла въ дремучій лѣсъ.

Идетъ она и дрожитъ. Вдругъ скачетъ мимо нея всадникъ: самъ бѣлый, одѣтъ въ бѣломъ, конь подъ нимъ бѣлый, и сбруя на конѣ бѣлая, — на дворѣ стало разсвѣтать.

Идетъ она дальше, какъ скачетъ другой всадникъ — самъ въ красномъ и на красномъ конѣ, — стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день. Только къ слѣдующему вечеру вышла на полянку, гдѣ стояла избушка Бабы-Яги. Заборъ вокругъ избы изъ человѣческихъ костей, на заборѣ торчатъ черепа людскіе съ глазами; вмѣсто дверей у воротъ — ноги человѣчьи, вмѣсто запоровъ — руки, вмѣсто замка — ротъ съ острыми зубами. Василиса обомлѣла отъ ужаса и стала, какъ вкопанная. Вдругъ ѣдетъ опять всадникъ: самъ черный, одѣтъ во всемъ черномъ и на черномъ конѣ. Подскакалъ къ воротамъ Бабы-Яги и исчезъ, какъ сквозь землю провалился, — настала ночь. Но темнота продолжалась недолго: у всѣхъ череповъ на заборѣ засвѣтились глаза, и на всей полянѣ стало свѣтло, какъ среди дня. Василиса дрожала со страху, но, не зная куда бѣжать, оставалась на мѣстѣ.

Скоро послышался въ лѣсу страшный шумъ: деревья трещали, сухіе листья хрустѣли — выѣхала изъ лѣсу Баба-Яга. Въ ступѣ ѣдетъ, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Подъѣхала къ воротамъ, остановилась и, обнюхавъ вокругъ себя, закричала:

— Фу, фу! Русскимъ духомъ пахнетъ! Кто здѣсь?

Василиса подошла къ старухѣ со страхомъ и, низко поклонясь, сказала:

— Это я, бабушка! Мачихины дочери прислали меня за огнемъ къ тебѣ.

— Хорошо, — сказала Баба-Яга, — знаю я ихъ. Поживи ты напередъ да поработай у меня, тогда и дамъ тебѣ огня, а коли нѣтъ, такъ я тебя съѣмъ!

Потомъ обратилась къ воротамъ и вскрикнула:

— Эй, запоры мои крѣпкіе, отомкнитесь. Ворота мои широкія, отворитесь!

Ворота отворились, и Баба-Яга въѣхала, посвистывая, за нею вошла Василиса, а потомъ опять все заперлось. Войдя въ горницу, Баба-Яга растянулась и говоритъ Василисѣ:

— Подавай-ка сюда, что тамъ есть въ печи: я ѣсть хочу!

Василиса зажгла лучину отъ тѣхъ череповъ, что на заборѣ, и начала таскать изъ печки да подавать Ягѣ кушанье, а кушанья было настряпано человѣкъ на десять. Изъ погреба принесла она квасу, меду, пива и вина. Все съѣла, все выпила старуха, Василисѣ оставила только щецъ немножко, краюшку хлѣба да кусочекъ поросятины. Стала Баба-Яга спать ложиться и говоритъ:

— Когда завтра я уѣду, ты смотри — дворъ вычисти, избу вымети, обѣдъ состряпай, бѣлье приготовь да пойди въ закромъ, возьми че-

тверть пшеницы и очисти ее отъ чернушки. Да чтобъ все было сдѣлано, а не то — съѣмъ.

Послѣ такого наказа Баба-Яга захрапѣла. А Василиса поставила старухины объѣдки передъ куклой, залилась слезами и говоритъ:

— На, куколка, покушай, моего горя послушай! Тяжелую дала мнѣ Баба-Яга работу и грозится съѣсть меня, коли всего не исполню. Помоги мнѣ!

Кукла отвѣтила:

— Не бойся, Василиса Прекрасная! Поужинай, помолись да спать ложись. Утро вечера мудренѣе!

Ранешенько проснулась Василиса, а Баба-Яга уже встала. Выглянула въ окно: у череповъ глаза потухаютъ; вотъ мелькнулъ бѣлый всадникъ — и совсѣмъ разсвѣло. Баба-Яга вышла на дворъ, свистнула — передъ ней явилась ступа съ пестомъ и помеломъ. Промелькнулъ красный всадникъ — взошло солнце. Баба-Яга сѣла въ ступу и выѣхала со двора, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Осталась Василиса одна, осмотрѣла домъ Бабы-Яги, подивилась изобилью во всемъ и остановилась въ раздумьѣ — за какую работу ей прежде всего приняться. Глядитъ, а вся работа уже сдѣлана. Куколка выбирала изъ пшеницы послѣднія зерна чернушки.

— Ахъ, ты, избавительница моя! — сказала Василиса куколкѣ. — Ты отъ бѣды меня спасла!

— Тебѣ осталось только обѣдъ состряпать, — отвѣчала куколка, влѣзая въ карманъ Василисы, — состряпай съ Богомъ да и отдыхай на здоровье!

Къ вечеру Василиса собрала на столъ и ждетъ Бабу-Ягу. Начало смеркаться. Мелькнулъ за воротами черный всадникъ — и совсѣмъ стемнѣло. Только свѣтились глаза у череповъ.

Затрещали деревья, захрустѣли листья — ѣдетъ Баба-Яга. Василиса встрѣтила ее.

— Все ли сдѣлано? — спрашиваетъ Яга.

— Изволь посмотрѣть сама, бабушка! — молвила Василиса.

Баба-Яга все осмотрѣла, подосадовала, что не за что разсердиться, и сказала:

— Ну, хорошо!

Потомъ крикнула:

— Вѣрные мои слуги, сердечные други, смелите мою пшеницу!

Явились три пары рукъ, схватили пшеницу и унесли вонъ изъ глазъ. Баба-Яга наѣлась, стала ложиться спать и опять дала приказъ Василисѣ:

— Завтра сдѣлай ты то же, что и нынче, да сверхъ того возьми изъ закрома макъ да очисти его отъ земли по зернышку: вишь кто-то по злобѣ земли въ него намѣшалъ!

Сказала старуха, повернулась къ стѣнѣ и захрапѣла, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поѣла и сказала ей повчерашнему:

— Молись Богу да ложись спать. Утро вечера мудренѣе, — все будетъ сдѣлано, Василисушка!

На утро Баба-Яга опять уѣхала въ ступѣ со двора, а Василиса съ куколкой всю работу тот-

часъ справили. Старуха воротилась, оглядѣла все и крикнула:

— Вѣрные мои слуги, сердечные други, выжмите изъ мака масло!

Явились три пары рукъ, схватили макъ и унесли изъ глазъ. Баба-Яга сѣла обѣдать. Она ѣстъ, а Василиса стоитъ молча.

— Что жъ ты ничего не говоришь со мной? — сказала Баба-Яга, — стоишь, какъ нѣмая!

— Не смѣла, — отвѣчала Василиса, — а если позволишь, то мнѣ хотѣлось бы спросить тебя кой о чемъ.

— Спрашивай! Только не всякій вопросъ къ добру ведетъ: много будешь знать, скоро состаришься!

— Я хочу спросить тебя, бабушка, только о томъ, что видѣла. Когда я шла къ тебѣ, меня обогналъ всадникъ на бѣломъ конѣ, самъ бѣлый и въ бѣлой одеждѣ. Кто онъ такой?

— Это день мой ясный! — отвѣчаетъ Баба-Яга.

— Потомъ обогналъ меня другой всадникъ на красномъ конѣ, самъ красный и въ красномъ одѣтъ. Это кто такой?

— Это мое солнышко красное! — отвѣчала Баба-Яга.

— А что значитъ черный всадникъ, который обогналъ меня у самыхъ твоихъ воротъ, бабушка?

— Это ночь моя темная! — все мои слуги вѣрные!

Василиса вспомнила о трехъ парахъ рукъ и замолчала.

— Что жъ ты еще не спрашиваешь? — молвила Баба-Яга.

— Будетъ съ меня и этого. Сама жъ ты, бабушка, сказала, что много узнаешь — состаришься!

— Хорошо, — сказала Баба-Яга, что ты спрашиваешь только о томъ, что видѣла за дворомъ, а не во дворѣ; я не люблю, чтобъ у меня соръ изъ избы выносили и слишкомъ любопытныхъ ѣмъ! Теперь я тебя спрошу: какъ успѣваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебѣ?

— Мнѣ помогаетъ благословеніе моей матери, — отвѣчала Василиса.

— Такъ вотъ что! Убирайся же ты отъ меня, благословенная дочка! Не нужно мнѣ благословенныхъ!

Вытащила она Василису изъ горницы и вытолкала за ворота. Сняла съ забора одинъ черепъ съ горящими глазами и, наткнувъ на палку, отдала ей и сказала:

— Вотъ тебѣ огонь для мачихиныхъ дочекъ, возьми его! Онѣ вѣдь за этимъ тебя сюда и прислали.

Бѣгомъ пустилась домой Василиса при свѣтѣ черепа, который погасъ только съ наступленіемъ утра и, наконецъ, къ вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя къ воротамъ, она хотѣла было бросить черепъ: вѣрно, дома, ду-

маетъ себѣ, ужъ больше въ огнѣ не нуждаются. Но вдругъ послышался глухой голосъ изъ черепа:

— Не бросай меня, неси къ мачихѣ!

Она взглянула на домъ мачихи и, не видя ни въ одномъ окнѣ огонька, рѣшилась идти туда съ черепомъ. Впервые встрѣтили ее ласково и разсказали, что съ той поры, какъ она ушла, у нихъ не было въ домѣ огня. Сами высѣчь никакъ не могли, а который огонь приносили отъ сосѣдей — тотъ погасалъ, какъ только входили съ нимъ въ горницу.

— Авось твой огонь будетъ держаться! — сказала мачиха.

Внесли черепъ въ горницу, а глаза изъ черепа такъ и глядятъ на мачиху и ея дочерей, такъ и жгутъ! Тѣ было прятаться, но куда ни бросятся — глаза всюду за ними такъ и слѣдятъ. Къ утру совсѣмъ сожгло ихъ въ уголь, одной Василисы не тронуло.

Поутру Василиса зарыла черепъ въ землю, заперла домъ на замокъ, пошла въ городъ и попросилась на житье къ одной безродной старушкѣ. Живетъ себѣ и поджидаетъ отца. Вотъ какъ-то говоритъ она старушкѣ:

— Скучно мнѣ сидѣть безъ дѣла, бабушка! Сходи, купи мнѣ льну самаго лучшаго. Я хоть прясть буду!

Старушка купила льну хорошаго, Василиса сѣла за дѣло. Работа такъ и горитъ у нея, и пряжа выходитъ ровная да тонкая, какъ волосокъ. Набра-

лось пряжи много; пора бы и за тканье приниматься, да такого станка не найдутъ, чтобы годился на Василисину пряжу, — никто не берется и сдѣлать-то. Василиса стала просить свою куколку, та и говоритъ:

— Принеси-ка мнѣ какой-нибудь старый станокъ, да старый челнокъ, да лошадиной гривы: я все тебѣ смастерю.

Василиса добыла все, что надо, и легла спать, а кукла за ночь приготовила славный станъ. Къ концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вмѣсто нитки продѣть можно. Весной полотно выбѣлили, и Василиса говоритъ старухѣ:

— Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себѣ.

Старуха взглянула на товаръ и ахнула:

— Нѣтъ, дитятко! Такого полотна кромѣ царя носить некому. Понесу во дворецъ.

Пошла старуха къ царскимъ палатамъ да все мимо оконъ похаживаетъ. Царь увидалъ и спросилъ:

— Что тебѣ, старушка, надобно?

— Ваше царское величество, — отвѣчаетъ старуха, — я принесла диковинный товаръ. Никому, окромя тебя, показать не хочу.

Царь приказалъ впустить къ себѣ старуху и, какъ увидѣлъ полотно, вздивовался.

— Что хочешь за него? — спросилъ царь.

— Ему цѣны нѣтъ, царь-батюшка! Я тебѣ въ даръ его принесла.

Поблагодарилъ царь и отпустилъ старуху съ подарками.

Стали царю изъ того полотна сорочки шить; вскроили, да нигдѣ не могли найти швеи, которая взялась бы ихъ работать. Долго искали; наконецъ, царь позвалъ старуху и сказалъ:

— Умѣла ты напрясть и соткать такое полотно, умѣй изъ него и сорочки сшить.

— Не я, государь, пряла и соткала полотно, — сказала старуха, — это работа пріемыша моего — дѣвушки.

— Ну, такъ пусть и сошьетъ сама!

Воротилась старушка домой и разсказала обо всемъ Василисѣ.

— Я знала, — говоритъ ей Василиса, — что эта работа моихъ рукъ не минуетъ.

Заперлась въ свою горницу, принялась за работу. Шила она, не покладая рукъ, и скоро дюжина сорочекъ была готова. Старуха понесла къ царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, одѣлась и сѣла подъ окномъ. Сидитъ себѣ и ждетъ, что будетъ. Видитъ: на дворъ къ старухѣ идетъ царскій слуга. Вошелъ въ горницу и говоритъ:

— Царь-государь хочетъ видѣть искусницу, что работала ему сорочки, и наградить ее изъ своихъ царскихъ рукъ.

Пошла Василиса и явилась передъ очи царскія.

Какъ увидѣлъ царь Василису Прекрасную, такъ и влюбился въ нее безъ памяти.

— Нѣтъ, — говоритъ онъ, — красавица моя! не разстанусь я съ тобой: ты будешь моей женою!

Тутъ взялъ царь Василису за бѣлыя руки, посадилъ ее подлѣ себя, а тамъ и свадебку сыграли. Скоро воротился и отецъ Василисы, порадовался ея судьбѣ и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла къ себѣ, а куколку по конецъ жизни своей всегда носила въ карманѣ.

Вѣдьма и Солнцева сестра.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, далекомъ государствѣ, жилъ-былъ царь съ царицей. У нихъ былъ сынъ Иванъ-царевичъ, съ роду нѣмой. Было ему лѣтъ двѣнадцать, и пошелъ онъ разъ въ конюшню къ любимому своему конюху. Конюхъ этотъ сказывалъ ему всегда сказки, и теперь Иванъ-царевичъ пришелъ послушать отъ него сказочки, да не то услышалъ.

— Иванъ-царевичъ! — сказалъ конюхъ, — у твоей матери скоро родится дочь, а тебѣ сестра. Будетъ она страшная вѣдьма, съѣстъ и отца, и мать, и всѣхъ подначальныхъ людей. Такъ слушай, попроси у отца что ни есть наилучшаго коня, будто кататься, и поѣзжай отсюда, куда глаза глядятъ, коли хочешь отъ бѣды избавиться.

Иванъ-царевичъ прибѣжалъ къ отцу и съ роду впервой заговорилъ съ нимъ. Царь такъ этому возрадовался, что не сталъ и спрашивать, зачѣмъ ему добрый конь надобенъ, — тотчасъ приказалъ

что ни есть наилучшаго коня изъ своихъ табуновъ осѣдлать для царевича. Иванъ-царевичъ сѣлъ и поѣхалъ, куда глаза глядятъ. Долго-долго онъ ѣхалъ. Наѣзжаетъ на двухъ старыхъ швей и проситъ, чтобы онѣ взяли его съ собой шить. Старухи сказали:

— Мы бы рады тебя взять, Иванъ-царевичъ, да намъ ужъ немного шить. Вотъ доломаемъ сундукъ иголокъ да изошьемъ сундукъ нитокъ — тотчасъ и смерть придетъ!

Иванъ-царевичъ заплакалъ и поѣхалъ дальше. Долго-долго ѣхалъ. Подъѣзжаетъ къ богатырю Вертодубу и проситъ:

— Прими меня къ себѣ!

— Радъ бы тебя принять, Иванъ-царевичъ, да мнѣ жить остается немного: вотъ какъ повыдерну всѣ эти дубы съ корнями — тотчасъ и смерть моя!

Пуще прежняго заплакалъ царевичъ и поѣхалъ все дальше да дальше. Подъѣзжаетъ къ богатырю Вертогору, сталъ его просить, а онъ въ отвѣтъ:

— Радъ бы принять тебя, Иванъ-царевичъ, да мнѣ самому жить немного: видишь, поставленъ я горы ворочать. Какъ справлюсь съ этими послѣдними — тутъ и смерть моя!

Залился Иванъ-царевичъ горькими слезами и поѣхалъ еще дальше. Долго-долго ѣхалъ; пріѣзжаетъ, наконецъ, къ Солнцевой сестрицѣ. Она его приняла къ себѣ, кормила-поила, какъ за роднымъ сыномъ ходила. Хорошо было жить царе-

вичу, а все нѣтъ-нѣтъ да и сгрустнется: захочется узнать, что въ родномъ дому дѣется? Взойдетъ, бывало, на высокую гору, посмотритъ на свой дворецъ и видитъ, что все съѣдено, только стѣны отстались. Вздохнетъ и заплачетъ. Разъ эдакъ посмотрѣлъ да поплакалъ — воротился, а Солнцева сестра и спрашиваетъ:

— Отчего ты, Иванъ-царевичъ, нынѣ заплаканный?

Онъ говоритъ:

— Вѣтромъ въ глаза надуло.

Въ другой разъ опять то же. Солнцева сестра взяла да и запретила вѣтру дуть. И въ третій разъ воротился Иванъ-царевичъ заплаканный, да ужъ дѣлать нечего — пришлось во всемъ признаваться, и сталъ онъ просить Солнцеву сестрицу, чтобъ отпустила его, добра молодца, на родину понавѣдаться. Она его не пускаетъ, а онъ ее упрашиваетъ. Наконецъ, упросилъ-таки, отпустила его на родину понавѣдаться и дала ему на дорогу щетку, гребенку да два моложавыхъ яблочка: какой бы ни былъ старъ человѣкъ, а съѣстъ яблочко — въ мигъ помолодѣетъ. Пріѣхалъ Иванъ-царевичъ къ Вертогору, всего одна гора осталась. Онъ взялъ свою щетку и бросилъ въ чисто поле: откуда ни взялись — вдругъ выросли изъ земли высокія-высокія горы, верхушками въ небо упираются, и сколько тутъ ихъ — видимо-невидимо! Вертогоръ обрадовался и весело принялся за работу. Долго ли, коротко и — пріѣхалъ Иванъ-царевичъ къ Верто-

дубу, а у того всего три дуба осталось. Взялъ онъ гребенку и кинулъ въ чисто поле: откуда что — вдругъ зашумѣли, поднялись изъ земли густые дубовые лѣса, дерево дерева толще! Вертодубъ обрадовался, благодарствовалъ царевичу и пошелъ столѣтніе дубы выворачивать. Долго ли, коротко ли — пріѣхалъ Иванъ-царевичъ къ старухамъ, далъ имъ по яблочку, онѣ съѣли, въ мигъ помолодѣли и подарили ему платочекъ: какъ махнешь платочкомъ — станетъ позади цѣлое озеро. Пріѣзжаетъ Иванъ-царевичъ домой. Сестра выбѣжала, встрѣтила его, приголубила:

— Сядь, — говоритъ, братецъ, — поиграй на гусляхъ, а я пойду — обѣдъ приготовлю.

Царевичъ сѣлъ и брянчитъ на гусляхъ. Выходитъ изъ норы мышенокъ и говоритъ человѣческимъ голосомъ:

— Спасайся, царевичъ, бѣги скорѣе! Твоя сестра ушла зубы точить.

Иванъ-царевичъ вышелъ изъ горницы, сѣлъ на коня и поскакалъ назадъ. А мышенокъ по струнамъ, бѣгаетъ: гусли брянчатъ, а сестра и не вѣдаетъ, что братецъ ушелъ. Наточила зубы, бросилась въ горницу, глядь — нѣтъ ни души, только мышенокъ въ нору скользнулъ. Разозлилася вѣдьма, — такъ и скрипитъ зубами, и пустилась въ погоню. Иванъ-царевичъ услыхалъ шумъ, оглянулся — вотъ-вотъ нагонитъ сестра, махнулъ платочкомъ — и стало глубокое озеро. Пока вѣдьма переплыла озеро, Иванъ-царевичъ да-

леко уѣхалъ. Понеслась она еще быстрѣе, вотъ ужъ близко. . . Вертодубъ угадалъ, что царевичъ отъ сестры спасается и давай вырывать дубы да валить на дорогу — цѣлую гору накидалъ: нѣтъ вѣдьмѣ проходу. Стала она путь прочищать: грызла-грызла, насилу продралась, а Иванъ-царевичъ ужъ далеко. Бросилась догонять, гнала-гнала, — еще немножко — и уйти нельзя. Вертогоръ увидалъ вѣдьму, ухватился за самую высокую гору и повернулъ ее какъ разъ на дорогу, а на ту гору поставилъ другую гору. Тогда вѣдьма карабкалась да лѣзла, Иванъ-царевичъ ѣхалъ да ѣхалъ и далеко очутился. Перебралась вѣдьма черезъ горы и опять погналась за братомъ. . . Завидѣла его и говоритъ:

— Теперь не уйдешь отъ меня!

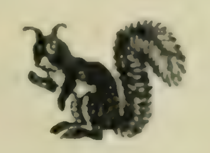
Вотъ близко, вотъ нагонитъ! Въ то самое время подскакалъ Иванъ-царевичъ къ теремамъ Солнцевой сестрицы и закричалъ:

— Солнце, Солнце! отвори оконце!

Солнцева сестрица отворила окно, и царевичъ вскочилъ въ него вмѣстѣ съ конемъ. Вѣдьма стала просить, чтобъ ей выдали брата головой. Солнцева сестра ее не послушала и не выдавала. Тогда говоритъ вѣдьма:

— Пусть Иванъ-царевичъ идетъ со мною на вѣсы — кто кого перевѣситъ? Если я его перевѣшу, такъ я его съѣмъ, а если онъ перевѣситъ — пусть меня убьетъ!

Пошли. Сперва сѣлъ на вѣсы Иванъ-царевичъ, а потомъ вѣдьма полѣзла. Только ступила ногой, такъ Ивана-царевича вверхъ и подбросило, да съ такой силой, что онъ прямо попалъ на небо, къ Солнцевой сестрѣ въ терема, а вѣдьма-змѣя осталась на землѣ.



Кощей Безсмертный.

Бывало-живало — въ нѣкоторомъ государствѣ былъ-жилъ царь и царица. У нихъ родился сынъ — Иванъ-царевичъ. Няньки его качаютъ, никакъ укачать не могутъ. Зовутъ отца:

— Царь, великой государь! поди, самъ качай своего сына.

Царь началъ качать:

— Спи, сынокъ! Спи, возлюбленный! Выростешь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру.

Царевичъ уснулъ и проспалъ трое сутокъ. Пробудился — пуще прежняго расплакался. Няньки качаютъ, никакъ укачать не могутъ. Зовутъ отца:

— Царь, великой государь! поди, качай своего сына.

Царь качаетъ, самъ приговариваетъ:

— Спи, сынокъ! Спи, возлюбленный! Выростешь большой, сосватаю за тебя Ненагляд-

ную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру.

Царевичъ уснулъ и опять проспалъ трое сутокъ. Пробудился, еще пуще расплакался. Няньки качаютъ, никакъ укачать не могутъ:

— Поди, великой государь! качай своего сына.

Царь качаетъ, самъ приговариваетъ:

— Спи, сынокъ! Спи, возлюбленный! Вырастешь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру.

Царевичъ уснулъ и опять проспалъ трое сутокъ. Пробудился и говоритъ:

— Давай, батюшка, свое благословеніе: я поѣду жениться.

— Что ты, дитятко! куда поѣдешь? Ты всего девятисуточный!

— Дашь благословеніе — поѣду, и не дашь — поѣду!

— Ну, поѣзжай! Господь съ тобой!

Иванъ-царевичъ срядился и пошелъ коня доставать. Отошелъ немало отъ дому и встрѣтилъ стараго человѣка.

— Куда, молодецъ, пошелъ? волей иль неволей?

— Я съ тобой и говорить не хочу! — отвѣчалъ царевичъ, отошелъ немного и одумался:

— Что же я старику ничего не сказалъ? Стары люди на умъ наводятъ.

Тотчасъ настигъ старика.

— Постой, дѣдушка! Про что ты меня спрашивалъ?

— Спрашивалъ: куда идешь, молодецъ? волей иль неволей?

— Иду я сколько волей, а вдвое неволею. Былъ я въ малыхъ лѣтахъ, качалъ меня батюшка въ зыбкѣ, сулилъ мнѣ высватать Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру!

— Хорошъ молодецъ! Учтиво говоришь! Только пѣшему тебѣ не дойти — Ненаглядная Красота далеко живетъ.

— А какъ далеко?

— Въ золотомъ царствѣ по конецъ свѣту бѣлаго, гдѣ солнышко восходитъ.

— Какъ же быть-то мнѣ? Нѣтъ мнѣ, молодцу, по плечу коня неѣзжалаго, ни плеточки шелковой, недержаной.

— Какъ нѣтъ! У твоего батюшки есть тридцать лошадей — всѣ какъ одна. Поди домой, прикажи конюхамъ напоить ихъ у синя моря. Которая лошадь напередъ выдвинется, забредетъ въ воду по самую морду и какъ станетъ пить — на синемъ морѣ начнутъ волны подыматься, изъ берега въ берегъ колыхаться, ту и бери!

— Спасибо на добромъ словѣ, дѣдушка!

Какъ старикъ научилъ, такъ царевичъ и сдѣлалъ: выбралъ себѣ богатырскаго коня, ночь переночевалъ, поутру рано всталъ, растворилъ

ворота и собрался ѣхать. Проговорилъ ему конь человѣческимъ языкомъ:

— Иванъ-царевичъ! Припади къ землѣ; я на тебя трижды дыхну.

Разъ дыхнулъ и другой дыхнулъ, а въ третій не сталъ:

— Ежели въ третій дыхнуть, насъ съ тобой земля не снесетъ!

Иванъ-царевичъ выхватилъ коня съ цѣпей, осѣдлалъ, сѣлъ верхомъ — только и видѣлъ царь своего сына.

Ѣдетъ далекимъ-далеко, день коротается, къ ночи подвигается. Стоитъ дворъ, что городъ, изба, что теремъ. Пріѣхалъ на дворъ — прямо къ крыльцу, привязалъ коня къ мѣдному кольцу, въ сѣни да въ избу. Богу помолился, ночевать попросился.

— Ночуй, добрый молодецъ! — говоритъ ему старуха; — куда тебя Господь понесъ?

— Ахъ ты, старая корга! Неучтиво спрашиваешь. Прежде напои-накорми, на постелю повали, тогда и вѣстей спрашивай.

Она его накормила-напоила, на постелю повалила и стала вѣстей выспрашивать.

— Былъ я, бабушка, въ малыхъ лѣтахъ, качалъ меня батюшка въ зыбкѣ, сулилъ за меня выдать Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру.

— Хорошъ молодецъ! Учтиво говоришь. Я седьмой десятокъ доживаю, а про эту Красоту

слыхомъ не слыхала. Впереди по дорогѣ живетъ моя большая сестра; можетъ быть, она знаетъ. Поѣзжай-ка завтра къ ней, а теперь усни — утро вечера мудренѣе!

Иванъ-царевичъ ночь переночевалъ, поутру всталъ раненько, умылся бѣленько, вывелъ коня, ногу въ стремя положилъ — только его и видѣла бабушка.

Ѣдетъ онъ далекимъ-далеко, высокимъ-высоко. День коротается, къ ночи подвигается. Стоитъ дворъ, что городъ, изба, что теремъ. Пріѣхалъ ко крыльцу, привязалъ коня къ серебряному кольцу, въ сѣни да въ избу. Богу помолился, ночевать попросился. Говоритъ старуха:

— Фу-фу! доселева было русской кости видомъ не видать, слыхомъ не слыхать, а нынѣ русская кость сама на дворъ пріѣхала. Откуда Иванъ-царевичъ взялся?

— Что ты, старая корга, расшумѣлась, неучтиво спрашиваешь? Ты бы прежде накормила-напоила, на постелю повалила, тогда бы и вѣстей спрашивала.

Она его за столъ посадила, накормила-напоила, на постелю повалила. Сѣла въ головахъ и спрашиваетъ:

— Куда тебя Богъ понесъ?

— Былъ я, бабушка, въ малыхъ лѣтахъ, качалъ меня батюшка въ зыбкѣ, сулилъ за меня Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру.

— Хорошъ молодецъ! Учтиво говоришь. Я восьмой десятокъ доживаю, а про эту Красоту, еще не слыхивала. Впереди по дорогѣ живетъ моя большая сестра, — можетъ быть, она знаетъ: есть у ней на то отвѣтчики — рыба и гадъ водяной. Что ни есть на бѣломъ свѣтѣ — все ей покоряется. Поѣзжай-ка завтра къ ней; теперь усни: утро вечера мудренѣе!

Иванъ-царевичъ ночь переночевалъ, всталъ раненько, умылся бѣленько, сѣлъ на коня — и былъ таковъ.

Ѣдетъ далекимъ-далеко, высокимъ-высоко. День коротается, къ ночи подвигается. Стоитъ дворъ, что городъ, изба, что теремъ. Пріѣхалъ къ крыльцу, прицѣпилъ коня къ золотому кольцу, въ сѣни да въ избу. Богу помолился, ночевать попросился. Закричала на него старуха:

— Ахъ ты, непутевый! Желѣзнаго кольца недостоинъ, а къ золотому коня привязалъ!

— Хорошо, бабушка, не бранись. Коня можно отвязать, за другое кольцо привязать.

— Что, добрый молодецъ, задала тебѣ страху? А ты не страшись да на лавочку садись, а я стану спрашивать: изъ какихъ ты родовъ, изъ какихъ городовъ?

— Эхъ, бабушка, ты бы прежде накормила-напоила, на постелю повалила, а потомъ и вѣсти поспрошала. Видишь — человѣкъ съ дороги, весь день не ѣлъ!

Тотчасъ старуха столъ поставила, принесла

хлѣба-соли, налила водки стаканъ и принялась угощать Ивана-царевича. Онъ наѣлся-напился, на постелю повалился. Старуха не спрашиваетъ, онъ самъ ей разсказываетъ:

„ — Былъ я въ малыхъ лѣтахъ, качалъ меня батюшка въ зыбкѣ, сулилъ за меня отдать Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру. Сдѣлай милость, бабушка, скажи: гдѣ живетъ Ненаглядная Красота и какъ до нея дойти?

— Я и сама, царевичъ, не вѣдаю: вотъ ужъ девятый десятокъ доживаю, а про такую Красоту еще не слыхивала. Ну, да усни съ Богомъ. Завтра утромъ соберу своихъ отвѣтчиковъ — можетъ быть, изъ нихъ кто знаетъ.

На другой день встала старуха ранёнько, умылась бѣленько, вышла съ Иваномъ-царевичемъ на крылечко и скричала богатырскимъ голосомъ, сосвистала молодецкимъ посвистомъ. Крикнула по морю:

— Рыбы и гадъ водяной! идите сюда!

Тотчасъ сине море всколыхалось, собирается рыба большая и малая, собирается всякій гадъ, къ берегу идетъ — воду укрываетъ. Спрашиваетъ старуха:

— Гдѣ живетъ Ненаглядная Красота, трехъ мамокъ дочка, трехъ бабокъ внучка, девяти братьевъ сестра?

Отвѣчаютъ всѣ рыбы и гады въ одинъ голосъ:

— Видомъ не видали, слыхомъ не слыхали!

Крикнула старуха по землѣ:

— Собирайся, звѣрь лѣсной!

Звѣрь бѣжитъ, землю укрываетъ, въ одинъ голосъ отвѣчаетъ:

— Видомъ не видали, слыхомъ не слыхали!

Крикнула старуха по поднебесью:

— Собирайся, птица воздушная!

Птица летитъ, денной свѣтъ укрываетъ, въ одинъ голосъ отвѣчаетъ:

— Видомъ не видали, слыхомъ не слыхали!

— Больше некого спрашивать! — говоритъ старуха; взяла Ивана-царевича за руку и повела въ избу. Только вошли туда, налетѣла Моголь-птица, пала на землю — въ окнахъ свѣту не стало.

— Ахъ ты, птица Моголь! гдѣ была, гдѣ летала, отчего запоздала?

— Ненаглядную Красоту къ обѣднѣ сряжала.

— Того мнѣ и надобно! Сослужи мнѣ службу вѣрою-правдою: снеси туда Ивана-царевича.

— Рада бы — сослужила, да много пропитанья надо!

— А какъ много?

— Три сороковки говядины да чанъ воды.

Иванъ-царевичъ налилъ чанъ воды, накупилъ быковъ, набилъ и наклалъ три сороковки говядины, уставилъ тѣ бочки на птицу, побѣжалъ въ кузницу и сковалъ себѣ копье длинное, желѣзное. Воротился и сталъ со старухою прощаться.

— Прощай, — говоритъ, — бабушка! корми моего добраго коня сыто — я тебѣ за все заплачу.

Сѣлъ на Моголь-птицу — въ ту жъ минуту она поднялась и полетѣла. Летитъ, а сама все оглядывается. Какъ оглянется, Иванъ-царевичъ тотчасъ подаетъ ей на копьѣ кусъ говядины. Вотъ летѣла, летѣла немало времени, царевичъ двѣ бочки скормилъ, за третью принялся и говоритъ:

— Ой, птица Моголь! пади на сыру землю: мало пропитанья стало.

— Что ты, Иванъ-царевичъ! Здѣсь лѣса дремучіе, грязи вязучія — намъ съ тобой по конецъ вѣка не выбраться!

Иванъ-царевичъ всю говядину скормилъ и бочки сбросилъ, а Моголь-птица летитъ — оборачивается. Что дѣлать? — думаетъ царевичъ. Вырѣзалъ изъ своихъ ногъ икры и далъ птицѣ. Она проглотила, вылетѣла на луга зеленые, травы шелковыя, цвѣты лазоревые и пала на землю. Иванъ-царевичъ всталъ, идетъ по лугу — разминается, на обѣ ноги прихрамываетъ.

— Что ты, царевичъ! иль хромаешь?

— Хромаю, Моголь-птица! Давеча изъ ногъ своихъ икры вырѣзалъ да тебѣ скормилъ.

Моголь-птица сказала: не бѣда! — дунула-плюнула, икры и выросли — пошелъ царевичъ крѣпко и бодро.

Пришелъ Иванъ-царевичъ въ большой городъ и присталъ отдохнуть къ бабушкѣ-задворенкѣ. Говоритъ ему бабушка-задворенка:

— Спи, Иванъ-царевичъ! Заутро, какъ ударятъ въ колоколъ, я тебя разбужу.

Легъ царевичъ и тотчасъ уснулъ. День спитъ, ночь спитъ . . .

Зазвонили къ заутренѣ.

Прибѣжала бабушка-задворенка, стала его будить, — что ни попадетъ въ руки, тѣмъ и бьетъ, — нѣтъ, не могла разбудить. Отошла заутреня, зазвонили къ обѣднѣ, Ненаглядная Красота въ церковь поѣхала. Прибѣжала бабушка-задворенка, принялась опять за царевича, бьетъ его чѣмъ ни попало, насилу-насилу разбудила. Вскочилъ Иванъ-царевичъ скорехонько, умылся бѣлехонько, снарядился и пошелъ къ обѣднѣ. Пришелъ въ церковь, образамъ помолился, на всѣ стороны поклонился, Ненаглядной Красотѣ на особицу. Стоятъ они рядомъ да Богу молятся. На отходѣ обѣдни она первая подъ крестъ, онъ второй за ней. Вышелъ на берегъ, глянулъ на сине-море — идутъ корабли; наѣхало шесть богатырей свататься. Увидали богатыри Ивана-царевича и ну насмѣхаться:

— Ахъ ты, деревенщина! По тебѣ ль такая красавица? Не стоишь ты ея мизиннаго пальчика!

Разъ говорятъ, въ другой говорятъ, а въ третій сказали — ему обидно стало: рукой махнулъ — улица, другой махнулъ — чисто, гладко кругомъ! Самъ ушелъ къ бабушкѣ-задворенкѣ.

— Что, Иванъ-царевичъ, видѣлъ Ненаглядную Красоту?

— Видѣлъ, по вѣкъ не забуду.

— Ну, ложись спать. Завтра она опять къ обѣднѣ пойдетъ. Какъ ударитъ колоколъ, я тебя разбужу.

Легъ царевичъ. День спитъ, ночь спитъ... Зазвонили къ заутренѣ. Прибѣжала бабушка-задворенка, стала будить царевича: что ни попадетъ подъ руки — тѣмъ и бьетъ его. Нѣтъ, не могла разбудить. Зазвонили къ обѣднѣ, она опять его бьетъ и будитъ. Вскочилъ Иванъ-царевичъ скорехонько, умылся бѣлехонько, снарядился — и въ церковь. Пришелъ, образамъ помолился, на всѣ четыре стороны поклонился, Ненаглядной Красотѣ на особицу. Она на него глянула — покраснѣла.

Стоятъ они рядышкомъ да Богу молятся. На исходѣ обѣдни она первая подъ крестъ, онъ второй за ней. Вышелъ царевичъ на берегъ, поглядѣлъ на сине-море — плывутъ корабли, наѣхало двѣнадцать богатырей. Стали тѣ богатыри Ненаглядную Красоту сватать, Ивана-царевича на смѣхъ подымать:

— Ахъ ты, деревенщина! по тебѣ ль такая красавица? Не стоишь ты ея мизиннаго пальчика!

Отъ тѣхъ рѣчей ему обидно показалось: махнулъ рукой — стала улица, махнулъ другой — чисто и гладко кругомъ! Самъ къ бабушкѣ-задворенкѣ ушелъ.

— Видѣлъ ли ты Ненаглядную Красоту? — спрашиваетъ бабушка-задворенка.

— Видѣлъ, по вѣкъ не забуду.

— Ну, спи! Заутро я тебя опять разбужу.

Иванъ-царевичъ день спитъ и ночъ спитъ. Ударили въ колоколъ къ заутренѣ. Прибѣжала бабушка-задворенка будить его; чѣмъ ни попало бьетъ его, не жалѣючи, а разбудить никакъ не можетъ. Ударили въ колоколъ къ обѣднѣ — она все съ царевичемъ возится. Насилу добудилась его. Иванъ-царевичъ вскочилъ скорехонько, умылся бѣлехонько, снарядился, и въ церковь. Пришелъ, образамъ помолился, на всѣ четыре стороны поклонился, Ненаглядной Красотѣ на особицу. Она съ нимъ поздоровалась, поставила его по правую руку, а сама стала по лѣвую. Стоятъ они да Богу молятся. На исходѣ обѣдни онъ первый подъ крестъ, она вторая за нимъ. Вышелъ царевичъ на берегъ, посмотрѣлъ на сине-море — плывутъ корабли: наѣхало двадцать четыре богатыря Ненаглядную Красоту сватать. Увидали богатыри Ивана-царевича — и ну надъ нимъ насмѣхаться:

— Ахъ ты, деревенщина! По тебѣ ль такая красавица? Не стоишь ты ея мизиннаго пальчика!

Стали къ нему со всѣхъ сторонъ подступать да невѣсту отбивать. Иванъ-царевичъ не стерпѣлъ: махнулъ рукой — улица, махнулъ другой — гладко и чисто кругомъ — всѣхъ до единаго перебилъ. Ненаглядная Красота взяла его за руку, повела въ свои терема, сажала за столы дубовые,

за скатерти браныя, угощала его, подчивала, своимъ женихомъ называла. Вскорѣ потомъ собрались они въ путь-дорогу и поѣхали въ государство Ивана-царевича. Ѣхали, ѣхали и остановились въ чистомъ полѣ отдыхать. Ненаглядная Красота спать легла, а Иванъ-царевичъ ея сонъ сторожитъ. Вотъ она выспалась, пробудилась. Говоритъ ей царевичъ:

— Ненаглядная Красота! похрани мое тѣло бѣлое — я спать лягу.

— А долго-ль спать будешь?

— Девятеро сутокъ, съ боку на бокъ не поворочусь. Станешь будить меня — не разбудишь, а время придетъ, самъ проснусь.

— Долго, Иванъ-царевичъ! Мнѣ скучно будетъ.

— Скучно-нескучно, а дѣлать нечего!

Легъ спать и проспалъ какъ разъ девять сутокъ. Въ это время пріѣхалъ Кощей Безсмертный и увезъ Ненаглядную Красоту въ свое государство.

Пробудился отъ сна Иванъ-царевичъ, смотритъ — нѣтъ Ненаглядной Красоты. Заплакалъ и пошелъ ни путемъ, ни дорогою. Долго ли, коротко ли, приходитъ въ государство Кощея Безсмертнаго и просится на постой къ одной старухѣ.

— Что, Иванъ-царевичъ, печаленъ ходишь?

— Такъ и такъ, бабушка, былъ со всѣмъ, сталъ ни съ чѣмъ.

— Худо твое дѣло, Иванъ-царевичъ, тебѣ Кощея не истребить.

— Я хоть посмотрю на мою невѣсту!

— Ну, ложись, спи до утра. Завтра Кощей на войну уѣдетъ.

Легъ Иванъ-царевичъ, а сонъ и на умъ нейдетъ. Поутру Кощей со двора, а царевичъ во дворъ — сталъ у воротъ и стучится. Ненаглядная Красота отворила, глянула и заплакала. Пришли они въ горницу, сѣли за столъ и начали разговаривать. Научаетъ ее Иванъ-царевичъ:

— Спроси у Кощея: гдѣ его смерть?

— Хорошо, спрошу.

Только успѣлъ онъ со двора уйти, а Кощей во дворъ.

— А! — говоритъ, — русской косткой пахнетъ. Знать, у тебя Иванъ-царевичъ былъ?

— Что ты, Кощей Безсмертный! Гдѣ мнѣ Ивана-царевича видать? Остался онъ въ лѣсахъ дремучихъ, въ грязяхъ вязучихъ, по косточки звѣри съѣли!

Сѣли они ужинать. За ужиномъ Ненаглядная Красота спрашиваетъ:

— Скажи мнѣ, Кощей Безсмертный: гдѣ твоя смерть?

— На что тебѣ, глупая баба? моя смерть въ вѣникѣ завязана.

Рано утромъ уѣзжаетъ Кощей на войну. Иванъ-царевичъ пришелъ къ Ненаглядной Красотѣ, взялъ этотъ вѣникъ и чистымъ золотомъ ярко вызолотилъ. Только успѣлъ царевичъ уйти, а Кощей во дворъ:

— А! — говоритъ, — русской косткой пахнетъ. Знать, у тебя Иванъ-царевичъ былъ?

— Что ты, Кощей Безсмертный! Самъ по Руси леталъ, русскаго духа нахватался — отъ тебя русскимъ духомъ и пахнетъ. А мнѣ гдѣ видать Ивана-царевича? Остался онъ въ лѣсахъ дремучихъ, въ грязяхъ вязучихъ, по косточки звѣри съѣли!

Пришло время ужинать. Ненаглядная Красота сама сѣла на стулъ, его посадила на лавку. Онъ взглянулъ подъ порогъ — лежитъ вѣникъ позолоченный.

— Это что?

— Ахъ, Кощей Безсмертный! самъ видишь, какъ я тебя почитаю: коли ты мнѣ дорогъ, такъ и смерть твоя дорога.

— Глупая баба! то я пошутилъ. Моя смерть вонъ въ дубовомъ тыну задѣлана.

На другой день Кощей уѣхалъ, а Иванъ-царевичъ пришелъ, весь тынъ вызолотилъ. Къ вечеру возвращается домой Кощей Безсмертный.

— А! — говоритъ, — русской косткой пахнетъ. Знать, у тебя Иванъ-царевичъ былъ?

— Что ты, Кощей Безсмертный! Кажется, я тебѣ не разъ говаривала: гдѣ мнѣ видать Ивана-царевича? Остался онъ въ лѣсахъ дремучихъ, въ грязяхъ вязучихъ, по косточки звѣри растерзали!

Пришло время ужинать. Ненаглядная Красота сама сѣла на лавку, его на стулъ посадила. Ко-

щей взглянулъ въ окно — стоитъ тынъ позолоченный, словно жаръ, горитъ!

— Это что?

— Самъ видишь, Кощей Безсмертный, какъ я тебя почитаю: коли ты мнѣ дорогъ, такъ и смерть твоя дорога.

Полюбилась эта рѣчь Кощею Безсмертному. Говоритъ онъ Ненаглядной Красотѣ:

— Ахъ ты, глупая баба! то я пошутилъ. Моя смерть въ яйцѣ, то яйцо въ уткѣ, та утка въ кокорѣ, та кокора въ морѣ плаваетъ.

Какъ только уѣхалъ Кощей на войну, Ненаглядная Красота испекла Ивану-царевичу пирожковъ и разсказала, гдѣ искать смерть Кощееву. Иванъ-царевичъ пошелъ ни путемъ, ни дорогою. Пришелъ къ окіанъ-морю широкому и не знаетъ, куда дальше идти, а пирожки давно вышли — ѣсть нечего. Вдругъ летитъ ястребъ; Иванъ-царевичъ прицѣлился:

— Ну, ястребъ! я тебя застрѣлю, да сырьемъ съѣмъ.

— Не ѣшь меня, Иванъ-царевичъ! въ нужное время тебѣ пригожусь.

Бѣжитъ медвѣдь:

— Ахъ, Мишка косолапый! я тебя убью да сырьемъ съѣмъ.

— Не ѣшь, Иванъ-царевичъ! въ нужное время я тебѣ пригожусь.

Глядь — на берегу щука трепещется.

— А, щука зубастая, попалась! я тебя сырьемъ съѣмъ.

— Не ѣшь, Иванъ-царевичъ! лучше въ море брось: въ нужное время я тебѣ пригожусь.

Стоитъ царевичъ и думаетъ:

— Когда-то наступитъ нужное время, а теперь голодать пришлось!

Вдругъ сине-море всколыхалось, взволновалось, стало берегъ заливать. Иванъ-царевичъ бросился въ гору. Что есть силъ бѣжитъ, а вода за нимъ по пятамъ гонитъ. Взбѣжалъ на самое высокое мѣсто и взлѣзъ на дерево. Немного спустя начала вода сбывать, море стихло, улеглось, а на берегу очутилась большая кокора. Прибѣжалъ медвѣдь, поднялъ кокору да какъ хватитъ объ землю — кокора развалилась, вылетѣла оттуда утка и взвилась высоко-высоко! Вдругъ, откуда ни взялся, — летитъ ястребъ, поймалъ утку и въ мигъ разорвалъ ее пополамъ. Выпало изъ утки яйцо — да прямо въ море. Тутъ подхватила его щука, подплыла къ берегу и отдала Ивану-царевичу. Царевичъ положилъ яйцо за пазуху и пошелъ къ Кощею Безсмертному. Приходитъ къ нему во дворъ, и встрѣчаетъ его Ненаглядная Красота, въ уста цѣлуетъ, къ плечу припадаетъ. Кощей Безсмертный сидитъ у окна да ругается:

— А, Иванъ-царевичъ! Хочешь ты отнять у меня Ненаглядную Красоту, такъ тебѣ живому не быть!

— Ты самъ у меня ее отнялъ! — отвѣчалъ Иванъ-царевичъ, вынулъ изъ-за пазухи яйцо, кажетъ Кощею. — А это что?

У Кощея свѣтъ въ глазахъ помутился, тотчасъ онъ присмирѣлъ — покорился. Иванъ-царевичъ переложилъ яйцо съ руки на руку — Кощея Безсмертнаго изъ угла въ уголъ бросило. Любо показалось это царевичу, давай чаще съ руки на руку перекладывать. Перекладывалъ, перекладывалъ и смялъ совсѣмъ — тутъ Кощей свалился и померъ. Иванъ-царевичъ запрегъ лошадей въ золотую карету, забралъ цѣлые мѣшки серебра и золота и поѣхалъ вмѣстѣ со своей невѣстою къ родному батюшкѣ. Долго ли, коротко ли — пріѣзжаетъ онъ къ той самой старухѣ, что всякую тварь: рыбу, птицу и звѣря допрашивала, увидалъ своего коня.

— Слава Богу, — говоритъ, — Воронко́ живъ! — И щедро отсыпалъ старухѣ золота за его прокормъ, — хоть еще девяносто лѣтъ живи, и то не прожить!

Тотчасъ снарядилъ царевичъ легкаго гонца и послалъ къ царю съ письмомъ, а въ письмѣ пишетъ:

— Батюшка! встрѣчай сына: ѣду съ невѣстою, Ненаглядной Красотой.

Отецъ получилъ письмо, прочиталъ и не вѣритъ:

— Какъ тому быть! вѣдь Иванъ-царевичъ уѣхалъ отсюда девятисуточный.

Вслѣдъ за гонцомъ и самъ царевичъ пріѣхалъ.

Царь увидалъ, что сынъ истинную правду писалъ, и приказалъ въ барабаны бить, музыкѣ играть.

— Батюшка! Благослови жениться.

У царей ни пиво варить, ни вино курить — всего много. Въ тотъ же день веселымъ пиркомъ да за свадебку. Обвѣнчали Ивана-царевича съ Ненаглядною Красотой и выставили по всѣмъ улицамъ большіе чаны съ разными напитками: всякой приходи и пей, сколько душа запроситъ! И я тутъ былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, во рту не было.

Сказка о семи Семіонахъ, родныхъ братьяхъ.

Жилъ-былъ старикъ со старухой, и жили они нѣсколько лѣтъ, а дѣтей у нихъ не было, и уже къ великой старости приходили, какъ начали молить Бога, чтобъ даровалъ имъ дѣтище, которое было бы имъ въ старости подмогою въ работѣ. И молятся они годъ, другой, молятся третій и четвертый, молятся пятый и шестой, а не вымолятъ ни единаго дѣтища. Однако, черезъ семь лѣтъ старуха понесла и послѣ родила вдругъ семь сыновей, которыхъ всѣхъ назвали Семіонами. И когда старикъ со старухою умерли, то остались Семіоны сиротами, и были они всѣ по десятому году, и пахали свое поле уже сами, и не уступали своимъ сосѣдямъ.

Въ нѣкое время случилось мимо той деревни ѣхать царю Адору, который былъ самодержавецъ всей той области, и увидѣлъ работающихъ на полѣ

семь Семіоновъ. Онъ весьма удивился, что такіе малые ребята и пашутъ, и боронятъ свою пашню, чего ради и послалъ къ нимъ старшаго своего боярина, чтобъ спросить — чьи они дѣти? Бояринъ, пришедши къ Семіонамъ, спрашивалъ: для чего они, такіе малые ребята, работаютъ такую тяжелую работу? На то ему отвѣтъ держалъ старшій Семіонъ, что они сироты и что за нихъ работать некому, и притомъ сказали, что всѣхъ ихъ зовутъ Семіонами. Бояринъ пошелъ отъ нихъ и сказалъ о томъ царю Адору, который весьма удивился, что столько ребятъ-братьевъ называются однимъ именемъ, — для чего и послалъ къ нимъ того же боярина, чтобъ ихъ взять съ собою во дворецъ. Бояринъ государевъ приказъ исполнилъ и взялъ всѣхъ Семіоновъ съ собою. Когда царь пріѣхалъ во дворецъ, тогда собралъ онъ къ себѣ всѣхъ своихъ бояръ и думныхъ дьяковъ и спрашивалъ у нихъ совѣта таковыми словесами:

— Господа мои бояре и думные дьяки! вы видите семь сиротъ, которые не имѣютъ никакихъ родственниковъ. Я хочу сдѣлать ихъ такими людьми, чтобы послѣ они меня благодарили, для чего и требую у васъ совѣта: въ какую науку или художество мнѣ ихъ отдать должно учиться?

На сіе отвѣчали всѣ такъ:

— Милостивѣйшій Государь! какъ теперь они уже на возрастѣ и въ разумѣ, то не разсудите ли за благо спросить ихъ каждаго особливо, кто въ какую науку или художество пожелаетъ пуститься.

Царь принялъ сей совѣтъ съ радостью и началъ большаго Семіона спрашивать:

— Слушай, другъ мой, въ какую науку или художество пуститься желаешь, то въ такую я тебя и учиться отдамъ.

Семіонъ ему на то отвѣчалъ:

— Ваше царское величество! я ни въ какую науку, ни въ художество пуститься не желаю. А ежели бы вы приказали посреди вашего царскаго двора построить кузницу, то сковалъ бы я вамъ столбъ до самаго неба.

Царь увидѣлъ, что этого Семіона учить не для чего, потому что онъ и такъ уже кузнечное ремесло довольно искусно знаетъ. Однако, не вѣрилъ, чтобъ онъ могъ сковать столбъ до самаго неба, и потому приказалъ въ скоромъ времени посреди своего царскаго двора построить кузницу. Потомъ спрашиваетъ другого Семіона:

— А ты, мой другъ, какой наукѣ или художеству учиться желаешь, въ такую я тебя и отдамъ.

На сіе Семіонъ ему сказалъ:

— А ежели большой мой братъ скуетъ желѣзный столбъ до неба, то я по тому столбу взлѣзу на самый верхъ и стану смотрѣть во всѣ государства и буду тебѣ сказывать, что въ которомъ государствѣ дѣлается.

Царь разсудилъ, что и того Семіона учить не надобно, потому что онъ и такъ мудренъ. Послѣ спрашивалъ третьяго Семіона:

— Ты, мой другъ, какой наукѣ или художеству учиться желаешь?

Семіонъ на то ему сказалъ:

— Ваше величество! Я никакой наукѣ, ни художеству учиться не хочу. А ежели бы мой большой братъ сковалъ мнѣ топоръ, я тѣмъ топоромъ тяпъ да ляпъ—тотчасъ бы сдѣлалъ корабль.

Царь тому обрадовался.

— Мнѣ корабельные мастера надобны, и тебя ничему иному учить ужъ больше не должно.

Потомъ спросилъ онъ четвертаго Семіона:

— Ты, Семіонъ, какой наукѣ или художеству учиться желаешь?

— Ваше величество! — сказалъ на то ему Семіонъ, — я никакой наукѣ учиться не желаю. Ежели бы мой третій братъ сдѣлалъ корабль, и когда бы тому кораблю случилось быть въ морѣ, и напалъ бы на него врагъ, то я взялъ бы корабль за носъ и повелъ бы его въ подземельное государство, и когда бы непріятель ушелъ прочь, то тогда бы я опять корабль вывелъ на море.

Царь удивился такимъ великимъ четвертаго Семіона чудесамъ и сказалъ ему:

— И тебя учить не надобно!

Потомъ спросилъ пятаго Семіона:

— А ты, Семіонъ, какой наукѣ или художеству учиться желаешь?

— Я ничему учиться не желаю, ваше величество, — сказалъ Семіонъ. — А ежели большой мой братъ скуетъ мнѣ ружье, то я тѣмъ ружьемъ,

ежели увижу птицу — хотя за сто верстъ, то ее подстрѣлю.

— Ну, такъ ты исправный будешь у меня стрѣлецъ, — сказалъ ему царь.

Послѣ спросилъ шестого Семіона:

— Ты, Семіонъ, въ какую науку вступить желаешь?

— Ваше величество! — сказалъ ему Семіонъ, — я ни въ какую науку, ни въ художество вступить не желаю. А ежели мой пятый братъ подстрѣлитъ птицу на лету, то я ее до земли не допущу и подхватя, принесу къ тебѣ.

— Великій искусникъ! — сказалъ ему царь. — Ты у меня вмѣсто лягавой собаки въ полѣ можешь служить.

Послѣ спросилъ царь послѣдняго Семіона:

— А ты, Семіонъ, какой наукѣ или художеству учиться желаешь?

— Ваше величество! — отвѣчалъ онъ ему, — я никакимъ наукамъ, ни художествамъ учиться не желаю, потому что я и такъ ремесло имѣю предорогое.

— Да какое жъ ты имѣешь ремесло? — спросилъ его царь, — скажи мнѣ, пожалуй!

— Я хорошо умѣю воровать, — сказалъ ему Семіонъ, — и такъ, что никто противъ меня не своруетъ.

Царь весьма осердился, услыша о такомъ дурномъ его ремеслѣ, и говорилъ потомъ къ своимъ боярамъ и думнымъ дьякамъ:

— Господа мои! чѣмъ присовѣтуете мнѣ наказать сего вора Семіона, и скажите, какою казнью казнить его должно?

— Ваше величество! — сказали ему всѣ они, — на что его казнить? Можетъ быть, онъ такой воръ, который въ случаѣ будетъ надобенъ.

— Да почему это? — спросилъ царь.

— А вотъ потому, что ваше величество уже десятый годъ, какъ достаете себѣ въ супруги царевну Елену Прекрасную, а достать не можете и притомъ много силы и войска потеряли и множество казны и прочаго издержали. И этотъ Семіонъ-воръ, можетъ быть, царевну Елену Прекрасную вашему величеству какъ-нибудь украдетъ.

Царь на то имъ сказалъ:

— Друзья мои, вы правду мнѣ говорите!

Потомъ обернулся онъ къ Семіону-вору и говоритъ ему:

— Семіонъ, можешь ли ты съѣздить за тридевять земель въ тридесятое государство и украсть мнѣ царевну Елену Прекрасную, а я въ нее весьма крѣпко влюбленъ. И ежели ты мнѣ ее украдешь, то я тебѣ сдѣлаю великое награжденіе.

— Это наше дѣло, ваше величество! — отвѣчалъ седьмой Семіонъ, — и я вамъ ее, ежели только прикажете, украду.

— Не только, чтобы тебѣ приказывать, — сказалъ ему царь, — но я еще о томъ и прошу. И теперь не медли больше при дворѣ моемъ, и бери

себѣ силы-войска и золотой казны, сколько тебѣ надобно.

— Мнѣ ни силы, ни войска, ни золотой казны не надобно, — отвѣчалъ онъ: — отпусти насъ всѣхъ братьевъ вмѣстѣ, и я тебѣ царевну Елену Прекрасную достану.

Царю не хотѣлось со всѣми Семіонами разстаться, однако, хотя то и жалко было, но принужденъ былъ отпустить ихъ всѣхъ вмѣстѣ.

Между тѣмъ кузница на царскомъ дворѣ была устроена, и большой Семіонъ сковалъ желѣзный столбъ до самаго неба, а другой Семіонъ взлѣзъ по этому столбу на самый верхъ и смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ было государство отца царевны Елены Прекрасной, и послѣ закричалъ онъ съ вершины столба царю Адору:

— Ваше величество! вижу за тридевять земель, въ тридесятомъ государствѣ, — царевна Елена Прекрасная сидитъ подъ окошечкомъ, и у ней изъ косточки въ косточку мозжечокъ переливается.

Тогда царь еще больше красотою ея прельстился, и потомъ вскрикнулъ къ Семіонамъ громкимъ голосомъ:

— Друзья мои, отправьтесь въ путь какъ можно скорѣе! ибо я не могу жить безъ прекрасной царевны Елены.

Большой Семіонъ сковалъ третьему Семіону топоръ, а пятому сдѣлалъ ружье. И послѣ того взяли съ собою нѣсколько хлѣба на дорогу, а Семіонъ-воръ взялъ съ собою кошку, а потомъ

пошли въ путь свой. Кошку ту Семіонъ-воръ такъ къ себѣ пріучилъ, что она вездѣ за нимъ бѣгала, какъ собака, и ежели онъ останавливался на дорогѣ или въ иномъ какомъ мѣстѣ, то кошка становилась на заднія лапы, а потомъ терлась около него и мурлыкала. И такъ шли они путемъ-дорогою нѣсколько времени и, наконецъ, пришли къ морю, черезъ которое надо было имъ переѣхать, а не на чемъ. Они ходили долго по морскому берегу и искали какого-нибудь дерева, чтобъ сдѣлать себѣ судно, и послѣ нашли одинъ дубъ превеликой. Третій Семіонъ взялъ свой топоръ и срубилъ тотъ дубъ по самый корень, а потомъ по немъ же тяпъ да ляпъ — сдѣлалъ тотчасъ корабль, который былъ оснащенъ, а въораблѣ очутились разные дорогіе товары. Всѣ Семіоны сѣли на тотъ корабль и поплыли въ путь, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ прибыли благополучно въ то мѣсто, въ которое имъ надобно было. Какъ скоро въѣхали они въ корабельную пристань, то тотчасъ бросили якорь.

На другой день Семіонъ-воръ взялъ свою кошку и пошелъ въ городъ, и, пришедши къ царскому двору, остановился противъ оконъ царевны Елены Прекрасной. Въ то-жъ самое время кошка сѣла на заднія лапы, а потомъ начала тереться и мурлыкать. Надобно знать, что въ томъ государствѣ совсѣмъ не знали и не слыхали, что есть за звѣрь кошка. Царевна Елена Прекрасная въ то самое время сидѣла подъ окошечкомъ и, увидя кошку,

тотчасъ послала своихъ нянюшекъ и мамушекъ, чтобъ спросить у Семіона, — что то былъ за звѣрекъ? не продастъ ли онъ его? Ежели продастъ, то какую за него проситъ цѣну? Нянюшки и мамушки тотчасъ выбѣжали на улицу и спрашивали Семіона: какой это у него звѣрекъ, и не продастъ ли его? Семіонъ на то имъ отвѣчалъ:

— Государыни мои! извольте доложить ея высочеству, Еленѣ Прекрасной, что этотъ звѣрекъ называется кошкою, и что я его не продаю, а ежели она пожелаетъ этого звѣрька имѣть у себя, то онаго дарю ей безъ всякой платы.

Нянюшки и мамушки тотчасъ побѣжали въ палаты и донесли о томъ царевнѣ, что отъ Семіона слышали. Царевна же Елена Прекрасная обрадовалась чрезвычайно и выбѣжала сама изъ палатъ, поблагодарила и, взявъ кошку къ себѣ на руки, пошла въ палаты, а Семіону приказала идти за собою. Когда они пришли въ палаты, царевна пошла къ своему батюшкѣ, царю Саргу, и показала ему кошку, и объявила, что ей подарилъ нѣкій чужестранецъ. Царь, увидя такого чуднаго звѣрька, весьма обрадовался и приказалъ призвать къ себѣ Семіона-вора и, когда тотъ къ нему пришелъ, то царь хотѣлъ его наградить за кошку казною. Но такъ какъ Семіонъ не хотѣлъ принять отъ него казны, то царь сказалъ ему:

— Другъ мой! Живи покуда въ моемъ домѣ, и между тѣмъ временемъ кошка при тебѣ лучше можетъ привыкнуть къ моей дочери.

На сіе Семіонъ также не согласился и сказалъ царю:

— Ваше величество! я бы съ радостью великою могъ жить въ вашемъ домѣ, когда бы не было у меня корабля, на которомъ я въ ваше государство пріѣхалъ и который препоручить мнѣ некому. А ежели прикажете мнѣ, то я буду ходить къ вашему величеству всякій день и стану кошку пріучать къ вашей любезной дочери.

Итакъ царь приказалъ Семіону, чтобы ходилъ онъ къ нему всякій день. Семіонъ началъ ходить къ царевнѣ Еленѣ Прекрасной, и въ нѣкоторой день онъ ей сказалъ:

— Милостивая государыня! я уже давно къ вамъ хожу, а вижу, что вы никуда прогуливаться не изволите. Хотя бы ко мнѣ на корабль пожаловали. Я бы показалъ вамъ такія дорогія парчи, которыхъ вы никогда еще не видывали.

Царевна тотчасъ пошла къ своему батюшкѣ и начала проситься погулять на корабельную пристань. Царь ее отпустилъ и сказалъ, чтобъ она взяла съ собою нянюшекъ и мамушекъ и пошла съ Семіономъ.

Какъ скоро пришли они на корабельную пристань, то тотчасъ Семіонъ просилъ царевну на свой корабль, и когда она на него вошла, то Семіонъ-воръ и прочіе его братья начали царевнѣ показывать разныя дорогія парчи. Послѣ того Семіонъ-воръ сказалъ Еленѣ Прекрасной:

— Ваше высочество! теперь извольте прика-

зать своимъ нянюшкамъ и мамушкамъ сойти съ моего корабля, потому что я хочу вамъ показать такіе дорогіе товары, которыхъ не должны онѣ видѣть.

Царевна тотчасъ приказала своимъ нянюшкамъ и мамушкамъ сойти съ корабля, и какъ скоро онѣ сошли, то въ то жъ самое время Семіонъ-воръ велѣлъ тихонько своимъ братьямъ отрубить якорь и пуститься въ море на всѣхъ парусахъ; а самъ, между тѣмъ, началъ царевнѣ показывать дорогіе товары, изъ которыхъ и подарилъ ей нѣкоторые. Прошло уже часа съ два времени, какъ онъ показывалъ царевнѣ свои товары. Наконецъ, она ему сказала, что ей время уже и домой итти, потому что царь ея отецъ будетъ дожидаться ее обѣдать. Потомъ вышла она изъ каюты и видитъ, что корабль на ходу и что береговъ уже не видно. Тогда она ударила себя въ грудь и вдругъ оборотилась лебедемъ и полетѣла. Пятый Семіонъ взялъ тотчасъ свое ружье и подстрѣлилъ лебедя, а шестой Семіонъ и до воды ее не допустилъ и принесъ ее опять на корабль, гдѣ царевна стала по прежнему дѣвицей.

Нянюшки же и мамушки, которыя стояли на корабельной пристани, увидя, что корабль отвалилъ отъ берега съ царевной, тотчасъ бросились всѣ къ царю и пересказали ему о томъ Семіоновомъ обманѣ. Царь тогда же нарядилъ цѣлый флотъ за ними въ погоню, и когда тотъ флотъ началъ нагонять Семіоновъ корабль совсѣмъ

близко, тогда четвертый Семіонъ взялъ корабль за носъ и увелъ его въ подземельное государство. Когда же корабля совсѣмъ стало не видно, то начальники флота, увидя, какъ онъ ушелъ на дно, подумали, что корабль потонулъ вмѣстѣ съ царевною Еленою Прекрасною, почему и возвратились назадъ и донесли царю Саргу, что Семіоновъ корабль и съ Еленою Прекрасною потонулъ.

Семіоны же благополучно въ свое государство прибыли, вручили царевну Елену Прекрасную царю Адору, который за такую великую услугу отпустилъ всѣхъ Семіоновъ на волю и далъ имъ довольно злата и серебра и драгоцѣннаго каменья, а самъ женился на прекрасной Еленѣ и жилъ съ нею многія лѣта благополучно и мирно.

Иванъ Царевичъ и Мѣдный Лобъ.

Жилъ-былъ царь на царствѣ, государь на государствѣ, женатъ былъ на красавицѣ, и въ первый годъ царица родила сына. Бабка сносила царскаго сына въ баню, принесла и говоритъ царю:

— Сынъ крѣпкій и будетъ проворный человѣкъ, но одна бѣда: на головѣ у него есть надпись, что онъ бѣды нанесетъ.

Опечалился царь, но жаль ему сына, свое дитя, а пока малъ, пусть еще живетъ вмѣстѣ, а потомъ увидимъ, что съ него будетъ.

Подросъ сынъ, приставилъ царь къ нему человѣка, чтобы строго смотрѣлъ за нимъ, но и самъ смотрѣлъ и царица тоже. Однажды царевичъ гулялъ въ саду съ дядькой и вдругъ видитъ подъ кустомъ сидитъ человѣкъ съ мѣднымъ лбомъ и оловяннымъ брюхомъ. Царевичъ прибѣжалъ къ отцу и сказалъ ему, что въ саду есть человѣкъ съ

мѣднымъ лбомъ и оловяннымъ брюхомъ. Царь приказалъ оцѣпить воинамъ садъ и поймать, кто тамъ найдется. Оцѣпили садъ и человѣка представили къ царю, а у него, дѣйствительно, мѣдный лобъ и оловянное брюхо; царь приказалъ посадить его въ крѣпость.

Прошло немного времени, и царь далъ знать по своему и иностраннымъ государствамъ, что кто пожелаетъ увидѣть человѣка съ мѣднымъ лбомъ, то пріѣзжали бы на три дня, и назначилъ время, когда будутъ показывать.

А царскій сынъ учился стрѣлять изъ лука. Каждый день онъ ходилъ съ дядькой въ садъ и стрѣлялъ, и такъ въ стрѣльбѣ изловчился, а особенно одной стрѣлой, что куда захочетъ попасть, туда стрѣлой прямо и угодитъ.

Стѣна крѣпости, въ которой сидѣлъ Мѣдный лобъ, была у самаго сада. Однажды царевичъ пустилъ стрѣлу, и она улетѣла въ окно, гдѣ сидѣлъ Мѣдный лобъ. Пошелъ царевичъ отыскивать стрѣлу, а стрѣла лежитъ у стѣны. Поднялъ царевичъ любимую стрѣлу, осматриваетъ ее, не затупилась ли, и видитъ — на стрѣлѣ написано:

— Выпусти! что захочешь, то и получишь.

Догадался царевичъ, что это Мѣдный лобъ написалъ, и ночью сговорился съ дядькой, и выпустили Мѣднаго лба изъ крѣпости. Собрались цари и много всякаго народу, а Мѣднаго лба въ крѣпости нѣтъ. Строго приказалъ царь разузнать, какъ могъ выйти изъ крѣпости Мѣдный лобъ. А

когда узнали, что царевичъ съ дядькой выпустили, то царь приказалъ дядьку посадить въ крѣпость, а царевича приказалъ подъ строгимъ карауломъ вывезти за границу и больше не пускать въ свое царство.

Сидитъ дядька въ крѣпости, а царевичъ отправился, куда глаза глядятъ. Скучно ему стало, онъ сдѣлалъ рожокъ и научился играть. Пришелъ въ городъ, остановился на квартирѣ у старика, а старикъ этотъ былъ пастухомъ, пасъ царскій скотъ за небольшую плату; онъ и нанялся пастухомъ къ старику. Ходитъ съ нимъ въ лѣсъ и на рожкѣ наигрываетъ. Пастухъ-старикъ хорошо игралъ, а помощникъ его сталъ еще лучше играть, такъ, что народъ сбѣгался слушать его, а царская дочь просила царя, чтобы помощникъ пастуха всегда приходилъ выгонять скотъ и игралъ, а она съ матерью сидятъ и слушаютъ.

Умеръ старикъ-пастухъ, и царевичъ заступилъ его мѣсто. Погналъ лошадей въ лѣсъ первый разъ и думаетъ:

— Вотъ до чего я дошелъ, пастухомъ сталъ. Гдѣ-то теперь Мѣдный лобъ, хоть бы онъ пособилъ и научилъ, что дѣлать.

Пригналъ лошадей въ лѣсъ, видитъ — кони что-то головами мотаютъ.

— Что такое съ конями случилось? — думаетъ царевичъ, но объяснить самъ не можетъ.

Пасетъ коней, а самъ все про Мѣднаго лба думаетъ. И вотъ въ одинъ день, когда онъ очень

усердно игралъ на рожкѣ, кони всѣ привалились, а когда погналъ ихъ вечеромъ домой, видитъ чудо-чудное: у коней выросли серебряныя гривы. Подивились всѣ, царь призадумался:

— Что это такое значитъ? Что за человѣкъ у меня пастухомъ?

Приказалъ царь пастуху коровъ пасти.

— Коней ты славно откормилъ, теперь коровъ попаси! — говоритъ царь, и назначилъ пастуху двойное жалованье.

Пасетъ пастухъ коровъ и все про Мѣднаго лба думаетъ. Коровы становятся все тучнѣе, и въ одинъ вечеръ замѣтилъ онъ, что у коровъ выростаютъ мѣдныя копыта и рога. Пригналъ коровъ съ мѣдными копытами и рогами; всѣ подивились.

Приказалъ царь ему свиней пасти и назначилъ тройное жалованье.

— Свиней ужъ заставили пасти, — думаетъ царевичъ, — а послѣ этого-то что будетъ?

Вспомнилъ онъ Мѣднаго лба. Пасетъ свиней и однажды пригналъ ихъ такими, что было настоящее чудо: у каждой свиньи на каждой щетинкѣ было по жемчужинкѣ, а щетинки золотыя. Подивились всѣ, а царь призадумался. Призвалъ пастуха и спросилъ его:

— Что ты за человѣкъ?

Пастухъ говоритъ:

— Я сынъ царя, но отецъ меня прогналъ изъ своего царства за то, что я изъ крѣпости Мѣднаго лба выпустилъ.

— Знаю, — говоритъ царь.

Разсказалъ царь женѣ и дочери и видитъ, что дочь пастуха любитъ. Предложилъ ей, чтобъ лучше испытать, выйти за пастуха замужъ; а она съ радостью согласилась. Видитъ царь, что дѣло плохо, и приказалъ тайно отъ жены и дочери подъ строгимъ карауломъ вывезти его за границу и на границѣ своего царства поставить караулъ, чтобъ не пускать пастуха.

Вывезли пастуха за границу, и лишь только онъ перешелъ границу, въ эту минуту лошади, коровы и свиньи стали обыкновенными. Когда ихъ вечеромъ пастухи пригнали, царь опечалился, а дочери и женѣ сказалъ, что онъ пастуха выслалъ за границу, такъ какъ этотъ пастухъ — сынъ царя, и царь этотъ объявитъ ему войну, если онъ будетъ держать пастуха у себя.

Пошелъ царевичъ дальше. Дорога шла лѣсомъ. Шелъ, шелъ лѣсомъ, видитъ большой домъ; зашелъ въ домъ — никого нѣтъ. Пришла ночь. Въ полночь слышитъ — идетъ кто-то. Испугался царевичъ, но дѣлать нечего. Входитъ чертенокъ:

— Ага, — говоритъ, — молоденокъ на молоденка попалъ, вотъ и ладно.

Вспомнилъ царевичъ про Мѣднаго лба и вдругъ слышитъ, что у него въ карманѣ что-то есть. Пощупалъ и смекнулъ, что у него что-то въ родѣ табакерки. Вынулъ изъ кармана — дѣйствительно, табакерка, и полна табаку. Посмотрѣлъ чертенокъ на табакъ и говоритъ:

— Это что?

— Да табакъ, — говоритъ царевичъ.

— А я его никогда не пробовалъ.

— Ну, на, понюхай!

Чортъ понюхалъ и началъ чихать.

— Славная, — говоритъ, — штука. Давай въ карты играть: три раза сыграемъ, если въ третій разъ я обыграю тебя, то ты мнѣ дашь эту табакерку, а если ты меня обыграешь, то я тебѣ дамъ, что хочешь.

И предлагаетъ ему много чудныхъ вещей, но царевичъ согласился взять кошелекъ, въ которомъ, когда онъ закрытъ — съ виду нѣтъ ничего, а откроешь — въ немъ золото; сколько угодно вынимай изъ него золота, оно въ кошелькѣ не убываетъ. Сдалъ чортъ карты, сыграли разъ — царевичъ проигралъ; другой — тоже проигралъ. Третій разъ чертенокъ сдаетъ карты, а царевичъ про Мѣднаго лба думаетъ и проситъ. Ходитъ чортъ, царевичъ покрылъ; другой, третій разъ — царевичъ покрываетъ. Потомъ царевичъ сталъ къ нему ходить трефами-крестями, а чертенокъ крестей крыть не можетъ. И обыгралъ царевичъ чертенка и получилъ кошелекъ, а чорту далъ еще понюхать табаку, и тотъ ушелъ.

Пошелъ царевичъ дальше. Видитъ городъ; зашелъ въ рынокъ и купилъ что-то. Золото изъ кошелька даетъ, а золото не убываетъ.

Вотъ и живетъ онъ въ городѣ, играетъ въ карты съ купцами, господами и, наконецъ, и до царя до-

брался. Царь охотникъ былъ въ карты играть, да часто играла и царская дочь. А потомъ дѣло дошло до того, что царевичъ съ царской дочерью каждый день играли и каждый день царевичъ проигрывалъ. Стала царевна подмѣчать, откуда онъ столько денегъ беретъ, и подумала, что у него вѣрно такой кошелекъ неистощимый. И вотъ однажды она подпоила царевича соннымъ зельемъ и взяла кошелекъ, а царевичъ остался не при чемъ. А когда дочь сказала царю, что завладѣла кошелькомъ, царь приказалъ подъ карауломъ выслать царевича изъ своего царства.

Выслали, свезли на границу и отправился царевичъ дальше.

— Вотъ, — думаетъ царевичъ, — остался молодецъ безо всего. Что теперь буду дѣлать? Пособи, Мѣдный лобъ, изъ бѣды выйти.

Идетъ впередъ и пришелъ къ морю, а на берегу моря растутъ яблони, а на яблоняхъ яблоки поспѣли. Онъ сорвалъ нѣсколько яблоковъ; съѣлъ одно, и у него рогъ выросъ, а онъ и не замѣчаетъ; съѣлъ другое — и другой рогъ выросъ. Съѣлъ третье и видитъ — у ногъ что-то шевелится; схватилъ, а это у него хвостъ выросъ. Хотѣлъ рукой глаза потереть и задѣлъ рукой за рогъ; пощупалъ — дѣйствительно на головѣ рога. Испугался царевичъ, вспомнилъ и Мѣдный лобъ, но рога и хвостъ все остаются. Ходилъ, ходилъ по берегу моря и пошелъ дальше. Прошло нѣсколько дней, посмотрится на себя въ воду и видитъ на

себѣ рога. Дошелъ до такого мѣста, гдѣ росъ колючій кустарникъ, а между кустарникомъ растутъ небольшія деревца, а на нихъ красные плоды въ видѣ яблоковъ. Собралъ онъ плоды и думаетъ:

— Что жъ, отъ яблоковъ выросли рога и хвостъ, а можетъ быть, отъ этихъ плодовъ еще что-либо выростетъ, тогда и буду ходить чудомъ, вѣрно, такъ мнѣ и суждено.

Съѣлъ одинъ плодъ, пощупалъ — нѣтъ рога; съѣлъ другой — и другой рогъ отпалъ; съѣлъ третій — и хвостъ отпалъ. Посмотрѣлъ на себя въ водѣ и видитъ, что роговъ, дѣйствительно, нѣтъ. Обрадовался царевичъ, нарвалъ этихъ плодовъ и думаетъ:

— Съѣмъ-ка еще, можетъ быть, еще будетъ лучше.

Съѣлъ еще одинъ плодъ, посмотрѣлъ на себя въ водѣ и себя не узналъ: сталъ такой красавецъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ не описать.

— Что-жъ — думаетъ — ворочусь теперь назадъ, другимъ человѣкомъ сталъ, меня и не узнаютъ.

Отправился обратно, нарвалъ яблоковъ и пошелъ. Приходитъ къ границѣ, его не задержали. Добрался до царскаго дворца и сталъ, какъ торговецъ, яблоки продаетъ. Двѣ служанки выбѣжали изъ дворца и начали покупать, онъ плодовъ имъ и продалъ, по одному каждой. Служанки ѣдятъ и похваливаютъ, а торговецъ пошелъ дальше.

Съѣли служанки и другъ друга не узнаютъ — стали красавицы. Потолковали между собой и пришли къ царской дочери, та ихъ не узнала. Но когда онѣ разсказали, въ чемъ дѣло, царевна дала деньги и приказала купить яблоковъ. Служанка догнала торговца и проситъ продать еще три яблока: царская дочь проситъ. Царевичъ взялъ деньги и отдалъ три яблока. Принесла служанка яблоки, царевна ушла въ свою комнату и съѣла всѣ три. Пошла посмотрѣться въ зеркало — сзади что-то волочится. Посмотрѣлась въ зеркало, а у ней на лбу рога выросли. Ахнула царевна и сейчасъ же послала за торговцемъ. Пришелъ торговецъ, и она проситъ его, чтобы онъ ее вылечилъ.

Торговецъ остался во дворцѣ къ ночи, а царевна приказала настрого служанкамъ никому не сказывать, что у нея рога и хвостъ выросли. Когда всѣ улеглись, торговецъ взялъ молотокъ и поколотилъ по рогу. Больно царевнѣ, но она терпитъ — только бы освободиться отъ бѣды. Далъ ей торговецъ одинъ плодъ, и она съѣла: одинъ рогъ и отпалъ. Далъ торговецъ другой плодъ, и другой рогъ отпалъ.

— Ну, а теперь, царевна, ты со мной разсчитайся, а потомъ на другую ночь и хвостъ отпадетъ.

— Да что я тебѣ дамъ?

— Я люблю золото, золотомъ ты и разсчитывайся!

Достала царевна кошелекъ и стала давать золото. Видитъ торговецъ, что кошелекъ-то его, и проситъ кошелька до другой ночи, такъ какъ золото положить ему некуда. Царевна долго не соглашалась, но потомъ, должно быть, подумала, что онъ не узнаетъ, что это за кошелекъ, и отдала ему, но только просила его возвратить. Ушелъ торговецъ и въ ту же ночь вышелъ изъ города, кошелекъ унесъ, а царевну съ хвостомъ оставилъ.

Пришелъ въ тотъ городъ, гдѣ у царя скотъ пасъ, сѣлъ у дворца и продаетъ яблоки. Вышла царевна, что невѣстой его была, и купила вишенку. Съѣла и стала красавицей. Пригласила его во дворецъ, онъ все разсказалъ, гдѣ онъ былъ послѣ того, какъ его изъ царства прогнали, и что съ нимъ случилось. Остался онъ жить во дворцѣ, и царь по просьбѣ дочери сдѣлалъ его начальникомъ дворца. Умеръ царь и на его мѣсто выбрали царемъ начальника. Повѣнчался онъ съ царевной и сталъ править царствомъ, и богаче его не было.

Елена Премудрая.

Въ стародревніе годы, въ нѣкоемъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, случилось одному молодцу у каменной башни на караулѣ стоять. Башня была на замокъ заперта и печатью запечатана, а дѣло-то было ночью. Ровно въ двѣнадцать часовъ слышится сторожу, что кто-то голоситъ изъ этой башни:

— Эй, Иванъ!

Иванъ спрашиваетъ:

— Кто меня кличетъ?

— Это я, нечистый духъ! — отзывается голосъ изъ-за желѣзной рѣшотки. — Тридцать лѣтъ, какъ сижу здѣсь, не пивши, не ѣвши.

— Что-жъ тебѣ надо?

— Выпусти меня на волю. Какъ самъ будешь въ нуждѣ, я тебѣ пригожусь. Только помяни меня — и я въ ту-жъ минуту явлюсь къ тебѣ на выручку.

Иванъ тотчасъ сорвалъ печать, разломалъ замокъ и отворилъ двери — нечистый вылетѣлъ изъ башни, взвился кверху и сгинулъ быстрѣе молніи.

— Ну, — думаетъ Иванъ, — надѣлалъ я дѣла: вся моя служба ни за грошъ пропала! Теперь засадятъ меня подъ арестъ, отдадутъ подъ военный судъ, и — чего добраго — заставятъ сквозь строй прогуляться. Ужъ лучше убѣгу, пока время есть.

Бросилъ ружье и ключи на землю и пошелъ, куда глаза глядятъ. Шелъ онъ день, и другой, и третій. Разобралъ его голодъ, а ѣсть и пить нечего. Сѣлъ на дорогѣ, заплакалъ горькими слезами и раздумался:

— Ну, не глупъ ли я? служилъ у царя десять лѣтъ, завсегда былъ сытъ и доволенъ, каждый день по три фунта хлѣба получалъ. Такъ вотъ нѣтъ же! убѣжалъ на волю, чтобъ умереть голодною смертью. Эхъ, духъ нечистый! всему ты виною. Будь ты здѣсь, сказалъ бы я тебѣ слово . . .

Вдругъ, откуда ни взялся — сталъ передъ нимъ нечистый и спрашиваетъ:

— Здравствуй, Ванюша! о чемъ горюешь?

— Какъ мнѣ не горевать, коли третій день съ голоду пропадаю!

— Не тужи — это дѣло поправимое! — сказалъ нечистый.

Туда-сюда бросился, притащилъ всякихъ винъ и припасовъ, накормилъ-напоилъ солдата и зоветъ его съ собою:

— Въ моемъ домѣ будетъ житье привольное: пей, ѣшь и гуляй, сколько душа хочетъ, только присматривай за моими дочерьми — больше мнѣ ничего не надобно.

Иванъ согласился. Нечистый подхватилъ его подъ руки, поднялъ высоко-высоко на воздухъ и принесъ за тридевять земель, въ тридесятое государство, въ бѣлокаменныя палаты.

У нечистаго были три дочери — собой красавицы. Приказалъ онъ имъ слушаться того молодца, кормить и поить его вдоволь, а самъ полетѣлъ куролесить. Извѣстно — нечистый духъ! на мѣстѣ никогда не сидитъ, а все по свѣту рыщетъ да людей смущаетъ, на грѣхъ наводитъ. Остался Иванъ съ красными дѣвицами, и такое ему житье вышло, что и помирать не надо. Одно его кручинитъ: каждую ночь уходятъ красныя дѣвицы изъ дому, а куда уходятъ? — невѣдомо. Сталъ, было ихъ про то разспрашивать, такъ не сказываютъ, запираются.

— Ладно же! — думаетъ Иванъ: — буду цѣлую ночь караулить, а ужъ усмотрю, куда вы таскаетесь.

Вечеромъ легъ Иванъ на постель, притворился, будто крѣпко спитъ, а самъ ждетъ не дождется — что-то будетъ? Вотъ какъ пришла пора-время, подкрался онъ потихоньку къ дѣвичьей спальнѣ, сталъ у дверей, нагнулся и смотритъ въ замочную скважину. Красныя дѣвицы принесли волшебный коверъ. Разослали его на полу, ударились о тотъ

коверъ и сдѣлались голубками, встрепенулись и улетѣли въ окошко.

— Что за диво! — думаетъ Иванъ. — Дай-ка и я попробую.

Вскочилъ въ спальню, ударился о коверъ и обернулся малиновкой, вылетѣлъ въ окно да за ними въ догонку. Голубки опустились на зеленый лугъ, а малиновка сѣла на смородиновъ кустъ, укрылась за листьями и высматриваетъ оттуда. На мѣсто налетѣло голубицъ видимо-невидимо, весь лугъ покрыли. Посрединѣ стоялъ золотой тронъ. Немного погодя осіяло и небо и землю — летитъ по воздуху золотая колесница, въ упряжи шесть огненныхъ змѣевъ. На колесницѣ сидитъ Елена Премудрая — такой красоты неописанной, что ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкѣ сказать! Сошла она съ колесницы, сѣла на золотой тронъ, начала подзывать къ себѣ голубокъ по очереди и учить ихъ разнымъ мудростямъ. Покончила ученье, вскочила на колесницу и была такова! Тутъ всѣ до единой голубки снялись съ зеленаго луга и полетѣли каждая въ свою сторону. Птичка-малиновка вспорхнула вслѣдъ за тремя сестрами и вмѣстѣ съ ними очутилась въ спальнѣ. Голубки ударились о коверъ — сдѣлались красными дѣвицами, а малиновка ударилась — обернулась молодцемъ.

— Ты откуда? — спрашиваютъ его дѣвицы.

— А я съ вами на зеленомъ лугу былъ, видѣлъ прекрасную королевну на золотомъ тронѣ и слы-

шалъ, какъ учила васъ королевна разнымъ хитростямъ.

— Ну, счастье твое, что улетѣлъ! Вѣдь эта королевна — Елена Премудрая, наша могучая повелительница. Если бы при ней да была ея волшебная книга, она тотчасъ бы тебя узнала — и тогда не миновать бы тебѣ злой смерти. Берегись, молодецъ, не летай больше на зеленый лугъ, не дивись на Елену Премудрую, не то сложишь буйну голову.

Иванъ не унываетъ, тѣ рѣчи мимо ушей пропускаетъ. Дождался другой ночи, ударился о коверъ и сдѣлался птичкой-малиновкой. Прилетѣла малиновка на зеленый лугъ, спряталась подъ смородиновъ кустъ, смотритъ на Елену Премудрую, любуется ея красотой ненаглядною и думаетъ:

— Если бы такую жену добыть — ничего въ свѣтѣ пожелать не останется! Полечу-ка я слѣдомъ за нею, да узнаю, гдѣ она проживаетъ.

Вотъ сошла Елена Премудрая съ золотого трона, сѣла на свою колесницу и понеслась по воздуху къ своему чудесному дворцу. Слѣдомъ за нею и малиновка полетѣла. Пріѣхала королевна во дворецъ. Выбѣжали ей навстрѣчу няньки и мамки, подхватили ее подъ руки и увели въ расписныя палаты. А птичка-малиновка порхнула въ садъ, выбрала прекрасное дерево, что какъ разъ стояло подъ окномъ королевниной спальни, усѣлась на вѣточкѣ и начала пѣть такъ хорошо да жалобно, что королевна цѣлую ночь и глазъ не

смыкала — все слушала. Только взошло красное солнышко, закричала Елена Премудрая громкимъ голосомъ:

— Няньки и мамки! бѣгите скорѣе въ садъ, уловите мнѣ птичку-малиновку!

Няньки и мамки бросились въ садъ, стали ловить пѣвчую пташку, да куда имъ, старухамъ! Малиновка съ кустика на кустикъ перепархиваетъ, далеко не летитъ, а въ руки не дается. Не стерпѣла королевна, выбѣжала въ зеленый садъ, хочетъ сама ловить птичку-малиновку. Подходитъ къ кустику — птичка съ вѣтки не трогается, сидитъ, опустя крылышки, словно ее дожидается. Обрадовалась королевна, взяла птичку въ руки, принесла во дворецъ, посадила въ золотую клѣтку и повѣсила въ своей спальнѣ. День прошелъ, солнце закатилось. Елена Премудрая слетала на зеленый лугъ, воротилась, прилегла на постель и заснула крѣпко. Малиновка смотритъ на ея красу ненаглядную, смотритъ и налюбоваться не можетъ. Какъ только уснула королева, птичка-малиновка обернулась мухою, вылетѣла изъ золотой клѣтки, ударилась объ полъ и сдѣлалась добрымъ молодцемъ. Подошелъ добрый молодецъ къ королевниной кроваткѣ, смотрѣлъ, смотрѣлъ на красавицу, не выдержалъ и — чмокъ ее въ уста сахарныя. Видитъ — королевна просыпается, обернулся поскорѣе мухою, влетѣлъ въ клѣтку и сталъ птичкой-малиновкой. Елена Премудрая раскрыла глаза, глянула кругомъ — нѣтъ никого.

— Видно, — думаетъ, мнѣ во снѣ это пригрезилось.

Повернулась на-бокъ и опять заснула. А Ивану крѣпко не терпится. Попробовалъ въ другой разъ и въ третій разъ — чутко спитъ королевна: послѣ каждаго поцѣлуя пробуждается. За третьимъ разомъ встала она съ постели и говоритъ:

— Тутъ что-нибудь да не даромъ! дай-ка посмотрю въ волшебную книгу.

Посмотрѣла въ свою волшебную книгу и тотчасъ узнала, что сидитъ въ золотой клѣткѣ не птичка-малиновка, а добрый молодецъ.

— Ахъ ты, невѣжа! — закричала Елена Премудрая — выходи-ка изъ клѣтки! За твою неправду ты мнѣ жизнью отвѣтишь.

Нечего дѣлать — вылетѣла птичка-малиновка изъ золотой клѣтки, ударилась объ полъ и обернулась добрымъ молодцемъ. Палъ онъ на колѣни передъ королевной и началъ просить прощенія.

— Нѣтъ тебѣ прощенія! — отвѣчала Елена Премудрая и крикнула палача и плаху — рубить Ивану голову.

Откуда ни взялся — сталъ передъ ней великанъ съ топоромъ и плахою, повалилъ Ивана на землю, прижалъ его буйную голову къ плахѣ и поднялъ топоръ. Вотъ махнетъ королевна платкомъ, и покатится молодецкая голова!

— Смилуйся, прекрасная королевна! — проситъ Иванъ со слезами, — позволь напослѣдяхъ пѣсню спѣть.

— Пой, да скорѣе.

Иванъ затянулъ пѣсню такую грустную, такую жалобную, что Елена Премудрая сама расплакалась. Жалко ей стало добраго молодца, говоритъ она ему:

— Даю тебѣ сроку десять часовъ. Если ты сумѣешь въ это время такъ хитро спрятаться, что я тебя не найду, то выйду за тебя замужъ. А не сумѣешь этого дѣла сдѣлать, велю рубить голову.

Вышелъ Иванъ изъ дворца, забрелъ въ дремучій лѣсъ, сѣлъ подъ кустикъ, задумался-закручинился:

— Ахъ, духъ нечистый, все изъ-за тебя пропадаю!

Въ ту-жъ минуту явися къ нему нечистый:

— Что тебѣ, Ванюша, надобно?

— Эхъ, — говоритъ, — смерть моя приходитъ! Куда я отъ Елены Премудрой спрячусь?

Нечистый духъ ударился о сырую землю и обернулся сизокрылымъ орломъ:

— Садись, Ванюша, ко мнѣ на спину, я тебя занесу въ поднебесье.

Иванъ сѣлъ на орла. Орелъ взвился кверху и залетѣлъ за облака, за тучи черныя. Прошло пять часовъ, Елена Премудрая взяла волшебную книгу, посмотрѣла — и все словно на ладони, увидѣла. Возгласила она громкимъ голосомъ:

— Полно, орелъ, летать по поднебесью. Опускайся на низъ — отъ меня вѣдь не укроешься.

Орелъ опустился на землю. Иванъ пуще прежняго закручинился:

— Что теперь дѣлать? Куда спрятаться?

— Постой, — шепчетъ нечистый, — я тебѣ помогу.

Подскочилъ къ Ивану, ударилъ его по щекѣ и оборотилъ булавкою, а самъ сдѣлался мышкою, схватилъ булавку въ зубы прокрался во дворецъ, нашелъ волшебную книгу и воткнулъ въ нее булавку. Прошли послѣдніе пять часовъ, Елена Премудрая развернула свою волшебную книгу, смотрѣла-смотрѣла — книга ничего не показываетъ. Крѣпко разсердилась королевна и швырнула ее въ печь. Булавка выпала изъ книги, ударилась объ полъ и обернулась добрымъ молодцемъ.

Елена Премудрая взяла его за руку:

— Я, — говоритъ, — хитра, а ты и меня хитрѣй!

Не стали они долго раздумывать, перевѣнчались и зажили себѣ припѣваючи.

Что дальше слышно?

Жилъ вдовый крестьянинъ, было у него три сына, и всѣ были женаты. Жилъ старикъ исправно, дѣти его слушались, и братья между собой жили дружно. Все было хорошо, да одно неладно: невѣстки между собой жили недружно, постоянно ругались, а все изъ-за того, что каждая изъ нихъ хотѣла быть большухой. Наскучили старику перекоры невѣстокъ; призвалъ онъ однажды сыновей и говоритъ имъ:

— У невѣстокъ каждый день споры, дымъ коромысломъ, надо это прикончить. Я надумалъ задать имъ загадку — которая отгадаетъ, та пусть и большухой будетъ; только чтобы послѣ этого ужъ спору не было. Если онѣ согласны, то и дѣлу конецъ.

Призвали невѣстокъ, тѣ согласились.

Поздно вечеромъ старикъ и говоритъ невѣсткамъ:

— Вы согласились отгадать загадку, такъ вотъ вамъ на цѣлую ночь загадка, отгадайте: «Что дальше слышно?» Завтра рано спрошу у васъ, и кто отгадаетъ, та и будетъ большухой. Уговоръ дороже денегъ. Помните, на что согласились.

Утромъ рано старикъ позвалъ сыновей съ невѣстками и спрашиваетъ у старшей:

— Что, отгадала ли?

— Пѣтуха голосъ, когда онъ весной поетъ, по зарѣ дальше всего слышно.

— Да, пѣтуха далеко слышно, — говоритъ старикъ. Ну, а ты? — спрашиваетъ онъ у средней.

— Когда весной собака лаетъ по зарѣ, то гораздо дальше пѣтуха слышно.

— Да, — говоритъ старикъ, — пожалуй, собаку и дальше слышно. Ну, а ты что скажешь? — обращается старикъ къ меньшой невѣсткѣ.

— Хлѣбъ да соль дальше всего слышно, — говоритъ меньшая невѣстка.

— Да, — говоритъ старикъ, — хлѣбъ да соль за тысячи верстъ слышно. Будь же ты большухой!

Гдѣ зло – тамъ и добро.

Жили себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ овдовѣлъ и женился на другой женѣ, а отъ первой жены осталась у него дѣвочка. Злая мачиха ее не полюбила, била ее и думала, какъ бы вовсе ее извести. Разъ отецъ уѣхалъ куда-то, мачиха и говоритъ дѣвочкѣ:

— Поди къ своей теткѣ, моей сестрѣ, попроси у нея иголочку и ниточку — тебѣ рубашку сшить.

А тетка эта была Баба-Яга, костяная нога. Вотъ дѣвочка не была глупа, да зашла прежде къ своей родной теткѣ.

— Здравствуй, тетушка!

— Здравствуй, родимая! Зачѣмъ пришла?

— Матушка послала къ своей сестрѣ попросить иголочку и ниточку — мнѣ рубашку сшить.

Та ее и научаетъ:

— Тамъ тебя, племянушка, будетъ березка въ глаза стегать — ты ее ленточкой перевяжи. Тамъ тебѣ ворота будутъ скрипѣть и хлопать — ты

подлей имъ подъ пяточки маслица. Тамъ тебя собаки будутъ рвать — ты имъ хлѣбца брось. Тамъ тебѣ котъ будетъ глаза драть — ты ему ветчинки дай.

Поблагодарила дѣвочка родную тетку и пошла къ Бабѣ-Ягѣ.

Стоитъ хатка, а въ ней сидитъ Баба-Яга, костяная нога и ткетъ.

— Здравствуй, тетушка!

— Здравствуй, родимая! Зачѣмъ пришла?

— Меня матушка послала попросить у тебя иголочку и ниточку — мнѣ рубашку сшить.

— Хорошо! садись покуда ткать.

Вотъ дѣвочка сѣла за кросна, а Баба-Яга вошла и говоритъ своей работницѣ:

— Ступай, истопи баню да вымой племянницу, да смотри — хорошенько: я хочу ею позавтракать.

Дѣвочка сидитъ ни жива, ни мертва, вся перепуганная, и проситъ она работницу:

— Родимая моя! ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай, рѣшетомъ воду носи.

И дала ей платочекъ. Баба-Яга поджидаетъ. Подошла она къ окну и спрашиваетъ.

— Ткешь ли, племянница, ткешь ли, милая?

— Тку, тетушка, тку, милая!

Баба-Яга и отошла, а дѣвочка дала коту ветчинки и говоритъ:

— Котикъ, котикъ научи, какъ отсюда уйти.

— Вотъ тебѣ гребешокъ и полотенце, — говоритъ котъ, — возьми ихъ и убѣги. За тобой бу-

детъ гнаться Баба-Яга, ты приклони ухо къ землѣ и какъ заслышишь, что она близко, брось сперва полотенце — сдѣлается широкая-широкая рѣка. Если жъ Баба-Яга перейдетъ черезъ рѣку и станетъ догонять тебя, ты опять приклони ухо къ землѣ и какъ услышишь, что она близко, брось гребешокъ — сдѣлается дремучій-дремучій лѣсъ. Сквозь него она ужъ не проберется!

Дѣвочка взяла полотенце и гребешокъ и побѣжала. Собаки хотѣли ее рвать — она бросила имъ хлѣбца, и онѣ ее пропустили. Ворота хотѣли захлопнуться — она подлила имъ подъ пяточки маслица, и они ее пропустили. Березка хотѣла ей глаза выстегать — она ее ленточкой перевязала, и та ее пропустила. А котъ сѣлъ за кросна и ткетъ: не столько наткалъ, сколько напуталъ. Баба-Яга подошла къ окну и спрашиваетъ:

— Ткешь ли, племяннушка, ткешь ли, милая?

— Тку, тетка, тку, милая — отвѣчалъ за племянницу котъ.

Баба-Яга бросилась въ хатку, увидѣла, что дѣвочка ушла, и давай бить кота и ругать, зачѣмъ не выцарапалъ дѣвочкѣ глаза.

— Я тебѣ сколько служу, — говоритъ котъ — ты мнѣ косточки не дала, а она мнѣ ветчины дала.

Баба-Яга накинулась на собакъ, на ворота, на березки и на работницу, давай всѣхъ ругать и колотить. Собаки говорятъ ей:

— Мы тебѣ сколько служимъ, ты намъ горѣлой корочки не бросила, а она намъ хлѣбца дала.

Ворота говорятъ:

— Мы тебѣ сколько служимъ, ты намъ водицы подъ пяточки не подлила, а она намъ маслица подлила.

Березка говоритъ:

— Я тебѣ сколько служу, ты меня ниточкой не перевязала, а она меня ленточкой перевязала.

Работница говоритъ:

— Я тебѣ сколько служу, ты мнѣ тряпочки не подарила, а она мнѣ платочекъ подарила.

Баба-Яга, костяная нога, поскорѣй сѣла на ступу, толкачемъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ — и пустилась въ погоню за дѣвочкой. Вотъ дѣвочка приклонила ухо къ землѣ и слышитъ, что Баба-Яга гонится и ужъ близко, взяла да и бросила полотенце: сдѣлалась рѣка такая широкая-широкая! Баба-Яга пріѣхала къ рѣкѣ и отъ злости зубами заскрипѣла. Воротилась домой, взяла своихъ быковъ и пригнала къ рѣкѣ. Быки выпили всю рѣку до-чиста. Баба-Яга пустилась опять въ погоню. Дѣвочка приклонила ухо къ землѣ и слышитъ, что Баба-Яга близко, бросила гребешокъ: сдѣлался лѣсъ такой дремучій да страшный. Баба-Яга стала его грызть, но сколь ни старалась — не могла прогрызть и воротилась назадъ.

А дѣдъ пріѣхалъ домой и спрашиваетъ:

— Гдѣ же моя дочка?

— Она пошла къ тетушкѣ, — говоритъ мачиха.

Немного погодя и дѣвочка прибѣжала домой.

— Гдѣ ты была? — спрашиваетъ отецъ.

— Ахъ, батюшка! — говоритъ она, — такъ и такъ: — меня матушка послала къ теткѣ просить иголочку съ ниточкой — мнѣ рубашку сшить, и тетка — Баба-Яга — меня съѣсть хотѣла.

— Какъ же ты ушла, дочка?

— Такъ и такъ, — разсказываетъ дѣвочка.

Дѣдъ, какъ узналъ все это, разсердился на жену и прогналъ ее. А самъ съ дочкой сталъ жить да поживать, да добро наживать. И я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

Что добро – то и разумно.

Жили-были старикъ со старухой, и было у нихъ три сына. Когда старикъ заболѣлъ, призвалъ трехъ сыновей и говоритъ имъ:

— Я думаю, что умру. Денегъ у меня много, но на троихъ будетъ мало, да еще матери нужно. Нужно еще мнѣ васъ испытать, кто изъ васъ на что гожъ будетъ. Завтра ты, старшiй, возьмешь денегъ сто рублей и купи на нихъ на рынкѣ въ городѣ разума, а денегъ домой не приноси.

Утромъ старшiй сынъ взялъ сто рублей и пошелъ покупать разума. Приходитъ въ городъ, спрашиваетъ разума, а купцы смѣются надъ нимъ. Проходилъ до вечера, а разума найти не могъ. Пошелъ домой, а на дорогѣ ему встрѣчается мужикъ и ведетъ собаку.

— Купи, молодецъ, собаку.

— Да на что мнѣ собака?

— Собака ученая, сама птицъ и звѣрей въ лѣсу ловитъ, ходи — и ружья не надо.

— Что жъ, — думаетъ молодецъ, — куплю, отецъ денегъ не велѣлъ приносить, а съ собакой такой жить можно хорошо, а не полѣниться — можно и деньги нажить.

— А сколько стоитъ собака?

— Да меньше сотни не возьму.

Порядился, поторговался молодецъ, да тотъ не уступилъ. Пришлось отдать сто рублей, а собаку взялъ. Пришелъ домой, отецъ спрашиваетъ:

— Что, купилъ разума?

— Нѣтъ, батюшка. Спрашивалъ во всѣхъ лавкахъ, да не отдали; хотѣлъ деньги ужъ спрятать, да подвернулся случай купить ученую собаку, сама звѣрей и птицъ ловитъ.

— Ладно, — говоритъ отецъ, — хоть деньги убилъ, и то хорошо, а съ собакой вѣкъ не проживешь, да и не къ добру она къ тебѣ пошла.

На второй день пошелъ среднiй сынъ покупать разума. Въ лавкахъ тоже надъ нимъ посмѣялись. Проходилъ цѣлый день и вечеромъ пошелъ домой. Видитъ, на дорогѣ лежитъ мужикъ, а птичка сидитъ у него на головѣ и поетъ. Птичка пѣть перестала, и мужикъ проснулся; открылъ въ клѣткѣ дверцы, птичка туда и залетѣла.

— Купи, молодецъ, птичку, — говоритъ мужикъ, — птичка стоитъ сто рублей. Птичка не простая: запоетъ, а кто только станетъ ее слушать, всякiй заснетъ и, пока она поетъ, не проснется.

Поторговались, мужикъ меньше ста рублей не взялъ. Отдалъ молодецъ деньги и взялъ клѣтку съ птичкой. Пришелъ домой и разсказалъ отцу про покупку. Отецъ и говоритъ:

— Это дѣло немного лучше собаки; хоть съ птичкой не проживешь до смерти, а все-таки не собака. Счастливѣе будешь старшаго брата.

На третій день младшій сынъ отправился на рынокъ покупать разума. Проходилъ цѣлый день, все спрашивалъ, гдѣ продается разумъ, и только въ одной лавкѣ купецъ сказалъ ему:

— Убирайся, молодецъ, по-добру по-здорову! Сегодня я далъ бы тебѣ разума, да народу въ лавкѣ много, некогда съ тобой заниматься. Наскучили — третій день, чудаки, разума ходятъ покупать!

Пошелъ молодецъ домой. Видитъ — мужикъ волочитъ по землѣ тѣло человѣка, подошелъ и спрашиваетъ:

— Что ты, дядюшка, дѣлаешь?

— Да вотъ, этотъ человѣкъ былъ мнѣ долженъ восемьдесятъ рублей, все сулилъ, что отдамъ, молъ. Тянулъ, тянулъ, денегъ не отдалъ, самъ умеръ, что съ него теперъ возьмешь? Такъ вотъ, я его хоть по землѣ поволочу.

Жаль стало молодцу мертвеца. Отдалъ онъ мужику восемьдесятъ рублей, а на остальныя деньги купилъ гробъ и похоронилъ. Пришелъ домой, отецъ и спрашиваетъ:

— Ну что, купилъ ли разума?

— Нѣтъ, батюшка, разума не купилъ, да ничего и другого не купилъ и денегъ домой не принесъ, а деньги издержалъ вотъ на что . . .

И разсказалъ все, какъ дѣло было.

— Ладно, сынокъ, — говоритъ отецъ, — хоть разума и не купилъ, а дѣльно сдѣлалъ — мертвецъ къ добру: лучше братьевъ въ жизни будешь да еще и братьямъ пособишь.

Отецъ не умеръ, живутъ еще лучше. Старшій братъ съ собакой птицъ и звѣрей ловитъ, продаетъ и денегъ много получаетъ. Средній съ птичкой ходитъ; народъ смотритъ на диковинную птичку и деньги носитъ, а младшій братъ ничего не дѣлаетъ. Прошло такъ немного времени, отецъ и говоритъ имъ:

— Вы, дѣти, поѣхали бы счастья въ чужихъ людяхъ поискать, пока я живъ и домашнія дѣла справляю.

Сыновья согласились и на другой день уѣхали. Старшій взялъ съ собой собаку, средній птичку, а младшій съ пустыми руками. Три дня братья ѣхали вмѣстѣ, а потомъ дорога раздѣлилась на три. Братья условились черезъ три года пріѣхать къ этому мѣсту, а теперь ѣхать каждому своей дорогой. Простились и поѣхали.

Старшій братъ ѣхалъ, ѣхалъ по своей дорогѣ, вдругъ видитъ, что собака его изъ лѣсу съ визгомъ бѣжитъ на дорогу. Онъ остановился, посмотрѣлъ — ничего нѣтъ. Ѣдутъ дальше, видитъ — стоитъ столбъ и на столбѣ надпись:

— Туда скоро, а назадъ никакъ.

Призадумался молодецъ, но все-таки поѣхалъ дальше. Долго ли, коротко ли ѣхалъ, подъѣзжаетъ къ избушкѣ. Вошелъ въ избушку, а тамъ старикъ еле двигается.

— Фу, фу, русскій духъ! Слыхомъ не слыхано, видомъ не видано, а теперь въ очахъ мерещится. Куда ты, молодецъ, заѣхалъ? Назадъ ужъ не выѣдешь.

— А что же, дѣдушка?

— Да тутъ у насъ въ лѣсу колдунья живетъ съ Бабой-Ягой, всѣхъ убиваютъ, и тебѣ того же не миновать!

— Нельзя ли, дѣдушка, мнѣ какъ-нибудь избыть?

— Можно, — говоритъ старикъ, — тебя спрятать.

Взялъ палочку, и пошли изъ избы на дворъ. Старикъ ударилъ палочкой по собакѣ, собака превратилась въ камень; ударилъ по коню, конь превратился въ камень; ударилъ по человѣку, и человѣкъ сталъ камнемъ. Лежатъ три камня на дорогѣ; вдругъ старикъ слышитъ, что ѣдетъ въ ступѣ Баба-Яга. Подъѣхала къ старику и заругалась, что тотъ камней на дорогѣ навалилъ, и спрашиваетъ:

— А гдѣ тутъ человѣкъ съ собакой?

— Не видалъ, — говоритъ старикъ.

— Врешь! — говоритъ Баба-Яга, — ударила

старика пестомъ, старикъ повалился. Она навалила на старика три камня и уѣхала.

Ѣдетъ дорогою средній братъ. Долго ли, коротко ли ѣхалъ подъѣзжаетъ къ столбу, на которомъ написано:

— Помни, что счастье возьмешь, да съ нимъ и умрешь.

Призадумался молодецъ, но ѣдетъ дальше. Пріѣзжаетъ онъ къ большому городу. Остановился въ избушкѣ у старушки и утромъ посылаетъ ее на рынокъ — на денежку обѣдъ купить да новости узнать. Пришла старуха и говоритъ:

— Напрасно ты, молодецъ, пріѣхалъ! Въ городѣ у насъ чудо — змѣя въ озерѣ завелась: каждый день по дѣвицѣ на кормъ ей даютъ, а сегодня жребій выпалъ къ змѣю царской дочери; вечеромъ пойдетъ она къ озеру.

Молодецъ взялъ вечеромъ птичку и приходитъ къ озеру, а царская дочь сидитъ на берегу и плачетъ. Подошелъ онъ къ царевнѣ и ждетъ змѣя. Вдругъ въ озерѣ вода заколыхалась, вышла на берегъ змѣя, а онъ открылъ въ клѣткѣ дверцу, птичка сѣла на клѣтку и поетъ. Царевна заснула. Змѣя слушаетъ, тихо подвигается къ дѣвицѣ; не дошла немного, легла на землю, растянулась и спитъ. Молодецъ подошелъ къ змѣѣ, отрубилъ ей голову и все тѣло разрубилъ на мелкіе куски. Спряталъ птичку въ клѣтку. Царевна проснулась, и онъ отвелъ ее во дворецъ.

Царь оставилъ молодца у себя во дворцѣ, а черезъ нѣсколько времени ихъ и повѣнчали.

Разъ молодецъ пошелъ гулять съ царевной. Ей захотѣлось пить; наклонилась она къ водѣ и стала пить. Вдругъ небольшая змѣйка вмѣстѣ съ водой попала въ ротъ царевнѣ. Она ее проглотила, а черезъ три дня и умерла.

Пожилъ во дворцѣ молодецъ немного времени. Жилъ въ счастьѣ, птичку забылъ, а когда сталъ уѣзжать, хотѣлъ птичку взять, но птичка давно умерла. Вотъ и отправился одинъ. Впередъ ему ѣхать не хотѣлось; воротился онъ назадъ, доѣхалъ до трехъ дорогъ и думаетъ:

— Домой ѣхать рано, я поѣду по дорогѣ старшаго брата, узнаю, что съ нимъ.

Доѣхалъ до столба, надпись прочиталъ и поѣхалъ дальше. Видитъ три камня, а подъ ними тѣло человѣка. И камни-то какіе-то необыкновенные: одинъ похожъ на человѣка, другой на коня, третій на собаку.

— Вѣрно, тутъ мой братецъ родимый, — подумалъ молодецъ, слѣзъ съ коня, хотѣлъ отвалить камни, но вдругъ слышитъ шумъ: видитъ — бѣжитъ ступа по дорогѣ, а въ ней сидитъ Баба-Яга. Подъѣхала, ударила молодца и лошадь пестомъ, и стало два камня.

Ѣдетъ младшій братъ по своей дорогѣ. Стоитъ столбъ, и на столбѣ написано:

— Много богатства увидишь, да взять нельзя.

Ѣдетъ дальше, нагоняетъ человѣка. Человѣкъ далъ ему дорогу и спрашиваетъ:

— Куда, молодецъ, ѣдешь? Видѣлъ ли надпись на столбѣ — много богатства, а взять нельзя?

— Я ѣду хоть посмотрѣть. А ты куда?

— Я тоже посмотрѣть, коли взять нельзя.

— А коли мы одного богатства захотѣли посмотрѣть, то поѣдемъ вмѣстѣ — намъ веселѣе будетъ?

— Давай, поѣдемъ; а съ этого времени, что наживемъ, все будемъ дѣлить поровну. Согласенъ?

Молодецъ согласился, и продолжаютъ путь вдвоемъ. Ѣхали, ѣхали, и вдругъ передъ ними стоитъ домъ, а кругомъ высокая, гладкая стѣна изъ желѣза, и воротъ нѣтъ. Объѣхали кругомъ — попасть нельзя. Пробовали стѣну ломать — не ломается. Товарищъ и говоритъ:

— Плохо дѣло, придется зубами грызть.

— Что ты! Какъ это зубами перегрызешь?

— У меня зубы такіе, что перегрызу. За зубы-то меня и наказали: три года нужно по землѣ скитаться, а потомъ и на покой.

Девять ночей товарищъ грызъ стѣну зубами и прогрызъ дырочку, а потомъ стали ломать и черезъ тридевять ночей, наконецъ, проломали такое отверстіе, что человѣку можно было пройти. Собрались и зашли во дворъ, потомъ въ домъ; въ домѣ никого нѣтъ, всѣ комнаты пустыя. Пришли къ одной двери; дверь крѣпко заперта и цѣпями

перетянута. Опять тридевять дней товарищъ грызъ желѣзо. Отперли дверь, видятъ — старикъ прикованъ цѣпями къ стѣнѣ, а на столахъ множество самоцвѣтныхъ камней. Старикъ просится на волю: пришлось товарищу опять цѣпи грызть. Три дня погрызъ, и старика освободили. Старикъ имъ разсказалъ, что его колдунья сюда заманила въ домъ, и сорокъ лѣтъ ужъ онъ сидитъ на цѣпи.

Забрали они трое много самоцвѣтныхъ камней и отправились. Три дня и три ночи шли безъ отдыха по совѣту старика, чтобы не захватила колдунья. Но изъ колдуньиной земли еще не вышли. Поднялась буря. Заночевали въ лѣсу. Вдругъ ночью что-то зашумѣло. Видятъ они — женщина ѣдетъ на змѣѣ. Старикъ испугался и говоритъ:

— Колдунья, — все пропало!

Товарищъ молодца поднялся, бросился на колдунью, схватилъ за горло зубами и перегрызъ горло. Стали колдунью бросать въ огонь, а у ней двѣ бутылочки. Взяли они двѣ бутылочки: пригодятся! Колдунья сгорѣла, а змѣя ушла, и догнать ее не могли.

Добрались, наконецъ, и до того мѣста, гдѣ съ братьями разстались. Вотъ молодецъ и говоритъ товарищу:

— Пойдемъ моего брата разыскивать. Прежде поѣдемъ за среднимъ. Онъ поѣхалъ по этой дорогѣ.

— А мнѣ все равно, еще долго бродить при-

дется. Поѣдемъ — можетъ, ему сдѣлать что-либо пособимъ.

Поѣхали двое по дорогѣ средняго брата, а старикъ не согласился и пошелъ по той дорогѣ, по которой проѣхалъ старшій братъ.

Пріѣхали товарищи въ городъ, остановились въ избушкѣ. Утромъ пришла изъ города старуха и разсказываетъ товарищамъ, что сегодня царевну перенесутъ въ церковь: она уже давнымъ-давно умерла, да не хоронили, а теперь три дня пролежитъ въ церкви, и похоронятъ.

— Только вотъ бѣда: ночью караулить въ церковь идти не смѣютъ. Будутъ на иностранный народъ жребій бросать! И вамъ придется жребій брать, а если выпадетъ, то и караулить идти.

Пошли товарищи жребій бросать, и жребій выпалъ младшему брату. Товарищъ и говоритъ ему:

— Не бойся, иди на караулъ, только возьми съ собой книгу, пѣтуха и гусли. Самъ увидишь, что дѣлать, коль что случится. Придешь и читай книгу. Въ полночь она встанетъ изъ гроба, а ты подъ престолъ. Пѣтухъ пропоетъ, — она въ гробъ ляжетъ, а ты сядь на гробъ и въ гусли играй.

Пришелъ молодецъ въ церковь, сѣлъ и сталъ книгу читать. Подошла полночь, глянулъ молодецъ — встала царевна изъ гроба. Испугался и спрятался подъ престолъ. Долго ли сидѣлъ тамъ — не помнитъ. Только запѣлъ пѣтухъ подъ утро, царевна снова въ гробъ легла, а молодецъ сѣлъ около нея и сталъ въ гусли играть. (Все такъ и слу-

чилось, какъ товарищъ сказалъ). На другой день жребій опять ему выпалъ идти на караулъ.

Все случилось такъ же, какъ и въ первую ночь. Выпалъ ему жребій и на третій день. Товарищъ и говоритъ молодцу:

— Теперь, когда царевна встанетъ изъ гроба, ты не подъ престолъ иди, а въ гробъ лягъ, а когда пропоетъ пѣтухъ, ты сядь въ гробу и сиди. Сядетъ съ тобой рядомъ царевна, повернется къ тебѣ лицомъ, высунется у ней изо рта жало, а ты захвати лѣвой рукой покрѣпче, выдернешь изо рта змѣю и брось на-отмашь.

Пришелъ молодецъ въ церковь, читаетъ книгу. Пѣтухи пропѣли, наступила полночь. Царевна встала изъ гроба, а молодецъ въ гробъ легъ. Царевна ходитъ по церкви — и подъ престолъ заглянула; пѣтухи пропѣли — она въ гробъ, а молодецъ сѣлъ въ гробу и сидитъ. Царевна сѣла рядомъ, повернулась къ нему лицомъ и видитъ молодецъ, что изо рта у нея вытягивается жало. Онъ схватилъ жало рукой, вытащилъ змѣю и бросилъ на-отмашь. Царевна проснулась и говоритъ:

— Ахъ, какъ я долго спала!

— Да, если бы не было меня, ты бы и вѣкъ проспала, — говоритъ ей молодецъ.

Утромъ молодецъ свелъ царевну во дворецъ. Царь наградилъ его, и онъ пришелъ къ товарищу.

Разсказала имъ старуха вечеромъ все про царевну, какъ она замужъ шла, какъ къ ней послѣ змѣйка въ ротъ съ водою попала за то, что она

пила не по-человѣчески, не пригоршнями, и что мужъ ея куда-то уѣхалъ и съ тѣхъ поръ не бывалъ. Разсказала, что у мужа ея была птичка и людей усыпляла, и сказала имъ, что мужъ царевны воротился домой.

Ночью товарищи согласились идти по дорогѣ старшаго брата. Утромъ отправились. Нашли дорогу, по которой поѣхалъ старшій братъ, и по ней поѣхали. Прочли на столбѣ надпись и — дальше. Доѣхали до камней; видятъ пять камней, а подъ камнями тѣло; на камняхъ на трехъ цвѣты распустились, а на двухъ только еще расти начинаютъ.

Старикъ ихъ встрѣтилъ, обрадовался и говоритъ, что подъ камнями его братъ лежитъ. Товарищъ взялъ одну бутылочку, прыснулъ жидкости на камни, и всѣ ожили; прыснулъ на старика, и тотъ ожилъ. Тутъ у всѣхъ радости конца не было.

Вдругъ что-то зашумѣло и затрещало. Смотрятъ — ѣдетъ въ ступѣ Баба-Яга. Товарищъ приготовилъ бутылочку. Какъ только Яга подъѣхала, онъ прыснулъ на нее. Она вдругъ перевернулась въ змѣю. Прыснулъ на змѣю, она въ лягуху. Лягуха надулась, лопнула, и сталъ небольшой камушекъ. Товарищъ взялъ камушекъ и положилъ въ бутылочку.

Вотъ всѣ они и собрались въ путь-дорогу. Только товарищъ младшаго брата не хотѣлъ возвращаться, а просилъ отдѣлить ему половину. По условію все раздѣлили пополамъ. Простился

товарищъ и пошелъ дальше, а остальные пошли въ городъ, чтобы взять царевну, а потомъ домой къ отцу идти. Царь всѣхъ ласково принялъ, угощалъ всѣхъ. Царевна узнала своего мужа, всѣ поѣхали къ отцу.

Пріѣзжаютъ. Старикъ со старухой обрадовались. Отецъ провелъ сыновей въ избу и выноситъ имъ на показъ самоцвѣтные камни.

— Вотъ я и дома былъ, да вотъ что досталъ.

Показываетъ имъ камни и разсказалъ, что разъ ночью пришелъ какой-то человѣкъ и далъ ему все это за то, что младшій его сынъ этого человѣка отъ позора избавилъ: заплатилъ за него долгу восемьдесятъ рублей и похоронилъ. Тутъ только младшій сынъ узналъ, съ кѣмъ онъ ходилъ и кто ему пособлялъ во всемъ.

Два старика остались жить у нихъ. Послѣ они ѣздили и все богатство изъ дома, гдѣ былъ прикованъ старикъ, перевезли къ себѣ.

Дочь и падчерица.

Женился мужикъ вдовый съ дочкою на вдовѣ тоже съ дочкою, и было у нихъ двѣ сводныя дочери. Мачиха была ненавистная. Отдыха не даетъ старику:

— Вези свою дочь въ лѣсъ, въ землянку — она тамъ больше напрядетъ.

Что дѣлать! Послушался мужикъ бабу, свезъ дочку въ землянку и далъ ей огниво, кремень, трутъ да мѣшочекъ крупъ и говоритъ:

— Вотъ тебѣ огоньку. Огонекъ не переводи, кашку вари, а сама пряди, да сиди, а избушку-то припри.

Пришла ночь. Дѣвица затопила печурку, заварила кашу. Откуда ни возьмись мышка — и говоритъ:

— Дѣвица, дѣвица! дай мнѣ ложечку кашки!

— Охъ, моя мышинька! разгони мою скуку, я тебѣ дамъ не одну ложку каши, а и досыта накормлю.

Наѣлась мышка и ушла. Ночью вломился медвѣдь.

— Ну-ка, дѣвушка, — говоритъ, — туши огни, давай въ жмурки играть.

Мышка взбѣжала на плечо дѣвицы и шепчетъ на ушко:

— Не бойся, дѣвица! скажи — давай! а сама туши огонь, да подъ печь полѣзай, а я стану бѣгать и въ колокольчикъ звонить.

Такъ и сталось. Гоняется медвѣдь за мышкою — не поймаетъ. Сталъ ревѣть да полѣньями бросать. Бросалъ-бросалъ, да не попалъ, усталъ и молвилъ:

— Мастерица ты, дѣвушка, въ жмурки играть! За то пришлю тебѣ утромъ стадо коней да возъ добра.

На утро жена говоритъ:

— Поѣзжай, старикъ, провѣдай-ка дочь — что напряла она въ ночь?

Уѣхалъ старикъ, а баба сидитъ да ждетъ:

— Какъ-то онъ дочернія косточки привезетъ!

Вотъ собачка:

— Тяфъ-тяфъ-тяфъ! Со старикомъ дочка ѣдетъ, стадо коней гонитъ, возъ добра везетъ.

— Врешь, шафурка! это въ кузовѣ кости гремятъ да погромыхиваютъ.

Вотъ ворота заскрипѣли, кони на дворъ вбѣжали, а дочка съ отцомъ сидитъ на возу: полонъ возъ добра! У бабы отъ жадности и глаза разгорѣлись.

— Экая важность! — кричитъ, повези-ка мою дочь въ лѣсъ на ночь: моя дочь два стада коней пригонитъ, два воза добра притащитъ.

Повезъ мужикъ и бабину дочь въ землянку и также снарядилъ ее и ѣдою и огнемъ. Къ вечеру заварила она кашу. Вышла мышка и проситъ кашки у Наташки. А Наташка кричитъ:

— Ишь, гадина какая, — и швырнула въ нее ложкой.

Мышка убѣжала, а Наташка уписываетъ одна кашу. Съѣла, огни позадула и въ углу прикурнула. Пришла полночь — вломился медвѣдь и говоритъ:

— Эй, гдѣ ты, дѣвушка? давай-ка въ жмурки поиграемъ.

Дѣвица молчитъ, только со страху зубами стучитъ.

— А, мы вотъ гдѣ! На тебѣ колокольчикъ, бѣгай, а я буду ловить.

Взяла колокольчикъ, рука дрожитъ, колокольчикъ звенитъ, а мышка шепчетъ:

— Злой дѣвицѣ живой не быть.

На утро шлетъ баба старика въ лѣсъ:

— Ступай, молъ, дочь два воза привезетъ, два табуна пригонитъ.

Мужикъ уѣхалъ, а баба за воротами ждетъ.

А собачка:

— Тяфъ-тяфъ-тяфъ! Хозяйкина дочь ѣдетъ, въ кузовѣ костьми гремитъ, а старикъ на пустомъ возу сидитъ.

— Врешь ты, шавченка! моя дочь стада гонитъ и возы везетъ!

Глядь — старикъ у воротъ, женѣ кузовъ подаетъ. Баба кузовокъ открыла, глянула на косточки и завыла, да такъ разозлилась, что съ горя и злости на другой же день умерла. А старикъ съ дочкою хорошо свой вѣкъ доживалъ и знатнаго зятя къ себѣ въ домъ взялъ.

Гусли-самогуды.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ мужикъ, а у этого мужика былъ сынъ. Мужика звали Алексѣемъ, а сына Ванькою.

Вотъ приходитъ лѣто. Алексѣй вспахалъ землю и посѣялъ рѣпу. И такая-то хорошая уродилась рѣпа, да большая, да крупная, что и Господи! Радъ мужикъ, каждое утро ходитъ на поле, любуется рѣпкою да Бога благодаритъ. Одинъ разъ примѣтилъ онъ, что кто-то воруетъ у него рѣпу, и началъ караулить. Караулилъ-караулилъ — нѣтъ никого! Посылаетъ онъ Ваньку:

— Поди ты, присмотри за рѣпой!

Приходитъ Ванька въ поле, смотритъ — а какой-то мальчикъ рѣпу роетъ, наклалъ два мѣшка, да такіе большіе, что и ну! Взвалилъ ихъ, сердешный, на спину, насилу тащитъ — ноги такъ и подгибаются, инда спина хруститъ! Вотъ мальчикъ тащилъ, тащилъ, не въ моготу вишь стало:

бросилъ мѣшки наземь. Глядь — а передъ нимъ стоитъ Ванька.

— Сдѣлай милость, добрый человѣкъ, пособи мнѣ дотащить мѣшки до дому: дѣдушка одаритъ тебя, пожалуетъ.

А Ванька, какъ увидалъ мальчика, такъ и съ мѣста не тронется, вытаращилъ на него глаза, да все и смотритъ, пристально смотритъ. Послѣ очнулся и говоритъ ему:

— Ладно, давай!

Взвалилъ Ванька на плечи два мѣшка съ рѣпою и понесъ за мальчикомъ, а мальчикъ впереди бѣжитъ, припрыгиваетъ и говоритъ:

— Меня дѣдушка каждый день посылаетъ за рѣпой. Коли ты будешь носить ему, онъ дастъ тебѣ много серебра и золота; только ты не бери, а проси гусли-самогуды.

Вотъ ладно. Пришли они въ избу. Въ углу сидитъ сѣдой старикъ съ рогами. Ванька поклонился. Старикъ даетъ ему комокъ золота за работу. У Ваньки глаза разгорѣлись, а мальчикъ шепчетъ:

— Не бери!

— Не надо, — говоритъ Ванька, — дай мнѣ гусли-самогуды, и вся рѣпа твоя.

Какъ сказалъ онъ про гусли-самогуды, у старика глаза на вершокъ выкатились, ротъ до ушей раскрылся, а рога на лбу такъ и запрыгали. Ваньку страхъ взялъ. А мальчикъ говоритъ:

— Подари, дѣдушка!

— Многаго хочешь! Ну, да такъ и быть: бери себѣ гусли, только отдай мнѣ то, что тебѣ дома всего дороже.

Ванька думаетъ:

— Домишка нашъ чуть въ землю не вросъ, чему тамъ быть дорогому!

— Согласенъ! — говоритъ.

Взялъ гусли-самогуды и пошелъ домой. Приходитъ, а отецъ его мертвый на порогѣ сидитъ. Погоревалъ, поплакалъ, похоронилъ отца и пошелъ искать счастья.

Добрался онъ до одного большого города, гдѣ жилъ да былъ великій государь. Противъ дворца было поле. На томъ полѣ свиньи паслись. Ванька подошелъ къ пастуху, купилъ у него свиней и началъ пасти. Какъ только заиграетъ онъ въ гусли-самогуды, сейчасъ все стадо и запляшетъ!

Вотъ однажды царя дома не случилось. Царевна подсѣла къ окошечку, глядитъ — Ванька сидитъ на пенечкѣ да играетъ въ гусли-самогуды, а передъ нимъ свиньи пляшутъ. Посылаетъ царевна свою дѣвушку, проситъ у пастуха продать ей хоть одну свинку. Ванька говоритъ:

— Пусть сама придетъ!

Приходитъ царевна:

— Пастухъ, пастухъ! продай мнѣ свинку.

— У меня свинки не продажныя, а завѣтныя.

— А какой завѣтъ?

— Да коли угодно, царевна, свинку получить, такъ покажи мнѣ родимое пятно на плечѣ.

Царевна подумала-подумала, поглядѣла на всѣ четыре стороны — никого нѣтъ; разстегнула воротъ, а у ней на плечѣ небольшое родимое пятнышко.

Отдалъ пастухъ свинку. Царевна велѣла привести ее во дворецъ, собрала музыкантовъ и заставила играть. Хочется посмотрѣть, какъ будетъ свинка выплясывать, а свинка только по угламъ прячется, визжитъ да хрюкаетъ.

Пріѣхалъ царь и вздумалъ отдавать свою дочь замужъ. Созываетъ онъ всѣхъ бояръ и вельможъ, и купцовъ, и крестьянъ; съѣзжаются къ нему изъ чужихъ земель короли и королевичи и всякіе люди.

— Кто узнаетъ, — говоритъ царь — на моей дочкѣ примѣты, — за того и замужъ отдамъ.

Никто не могъ разузнать; какъ ни старались, какъ ни добивались, ничего не провѣдали. Вотъ, наконецъ, вызвался Ванька: я-де узнаю! и сказалъ, что у царевны на плечѣ есть небольшое родимое пятнышко.

— Угадалъ! — говоритъ царь, взялъ повѣнчалъ его на своей дочери и задалъ пиръ на весь міръ.

Сдѣлался Ванька царскимъ зятемъ и зажилъ припѣваючи.

Хитрый работникъ.

Жилъ-былъ мужикъ, все по чужимъ людямъ въ работникахъ жилъ. Пришелъ однажды къ барину, а баринъ послалъ его сѣтями рыбу на озерѣ ловить; а онъ никогда не дѣлалъ того, что хозяинъ приказывалъ, а что на умъ придетъ. Пришелъ онъ къ озеру, бросилъ сѣти на берегъ, сѣлъ, попилъ, выспался и принялся яму рыть; вырылъ яму глубокую. Потомъ надралъ липовой коры и замочилъ въ озерѣ. Ходитъ по берегу, ждетъ, когда кора вымокнетъ, чтобъ надѣлать лыка. Одинъ разъ нашелъ на берегу двухъ маленькихъ зайчатъ и положилъ ихъ въ яму, а кругомъ сдѣлалъ изгородь. Вымокла кора, онъ надралъ лыка и вьетъ веревки. Ночью въ яму попался, медвѣдь. Только легъ работникъ спать въ эту ночь, изъ озера выбѣгаетъ чертенокъ и говоритъ ему:

— Что ты, дяденька, дѣлаешь?

— А вотъ веревки вью, хочу все озеро смор-

щить словно вѣтромъ вздыбить и всѣхъ васъ, чертей, скорючить!

Чертенокъ сейчасъ же въ озеро, а черезъ нѣсколько времени вышелъ оттуда и говоритъ:

— Дѣдушка мнѣ приказалъ съ тобой потягаться — если ты меня обгонишь, то и морщи озеро, а если я тебя обгоню, то прочь уходи отъ озера.

— Эка невидаль, — говоритъ мужикъ, — съ тобой бѣгать, — ты пробѣжи-ка съ моимъ меньшимъ братишкой, и тотъ тебя обгонитъ, а со мной и тягаться нечего.

Взялъ мужикъ одного зайца, держитъ въ рукахъ и говоритъ:

— Ну бѣги!

Чертенокъ побѣжалъ, мужикъ пустилъ зайца. Недолго его и видѣлъ чертенокъ: заяцъ въ лѣсъ, а чертенокъ бѣжитъ кругомъ озера. Прибѣжалъ чертенокъ, а мужикъ другого зайца въ рукахъ держитъ и говоритъ:

— Ну, гдѣ же тебѣ тягаться съ моимъ братомъ — онъ давно прибѣжалъ, видишь, ужъ отдыхаетъ.

Чортъ въ озеро, а работникъ поспалъ и веревки вьетъ. Снова выходитъ чертенокъ изъ озера и говоритъ:

— Бѣгаешь ты, дяденька, лучше, а давай поборемся, кто кого поборетъ.

— Эко диво бороться! мой среднiй братъ — и тотъ тебя поборетъ, такъ гдѣ жъ тебѣ со мной тягаться!

Спустился чертенокъ въ яму, а Мишка захватилъ такъ чертенка, что тотъ еле живой въ озеро нырнулъ.

Въ третій разъ выходитъ чертенокъ изъ озера и говоритъ:

— Вотъ, дяденька, я принесъ палицу, давай тягаться, кто палицу выше броситъ: если ты выше бросишь, то и морщи насъ.

Работникъ попробовалъ поднять палицу, палица была тяжела: не то что бросить, а и поднять-то не можетъ.

— Ну, что жъ, бросай, я смотрѣть буду, высоко ли улетитъ.

Бросилъ чертенокъ палицу; высоко палица улетѣла и упала назадъ и завязла глубоко въ землѣ: одна лишь ручка видна.

— А высоко, братъ, ты бросилъ, а все-таки посмотримъ, кто выше броситъ!

— Ну, давай, дядя, тащи палицу!

— Самъ завязилъ, такъ самъ и тащи!

Вытащилъ чертенокъ палицу; работникъ держится за ручку палицы и пошевелить не можетъ.

— Что же ты думаешь? бросай, — говоритъ чертенокъ.

— Не торопись, — говоритъ мужикъ, — я вонъ подожду то облако, пусть нанесетъ его поближе; я швырну палицу на облако, она тамъ и останется.

— Нѣтъ, нѣтъ, не бросай палицы на облако, палица дѣдушкѣ нужна: онъ безъ палицы никуда не ходитъ, и мнѣ велѣлъ сейчасъ же принести.

— Ну, какъ хочешь, — говоритъ работникъ, — велишь — брошу, не велишь — твое дѣло.

Чертенокъ схватилъ палицу, и въ озеро.

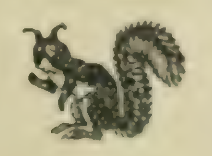
Работникъ опятъ вьетъ веревки; выбѣгаетъ изъ озера чертенокъ и говоритъ:

— Что хочешь бери, только отъ озера уйди и насъ не морщи.

— Да что съ васъ чертей возьмешь! Засыпь мнѣ яму, что палица вырыла, золотомъ, да и будетъ съ тебя.

Чертенокъ согласился и ушелъ въ озеро. Ночью стали черти носить въ яму золото. Выльютъ золото; опять принесутъ. Наконецъ, до верху насыпали.

Снесъ мужикъ сѣти барину и отказался отъ работы; купилъ четырехъ лошадей и на нихъ увезъ четыре воза золота и сталъ жить да поживать. А послѣ него еще и баринъ изъ ямы набралъ возъ золота и сталъ жить богачемъ.



Котъ Мурлышка.

Жили-были на одномъ дворѣ козелъ да баранъ; жили промежъ себя дружно: сѣна клокъ — и тотъ пополамъ, а коли вилы въ бокъ — такъ одному коту Мурлышкѣ. Онъ такой воръ и разбойникъ: каждый часъ на промыслѣ, и гдѣ плохо лежитъ — тутъ у него и брюхо болитъ.

Вотъ однажды лежатъ себѣ козелъ да баранъ и разговариваютъ промежъ себя; гдѣ ни взялся котишко Мурлышка, сѣрый лобишко, идетъ да таково жалобно плачетъ. Козелъ да баранъ и спрашиваютъ:

— Котъ-котокъ, сѣренькій лобокъ! о чемъ ты, ходя, плачешь, на трехъ ногахъ скачешь?

— Какъ мнѣ не плакать? Била меня старая баба, била-била, уши выдирала, ноги поломала да еще удавку припасала.

— А за какую вину такая тебѣ погибель?

— Эхъ, за то погибель была, что себя не опозналъ да сметанку слизалъ.

И опять заплакалъ котъ Мурлыка.

— Котъ-котокъ, сѣрый лобокъ! о чемъ же ты еще плачешь?

— Какъ же не плакать? Баба меня била да приговаривала: ко мнѣ придетъ зять, гдѣ будетъ сметаны взять? Поневолѣ придется колоть козла да барана.

Заревѣли козелъ и баранъ.

— Ахъ, ты, сѣрый котъ, безтолковый лобъ! за что ты насъ-то загубилъ? Вотъ мы тебя забодаемъ!

Тутъ Мурлыка вину свою приносилъ и прощенья просилъ. Они простили его и стали втроемъ думу думать: какъ быть и что дѣлать?

— А что, середній братъ баранко! — спросилъ Мурлыка, — крѣпокъ ли у тебя лобъ? Попробуй-ка о ворота!

Баранъ съ разбѣгу стукнулся о ворота лбомъ — покачнулись ворота, да не отворились. Поднялся старшій братъ козлище разбѣжался, ударился — и ворота отворились.

Пыль столбомъ подымается, трава къ землѣ приклоняется, бѣгутъ козелъ да баранъ, а за ними скачетъ на трехъ ногахъ котъ, сѣрый лобъ. Усталъ онъ и взмолился названнымъ братьямъ:

— Не то старшій братъ, не то середній братъ! не оставьте меньшого братишку на съѣденье звѣрямъ!

Взялъ козелъ, посадилъ его на себя, и понеслись

они опять по горамъ, по доламъ, по сыпучимъ пескамъ.

Долго бѣжали и день и ночь, пока въ ногахъ силы хватило. Вотъ пришло крутое крутище, станово становище; подъ тѣмъ крутищемъ скошенное поле, на томъ полѣ стога — что города стоятъ. Остановились козелъ, баранъ и котъ отдыхать, а ночь была осенняя, холодная.

— Гдѣ огня добыть? — думаютъ козелъ да баранъ.

А Мурлышка уже добылъ бересты, обернулъ козлу рога велѣлъ ему съ бараномъ стукнуться лбами. Стукнулись козелъ съ бараномъ, да таково крѣпко, что искры изъ глазъ посыпались — берестечко такъ и запылало.

— Ладно, — молвилъ сѣрый котъ, — теперь обогрѣемся!

Да за словомъ и затопилъ стогъ сѣна.

Не успѣли они путемъ обогрѣться, глядь — жалуетъ незванный гость, мужичекъ-сѣрячокъ, Михайло Ивановичъ.

— Пустите, — говоритъ, — обогрѣться да отдохнуть: что-то неможется.

— Добро пожаловать, мужичекъ-сѣрячокъ, муравейничекъ! Откуда, братъ, идешь?

— Ходилъ на пасѣку, да подрался съ мужиками, оттого и хворь прикинулась; иду къ лисѣ лѣчиться.

Стали вчетверомъ темну ночь дѣлить: медвѣдь подъ стогомъ, Мурлыка на стогу, а козелъ съ ба-

раномъ у огня. Идутъ семь волковъ сѣрыхъ, восьмой бѣлый — и прямо къ стогу.

— Фу, фу, — говоритъ бѣлый волкъ, — нерусскимъ духомъ пахнетъ. Какой-такой народъ здѣсь? Давайте силу пытать!

Заблеяли козелъ и баранъ со страху, а Мурлышка такую рѣчь повелъ:

— Ахти, бѣлый волкъ, надъ волками князь! Не серди нашего старшого: онъ, помилуй Богъ, сердитъ! — какъ расходится, никому не сдобровать. Аль не видите у него бороды? Въ ней-то и сила; бородой онъ звѣрей побиваетъ, а рогами только кожу снимаетъ. Лучше съ честью подойдите да попросите: хотимъ, дескать, поиграть съ твоимъ меньшимъ братишкой, что подъ стогомъ-то лежитъ.

Волки на томъ козлу кланялись, обступили Мишку и стали его задирать. Вотъ онъ крѣпился-крѣпился, да какъ хватитъ на каждую лапу по волку; запѣли они Лазаря, выбрались кое-какъ, да, поджавъ хвосты, подавай Богъ ноги!

А козелъ да баранъ тѣмъ времечкомъ подхватили Мурлыку и побѣжали въ лѣсъ и опять наткнулись на сѣрыхъ волковъ. Котъ вскарабкался на самую макушку ели, а козелъ съ бараномъ схватились передними ногами за еловый сукъ и повисли. Волки стоятъ подъ елью, зубы оскалили и воютъ, глядя на козла и барана. Видитъ котъ-сѣрый лобъ, что дѣло плохо, сталъ кидать въ волковъ еловыми шишками да приговаривать:

— Разъ волкъ, два волкъ, три волкъ! — всего-то по волку на брата. Я, Мурлышка, давеча двухъ волковъ съѣлъ и съ косточками, такъ еще сытехонекъ. А ты, большой братимъ, за медвѣдями ходилъ да не изловилъ — бери себѣ и мою долю!

Только сказалъ онъ эти рѣчи, какъ козелъ сорвался и упалъ прямо рогами на волка. А Мурлыка знай свое кричитъ:

— Держи его, лови его!

Тутъ на волковъ такой страхъ нашелъ, что со всѣхъ ногъ припустились бѣжать безъ оглядки. Такъ и ушли.

Лисичка-сестричка и волкъ.

Жили себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ говоритъ бабѣ:

— Ты, баба, пеки пироги, а я поѣду за рыбой.

Наловилъ рыбы и везетъ домой цѣлый возъ. Вотъ ѣдетъ онъ и видитъ: лисичка свернулась калачикомъ и лежитъ на дорогѣ. Дѣдъ слѣзъ съ воза, подошелъ къ лисичкѣ, а она не ворохнется, лежитъ себѣ, какъ мертвая.

— Вотъ будетъ подарокъ женѣ, — сказалъ дѣдъ, взялъ лисичку и положилъ на возъ, а самъ пошелъ впереди.

А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку изъ воза — все по рыбкѣ да по рыбкѣ. Повыбросала всю рыбу — и сама ушла.

— Ну, старуха, — говоритъ дѣдъ, — какой воротникъ привезъ я тебѣ на шубу!

— Гдѣ?

— Тамъ, на возу — и рыба и воротникъ.

Подошла баба къ возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа:

— Ахъ, ты старый хрѣнъ! Такой-сякой! Ты еще вздумалъ обманывать!

Тутъ дѣдъ смекнулъ, что лисичка-то была не мертвая. Погоревалъ-погоревалъ, да дѣлать-то нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную по дорогѣ рыбу въ кучку, сѣла и ѣстъ себѣ. Навстрѣчу ей идетъ волкъ:

— Здравствуй, кумушка!

— Здравствуй, куманекъ!

— Дай мнѣ рыбки!

— Налови самъ да и ѣшь!

— Я не умѣю.

— Эка, вѣдь я же наловила! Ты, куманекъ, ступай на рѣку, опусти хвостъ въ прорубь — рыба сама на хвостъ нацѣпится. Да смотри, сиди подольше, а то не наловишь.

Волкъ пошелъ на-рѣку, опустилъ хвостъ въ прорубь: дѣло то было зимою. Ужъ онъ сидѣлъ, сидѣлъ, цѣлую ночь просидѣлъ — хвостъ его и приморозило. Попробовалъ было приподняться — не тутъ-то было.

— Эка, сколько рыбы привалило — и не вытащить! — думаетъ онъ.

Смотритъ, а бабы идутъ за водой и кричатъ, завидя сѣраго:

— Волкъ, волкъ! бейте его! бейте его!

Прибѣжали и начали колотить волка — кто коромысломъ, кто ведромъ, кто чѣмъ ни попало. Волкъ прыгалъ, прыгалъ, оторвалъ себѣ хвостъ и пустился безъ оглядки бѣжать.

— Хорошо же — думаетъ, — ужъ я тебѣ отплачу, кумушка!

А лисичка-сестричка, покушавши рыбки, захотѣла попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть: забралась въ одну избу, гдѣ бабы пекли блины, да попала головой въ кадку съ тѣстомъ, вымазалась и бѣжитъ. А волкъ ей навстрѣчу:

— Такъ-то ты учишь! Меня всего исколотили.

— Эхъ, куманекъ, — говоритъ лисичка-сестричка, — у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозгъ — меня больнѣй твоего прибили: я насилу плетусь.

— И то правда, — говоритъ волкъ, — гдѣ тебѣ, кумушка, ужъ итти, садись на меня, я тебя довезу.

Лисичка сѣла ему на спину, онъ ее и понесъ. Вотъ лисичка-сестричка сидитъ да потихоньку и говоритъ:

— Битый небитаго везетъ, битый небитаго везетъ!

— Что ты, кумушка, говоришь?

— Я, куманекъ, говорю: битый битаго везетъ.

— Такъ, кумушка, такъ!

— Давай, куманекъ, построимъ избушки.

— Давай, кумушка!

— Я себѣ построю лубяную, а ты себѣ ледяную.

Принялись за работу, сдѣлали избушки: ли-

сичкѣ — лубяную, волку — ледяную, и живутъ въ нихъ. Пришла весна, волчья избушка растаяла.

— А, кумушка, — говоритъ волкъ, — ты меня опять обманула; надо тебя за это съѣсть.

— Пойдемъ, куманекъ, еще погадаемъ, кому-то кого достанется ѣсть.

Вотъ лисичка-сестричка привела его въ лѣсъ къ глубокой ямѣ и говоритъ:

— Прыгай! Если ты перепрыгнешь черезъ яму — тебѣ меня ѣсть, а не перепрыгнешь—мнѣ тебя ѣсть.

Волкъ прыгнулъ и попалъ въ яму.

— Ну, — говоритъ лисичка, — сиди же тутъ!

И сама ушла.

Идетъ она, несетъ скалочку въ лапкахъ и просится къ мужичку въ избу.

— Пусти лисичку-сестричку переночевать.

— У насъ и безъ тебя тѣсно.

— Я не потѣсню васъ: сама лягу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, скалочку подъ печку.

Пустили. Она легла — сама на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, скалочку подъ печку.

Рано поутру лисичка встала, сожгла свою скалочку, а послѣ спрашиваетъ:

— Гдѣ же моя скалочка? я за нее и гусочку не возьму!

Мужикъ — дѣлать нечего — отдалъ ей за скалочку гусочку. Взяла лисичка гусочку, идетъ и поетъ:

Шла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
Несла скалочку;
За скалочку — гусочку!

Стукъ, стукъ, стукъ! — стучится она къ другому мужику.

— Кто тамъ?

— Я лисичка-сестричка, пустите переночевать.

— У насъ и безъ тебя тѣсно.

— Я не потѣсню васъ: сама лягу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, гусочку подъ печку.

Ее пустили. Она легла сама на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, гусочку подъ печку.

Рано утромъ она вскочила, схватила гусочку, ощипала ее, съѣла и говоритъ:

— Гдѣ же моя гусочка? Я за нее индюшечку не возьму!

Мужикъ — дѣлать нечего — отдалъ ей за гусочку индюшечку. Взяла лисичка индюшечку, идетъ и поетъ:

Шла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
Несла скалочку;
За скалочку — гусочку!
За гусочку — индюшечку!

Стукъ, стукъ, стукъ! — стучитъ она въ избу къ третьему мужику.

— Кто тамъ?

— Я лисичка-сестричка, пустите переночевать.

— У насъ и безъ тебя тѣсно.

— Я не потѣсню васъ: сама лягу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, индюшечку подъ печку.

Пустили.

Рано утромъ лисичка вскочила, схватила индюшечку, ощипала ее, съѣла и говоритъ:

— Гдѣ же моя индюшечка? Я за нее не возьму и невѣсточку!

Мужикъ — дѣлать нечего — отдалъ ей за индюшечку невѣсточку. Лисица посадила ее въ мѣшокъ и поетъ:

Шла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
Несла скалочку;
За скалочку — гусочку!
За гусочку — индюшечку!
За индюшечку — невѣсточку!

Стукъ, стукъ, стукъ! — стучится она въ избу къ четвертому мужику.

— Кто тамъ?

— Я лисичка-сестричка, пустите переночевать.

— У насъ и безъ тебя тѣсно.

— Я не потѣсню васъ: сама лягу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, а мѣшокъ подъ печку.

Ее пустили. Она легла на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, а мѣшокъ подъ печку. Мужикъ потихоньку выпустилъ изъ мѣшка невѣсточку, а впихнулъ туда собаку.

Вотъ поутру лисичка-сестричка собралась въ дорогу, взяла мѣшокъ, идетъ и говоритъ:

— Невѣсточка, пой пѣсни!

А собака какъ зарычитъ! Лисичка испугалась, какъ шваркнетъ мѣшокъ съ собакою — едва убѣжала.

Мужикъ, медвѣдь и лиса.

У мужика съ медвѣдемъ была большая дружба. Вотъ и вздумали они рѣпу сѣять; посѣяли и начали уговариваться, кому что брать. Мужикъ сказалъ:

— Мнѣ корешокъ, тебѣ, Миша, вершокъ.

Выросла у нихъ рѣпа; мужикъ взялъ себѣ корешки, а Миша — вершки. Видитъ Миша, что ошибся, и говоритъ мужику:

— Ты, братъ, меня надулъ! Когда будемъ еще что-нибудь сѣять, ужъ меня такъ не проведешь!

Прошелъ годъ. Мужикъ и говоритъ медвѣдю:

— Давай, Миша, сѣять пшеницу.

— Давай! — говоритъ Миша.

Вотъ и посѣяли они пшеницу. Созрѣла пшеница; мужикъ и говоритъ:

— Теперь ты что возьмешь, Миша? корешокъ или вершокъ?

— Нѣтъ, братъ, теперь меня не надуешь! Подавай мнѣ корешокъ, а себѣ бери вершокъ.

Вотъ собрали они пшеницу и раздѣлили. Мужикъ намолотилъ пшеницы, напекъ себѣ ситниковъ, пришелъ къ Мишѣ и говоритъ ему:

— Вотъ, Миша, какая верхушка-то!

— Ну, мужикъ, — говоритъ медвѣдь, — я теперь на тебя сердитъ, съѣмъ тебя!

Мужикъ отошелъ и заплакалъ. Вотъ идетъ лиса и говоритъ мужику:

— Что ты плачешь?

— Какъ мнѣ не плакать, какъ не тужить? Меня медвѣдь хочетъ съѣсть.

— Не бойся, дядя, не съѣстъ!

И пошла сама въ кусты, а мужику велѣла стоять на томъ же мѣстѣ; вышла оттуда и спрашиваетъ:

— Мужикъ, нѣтъ ли здѣсь волковъ-бирюковъ, медвѣдевъ?

А медвѣдь подошелъ къ мужику и говоритъ:

— Ой, мужикъ, не сказывай, не буду тебя ѣсть.

Мужикъ говоритъ лисѣ:

— Нѣту!

Лиса засмѣялась и сказала:

— А у телѣги-то что лежитъ?

Медвѣдь потихоньку говоритъ мужику:

— Скажи, что колода.

— Кабы была колода, — отвѣчаетъ лиса, — она бы на телѣгѣ была увязана!

А сама убѣжала опять въ кусты. Медвѣдь сказалъ мужику:

— Свяжи меня и положи въ телѣгу.

Мужикъ такъ и сдѣлалъ. Вотъ лиса опять воротилась и спрашиваетъ мужика:

— Мужикъ, нѣтъ ли у тебя тутъ кого?

— Нѣту!

— А на телѣгѣ-то что лежитъ?

— Колода.

— Кабы была колода, въ ней былъ топоръ.

Медвѣдь и говоритъ мужику потихоньку:

— Воткни въ меня топоръ.

Мужикъ воткнулъ ему топоръ въ спину, у медвѣдя и духъ вонъ. Лиса и говоритъ мужику:

— Что теперь, мужикъ, ты мнѣ за работу дашь?

— Дамъ тебѣ пару бѣлыхъ куръ, а ты не гляди.

Взяла мѣшокъ у мужика и пошла; несла, несла и думаетъ:

— Дай, погляжу.

Глянула, а тамъ двѣ бѣлыя собаки. Лиса отъ нихъ наутекъ, да подъ пенекъ въ нору и ушла и, сидя тамъ, говоритъ съ собой:

— Что вы, ушки дѣлали?

— Мы все слушали.

— А вы, ножки, что дѣлали?

— Мы все бѣжали.

— А вы, глазки?

— Мы все глядѣли.

— А ты, хвостъ?

— Я все мѣшалъ тебѣ бѣжать.

— А, ты все мѣшалъ! постой же, я тебя проучу!

И высунула хвостъ собакамъ. Собаки за него ухватились, вытащили лису и разорвали.

Лутонюшка.

Жилъ-былъ старикъ со старухой, былъ у нихъ сынокъ Лутоня. Вотъ однажды старикъ съ Лутоней занялись чѣмъ-то на дворѣ, а старуха была въ избѣ. Стала она брать сверху полѣнья, уронила полѣно на лавку и тутъ превеликимъ голосомъ закричала и завопила. Вотъ старикъ услыхалъ крикъ, прибѣжалъ поспѣшно въ избу и спрашиваетъ старуху, о чемъ она кричитъ. Старуха сквозь слезы стала говорить ему:

— Да вотъ, если бы мы женили своего Лутонюшку, да если бы у него былъ сыночекъ, да если бы онъ тутъ сидѣлъ на лавкѣ — я бы его вѣдь ушибла полѣномъ-то!

Ну, и старикъ началъ вмѣстѣ съ нею кричать о томъ:

— И то вѣдь, старуха, — ты ушибла бы его!

Кричатъ оба, что ни есть мочи! Вотъ бѣжитъ со двора Лутоня и спрашиваетъ:

— О чемъ вы кричите?

Они сказали о чемъ:

— Если бы мы тебя женили, да былъ бы у тебя сынокъ, и если бы онъ сидѣлъ вотъ тутъ, старуха убила бы его полѣномъ — оно упало прямо сюда да такого рѣзко!

— Ну, — сказалъ Лутоня, — исполать вамъ!

Взялъ свою шапку въ охапку и говоритъ:

— Прощайте! если я найду кого простѣе васъ, то приду къ вамъ опять, а не найду — и не ждите меня!

И ушелъ.

Шелъ-шелъ и видитъ: мужики на избу корову тащатъ.

— Зачѣмъ вы тащите корову? — спросилъ Лутоня.

Они сказали ему:

— Да вотъ, видишь, сколько тамъ травы-то выросло!

— Ахъ, умныя головы! — сказалъ Лутоня, взялъ залѣзъ на избу, сорвалъ траву и бросилъ коровѣ.

Мужики ужасно тому удивились и стали просить Лутоню, чтобы онъ у нихъ пожилъ, да поучилъ ихъ.

— Нѣтъ, — сказалъ Лутоня: — у меня такихъ умниковъ еще много на бѣломъ свѣтѣ!

И пошелъ дальше.

Вотъ въ одномъ селѣ увидалъ онъ толпу мужиковъ у избы: привязали они въ воротахъ хомутъ и палками вгоняютъ въ этотъ хомутъ лошадь; умаяли ее до полусмерти.

— Что вы дѣлаете? — спросилъ Лутоня.

— Да вотъ, батюшка, хотимъ запречь лошадку.

— Ахъ вы, умныя головы! пустите-ка, я вамъ сдѣлаю.

Взялъ и надѣлъ хомутъ на лошадь. И эти мужики диву дались на него, стали оставлять его и усердно просить, чтобъ остался онъ у нихъ хоть на недѣльку. Нѣтъ, Лутоня пошелъ дальше.

Пошелъ онъ по бѣлу свѣту шататься. Въ одну деревню зашелъ — тамъ плотники избу строятъ; окоротили одно бревно, привязали къ обоимъ концамъ по веревкѣ, схватились и давай тянуть въ разныя стороны.

— Что вы дѣлаете?

— Да вотъ бревно окоротили, такъ растянуть хотимъ.

Разсмѣялся Лутоня, показалъ имъ, какъ наставку придѣлать, и пошелъ дальше.

Смотритъ — на полѣ люди хлѣбъ убираютъ; только не серпами жнутъ, а всякій колосъ зубами отгрызаютъ. Подивился онъ этому чуду, и жаль стало ему, что народъ терпитъ такую муку. Сходилъ въ кузницу, сковалъ себѣ серпъ и воротился назадъ; тѣмъ временемъ народъ обѣдать ушелъ.

— Пусть же знаютъ, какъ хлѣбъ убирать! — подумалъ Лутоня, нажалъ снопъ, связалъ и воткнулъ въ него серпъ; а самъ стоитъ — дожидается, что будетъ.

Вотъ люди пообѣдали, пришли на поле, увидали серпъ въ снопу и закричали въ одинъ голосъ:

— Охъ, батюшки! какой червякъ проявился! что хлѣба-то попортилъ!

Не знаютъ, что и дѣлать, какъ къ тому червяку приступить. Принесли веревку, накинули на серпъ мертвую петлю и потащили къ рѣкѣ.

— Какъ же намъ его въ воду спихнуть?

Недолго думали, сейчасъ догадались: привязали мужика къ бревну, дали ему веревку и спустили на воду.

— Переѣзжай, — говорятъ, — на ту сторону и потопи червяка.

На бѣду бревно съ мужикомъ перевернулось — очутился онъ головой внизъ, ногами вверхъ.

— Эхъ, братъ! — кричатъ ему съ берега, — что жъ ты онучи-то бережешь? Коли и намочишь — дома на печкѣ высушишь!

А мужикъ совсѣмъ потонулъ.

— Ну, этихъ простаковъ не выучишь! Они еще простѣе моей матушки. Надо домой итти! — сказалъ Лутоня и пошелъ своей дорогой.

Шелъ-шелъ, усталъ и зашелъ на постоялый дворъ. Тутъ увидалъ онъ: хозяйка-старушка сварила саламату, поставила на столъ своимъ ребятамъ, а сама то и дѣло ходитъ съ ложкою въ погребъ за сметаною.

— Зачѣмъ ты, старушка, понапрасно лапти топчешь? — сказалъ Лутоня.

— Какъ зачѣмъ! — отвѣчала старуха: — ты видишь, батюшка, саламата-то на столѣ, а сметана въ погребѣ.

— Да ты бы, старушка, взяла и принесла сюда сметану-то; у тебя дѣло пошло бы по маслечку!

— И то, родимый!

Принесла въ избу сметану и накормила Лутоню.

— Ну, эта, кажись, еще простѣй моей матушки! надо домой ворочаться.

Пошелъ назадъ и набрелъ на дорогѣ на артель работниковъ; сидятъ вмѣстѣ да обѣдаютъ.

— Хлѣбъ да соль!

— Садись съ нами!

Послѣ обѣда стали они считать, всѣ ли на лицо. Сколько ни считали — все одного не досчитываются.

— Пожалуйста, добрый молодецъ, пересчитай насъ. Отпустилъ насъ хозяинъ всего-навсего десять человѣкъ, а теперь, сколько ни считаемъ — все одного не хватаетъ!

— Да вы этакъ никогда не досчитаетесь! Каждый изъ васъ, какъ станетъ считать, себя-то въ счетъ и не кладетъ. Полно хлопотать попусту, вы всѣ на лицо!

— Спасибо, добрый человѣкъ!

Простился съ ними Лутонюшка и опять въ дорогу. Пришелъ домой и говоритъ:

— Здорово, матушка! воротился съ тобой жить. Сколько ни ходилъ по бѣлу свѣту, а умнѣе тебя не нашелъ!

Иванушко-дурачокъ.

Жилъ-былъ старикъ со старухою. У нихъ было три сына: двое умные, а третій — Иванушко-дурачокъ. Умные-то овецъ въ полѣ пасли, а дуракъ ничего не дѣлалъ, все на печкѣ сидѣлъ да мухъ ловилъ.

Въ одно время наварила старуха ржаныхъ лепешекъ и говоритъ дураку:

— На-ка, снеси эти лепешки братьямъ — пусть поѣдятъ!

Положила лепешекъ въ горшокъ и дала ему въ руки. Побрелъ онъ къ братьямъ. День былъ солнечный; только вышелъ Иванушко за околицу, увидалъ свою тѣнь съ боку и думаетъ:

— Что это за человѣкъ? Со мною рядомъ идетъ, ни на шагъ не отстаетъ; вѣрно, лепешекъ захотѣлъ!

И началъ онъ бросать въ свою тѣнь лепешки; такъ всѣ до единой и повыкидывалъ. Смотритъ, а тѣнь все сбоку идетъ.

— Эка ненасытная утроба! — сказалъ дурачокъ съ сердцемъ и пустилъ въ нее горшкомъ — разлетѣлись черепки въ разныя стороны.

Вотъ приходитъ Иванушко съ пустыми руками къ братьямъ. Тѣ его спрашиваютъ:

— Ты, дуракъ, зачѣмъ?

— Вамъ обѣдъ принесъ.

— Гдѣ же обѣдъ? Давай скорѣй!

— Да вишь, братцы, привязался ко мнѣ дорогою незнамо-какой человѣкъ да все и поѣлъ!

— Какой-такой человѣкъ?

— Вотъ онъ! и теперь рядомъ стоитъ!

Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овецъ пасти, а сами ушли на деревню обѣдать.

Принялся дурачокъ пасти. Видитъ, что овцы разбрелись по полю, давай ихъ ловить да глаза глиной замазывать. Всѣхъ переловилъ, всѣмъ глаза вымазалъ, собралъ стадо въ одну кучу и сидитъ себѣ радехонекъ, словно дѣло сдѣлалъ.

Братья пообѣдали, воротились въ поле.

— Что ты, дуракъ, натворилъ? Отчего стадо слѣпое?

— Да на что имъ глаза-то? Какъ ушли вы, братцы, овцы-то врозь разсыпались; я и придумалъ: сталъ ихъ ловить, въ кучу сбирать, да глаза замазывать; вó какъ умаялся!

— Постой, еще не такъ умаешься! — говорятъ братья, и давай угощать его кулаками.

Порядкомъ-таки досталось дураку на орѣхи!

Ни много ни мало прошло времени. Послали старики Иванушко-дурачка въ городъ къ празднику по хозяйству закупать. Всего закупилъ Иванушко: и столъ купилъ, и ложекъ, и чашекъ, и соли; цѣлый возъ навалилъ всякой всячины. Ѣдетъ домой, а лошаденка была такая, знать, неудалая, везетъ — не везетъ!

— А что, — думаетъ себѣ Иванушко, — вѣдь у лошади четыре ноги, и у стола тожъ четыре, такъ столъ-то и самъ добѣжитъ!

Взялъ столъ и выставилъ на дорогу.

Ѣдетъ — ѣдетъ, близко ли, далеко ли, а вороны такъ и вьются надъ нимъ да каркаютъ.

— Знать, сестрицамъ поѣсть — покушать охота, что такъ раскричались! — подумалъ дурачокъ, выставилъ блюда съ ѣдой на землю и началъ подчевать: — Сестрицы-голубушки, кушайте на здоровье!

А самъ все впередъ да впередъ подвигается. Ѣдетъ Иванушко перелѣскомъ; по дорогѣ все пни обгорѣлые.

— Эхъ, — думаетъ, — ребята-то безъ шапокъ; вѣдь озябнутъ, сердечные!

Взялъ — понадѣвалъ на нихъ горшки да корчаги.

Вотъ доѣхалъ Иванушко до рѣки. Давай лошадь поить, а она не пьетъ.

— Знать, безъ соли не хочетъ!

И ну солить воду. Высыпалъ полонъ мѣшокъ соли. Лошадь все не пьетъ.

— Что-жъ ты не пьешь, волчье мясо! Развѣ задаромъ я мѣшокъ соли высыпалъ?

Хватилъ полѣномъ по лошади, она и убѣжала. Остался у Иванушки одинъ кошель съ ложками, да и тотъ на себѣ понесъ. Идетъ; ложки назади такъ и брякаютъ: брякъ, брякъ, брякъ! А онъ думаетъ, что ложки-то говорятъ:

— Иванушко дуракъ!

Бросилъ ихъ и ну топтать да приговаривать:

— Вотъ вамъ Иванушко дуракъ! Вотъ вамъ Иванушко дуракъ! Еще вздумали дразнить, негодныя!

Воротился домой и говоритъ братьямъ:

— Все купилъ, братики!

— Спасибо, дуракъ. Да гдѣ-жъ у тебя закупки-то?

— А вотъ столъ бѣжитъ, да знать отсталъ, изъ блюдъ сестрицы кушаютъ, горшки да корчаги ребятамъ въ лѣсу на головы понадѣвалъ, солью пойло лошади посолилъ, а ложки дразнятся, такъ я ихъ на дорогѣ покинулъ.

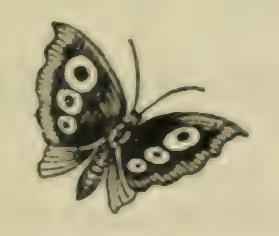
Ахнули братья, да дѣлать нечего. Отколотили дурака и сами поѣхали въ городъ за покупками. Дуракъ остался дома за хозяина.

Слушаетъ дуракъ, а пиво въ кадкѣ и шипитъ, такъ и бродитъ.

— Пиво, не броди, дурака не дразни! — говоритъ Иванушко.

Нѣтъ, пиво не слушается; открылъ кранъ, да и выпустилъ все пиво изъ кадки, самъ сѣлъ въ корыто, по пиву плаваетъ, да пѣсенки распѣваетъ.

Пріѣхали братья, крѣпко осерчали, да что имъ съ дурака взять? Сами на себя попеняли, тѣмъ дѣло и кончилось.



Не любо — не слушай.

Бывали-живали старикъ да старушка. У старика, у старушки былъ сынъ Иванъ. Жили они ни много, ни мало; старикъ померъ, а сынъ выросъ. Старуха напряла два мотка. Въ то самое времячко занадобилось Ивану ѣхать на ярмарку; сталъ проситься у матери:

— Я поѣду, мати, на ярмарку; стану торговать; наторгую много денегъ и буду богатъ!

Взялъ онъ у старухи мотки прядены, пріѣхалъ на ярмарку и началъ торговать: продалъ на десять рублей. Накупилъ себѣ пряниковъ да меду, сѣлъ на возъ и поѣхалъ домой.

Ѣдетъ не ѣдетъ, все пряники въ медъ макаетъ да въ ротъ пихаетъ. Попался ему на дорогѣ баринъ — скачетъ на лихой четверкѣ. Увидалъ баринъ Ивана, остановился и говоритъ ему:

— Что ты, мужичокъ, больно роскошно кушаешь? Кажись бы, пряники можно и такъ ѣсть, а ты ихъ еще въ медъ макаешь!

— Какъ же мнѣ роскошно не ѣсть? — отвѣчаетъ Иванъ барину, — ѣздилъ я въ торгъ торговать, выторговалъ десять рублей да съ тебя думаю двѣсти взять!

— А ну, ухитрись!

— Давай-ка, баринъ, уговоръ положимъ: коли ты мнѣ молвишь: «врешь!» — съ тебя двѣсти рублей, а коли удержишься — дѣлай со мной, что самъ знаешь.

— Ладно! — говоритъ баринъ.

Вотъ ударили они по рукамъ, и началъ Иванъ сказку сказывать:

— Былъ я у отца съ матерью малешенекъ: пошелъ я какъ-то въ лѣсъ, увидалъ въ лѣсу дерево, а въ деревѣ дупло, а въ дуплѣ-то жареные перепелята гнѣздо свили. Сунулъ я въ дупло руку — не лѣзетъ, сунулъ ногу — не лѣзетъ; я сунулся, да прыгъ! — вскочилъ туда весь. Наѣлся-накушался, захотѣлъ вылѣзть — не тутъ-то было! больно толстъ отъ ѣды сдѣлался, а дыра мала. Я, добрый молодецъ, догадался: сбѣгалъ домой за топоромъ, прорубилъ дыру и вылѣзъ. Вздумалось тогда мнѣ напиться; пришелъ я къ морю, снялъ черепъ, зачерпнулъ воды и напился. Все бы ладно, да уронилъ черепъ въ воду. Глядь — а онъ среди моря плаваетъ, утки-гуси въ немъ гнѣзда понадѣлали да яицъ нанесли. Что дѣлать? разъ топоромъ кинулъ — не докинулъ, въ другой кинулъ — перекинулъ, а въ третій совсѣмъ не попалъ. Вотъ такъ-то я всѣхъ гусей-утокъ побилъ, а яйца сами

улетѣли. Послѣ того зашелъ я на конецъ моря да и зажегъ его; какъ все море выгорѣло — я досталъ свой черепъ и пошелъ по бѣлу свѣту разгуливать.

— Сказывай, сказывай, мужичокъ! — говоритъ баринъ, — все это правда истинная!

— Поѣхалъ я въ лѣсъ за дровами. Пока тамъ-сямъ бродилъ да дрова рубилъ, сѣрые волки набѣжали, у моей лошаденки брюхо прорвали. Только я догадливъ былъ: вырубилъ березовый прутъ, да бѣгомъ къ лошади; кишки всѣ собралъ, въ брюхо поклалъ и зашилъ березовымъ прутомъ. Наложилъ цѣлый возъ дровъ и сталъ въ путь собираться; трогаю лошадь, а она ни съ мѣста! Что за диво? Смотрю, а березовый-то прутъ выросъ высоко-высоко, такъ за облака и задѣваетъ верхушкой. Вотъ я и полѣзъ на небо; все тамъ выглядѣлъ, все тамъ высмотрѣлъ. Пора и назадъ спускаться. На мою бѣду лошаденка съ мѣста дернула и свалила вербу. Какъ быть, чѣмъ горю пособить? Набралъ я пыли-копоти, свилъ канатъ, привязалъ его за облако и давай спускаться внизъ. Спускался-спускался, пока канату не достало. Что же я вздумалъ? сверху-то отрѣжу да на низъ и наставлю, отрѣжу да наставлю, а самъ все внизъ спускаюсь. До того дошло, что рѣзать-то нечего, а до земли и еще далеко! Вотъ поднялся сильный вѣтеръ; ужъ меня качало-качало, во всѣ стороны бросало! Канатъ оборвался, и упалъ я въ самую

преисподнюю. Насилу я оттуда выбрался! Да, былъ я, баринъ, въ аду; видѣлъ, какъ на твоемъ отцѣ дураковъ по домамъ развозятъ...

— Что ты, дуракъ, врешь!

А Ивану только того и надобно: взялъ съ барина по уговору двѣсти рублей и поѣхалъ домой.

Мать ему обрадовалась; тотчасъ назвала гостей, сродниковъ, и подняли они пиръ великій.

На томъ пиру и я былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, во рту сухо было. Дали мнѣ колпакъ, стали въ шею толкать; дали мнѣ шлыкъ, а я подъ ворота шмыгъ!

Сказкѣ конецъ, а мнѣ меду корецъ!

Морока – мастеръ морочить.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ-былъ царь Агей. У этого царя были корабли, ѣздили воевать въ другія страны, и напалъ на нихъ нечаянно-негаданно сильный непріятель. На одномъ кораблѣ былъ на ту пору Иванъ-бурлакъ; видитъ бѣду неминучую, ухватился за мачту и повелъ корабль подъ воду, отплылъ отъ непріятеля съ версту и вынырнулъ наверхъ. Доложили про то дѣло царю, и царь отпустилъ его на волю.

Ходитъ бурлакъ по всему царству; только про Иванушку слава хороша, а въ карманѣ нѣтъ ни гроша! Да ужъ что говорить про деньги, коли не было у него ни кола ни двора! Принужденъ былъ искать себѣ квартиру, гдѣ бы отъ темной ночи укрыться, отъ дождя схорониться. Нашелъ онъ квартиру у отставного солдата и началъ съ нимъ уговариваться:

— Я, — говоритъ, — буду у тебя только по но-

чамъ ночевать, а днемъ стану промышлять да хлѣбъ добывать: а ты себѣ знай, денежки получай — за каждую ночь по цѣлковому.

Солдатъ — не богатъ, куда деньгамъ радъ! и вспало ему на разумъ купить себѣ ларчикъ, закрыть его на-глухо, а сверху прорѣзать малую дырочку и класть туда рублевики на сохрану. Такъ и сдѣлалъ. За всякую ночь даетъ ему бурлакъ по цѣлковому, а онъ все въ ларчикъ да въ ларчикъ.

— Кажись, много накопилъ! — думаетъ онъ однажды: — время-то прошло не малое, дай посмотрю, много ли у меня рублевиковъ? А вѣдь мой бурлакъ, стало быть, совсѣмъ дуракъ — не ѣстъ, не пьетъ, а каждую ночь по цѣлковому несетъ! Гдѣ только онъ деньги беретъ?

Открываетъ солдатъ ларчикъ, а въ немъ и не пахнетъ деньгами: однѣ щепки лежатъ.

И вышелъ у хозяина съ постояльцемъ большой тогда споръ: одинъ божится, что чистымъ серебромъ давалъ, а другой говоритъ:

— Ну, братъ, не зналъ я, что ты такой гусь! Я бы тебя и на квартиру не пускалъ, а то вишь все время даромъ простоялъ; чего съ тебя взять? Какъ добрымъ людямъ сказать?

Отправился солдатъ въ судъ и сталъ просить, чтобъ его съ бурлакомъ разсудить. Судьи думали-думали, ничего не выдумали; приказали обоимъ руки связать да къ царю отослать.

Царь Агей сталъ спрашивать у солдата: какія деньги онъ бралъ и куда клалъ?

— Я бралъ ходячею серебряною монетою и клалъ въ сундучекъ, чтобъ не терся бочекъ.

Царь Агей захохоталъ, на-скоро за сундучкомъ послалъ. Принесли ларчикъ, отперли, поглядѣли, а въ немъ лежатъ все цѣлковики да такіе новые — словно съ молотка сейчасъ.

Царь Агей на солдата напустился, закричалъ:

— Ты зачѣмъ бурлака оболгалъ?

И приказалъ его взять да плетьми наказать. Ивану-бурлаку стало жаль солдата, проситъ онъ у царя, чтобъ его не билъ.

— Это, — говоритъ, — я надъ нимъ шутку сшутилъ.

Царь спрашиваетъ:

— Неужели ты можешь такъ шутить?

— Могу, ваше царское величество!

— А ну, пошути надо мной.

— Я бы радъ, да боюсь — достанется!

— Ничего, не достанется. Шути!

И вотъ нашелъ на покои густой — густой туманъ. Тогда напустилъ бурлакъ полонъ дворецъ воды. Сенаторы всполошились, тонуть-то никому не хочется, чуть не плачутъ со страху! А къ царскому мѣсту подплываетъ лодка.

— Царь Агей! — говоритъ Иванъ-бурлакъ: — сядемъ въ лодку да поѣдемъ гулять.

Сѣли и поѣхали. Понесло ихъ вѣтромъ въ открытое море, а на морѣ поднялась такая сильная буря, что долго они живота въ себѣ не чаяли; потомъ буря помаленьку стихла, и прибило лодку

къ одному острову. Вышелъ царь на землю, ступилъ шага два-три, оглянулся назадъ — нѣтъ ни лодки, ни Ивана-бурлака. Задумался царь Агей:

— Куда мнѣ теперь итти?

И пошелъ вдоль берега. Шелъ, шелъ и попалъ въ большой городъ. Видитъ онъ: несетъ баба жареную баранину продавать.

— Голубушка! — говоритъ царь, — найми меня; я стану тебѣ служить, стану за тобой баранину носить.

— Что возьмешь?

— Ничего, только хлѣбомъ корми.

Баба согласилась, и пошли они вдвоемъ по городу. Царь несъ, несъ баранину, захотѣлось ему попробовать, взялъ кусокъ и давай ѣсть. Тутъ со всѣхъ сторонъ обступили его прохожіе, начали приставать да спрашивать:

— Что ты ѣшь?

— Жареную баранину.

— Какая баранина! Это человѣчья рука. Вишь, какой людоѣдъ проявился!

Схватили его, связали по рукамъ и по ногамъ и посадили въ острогъ. Стали судить и присудили предать его смертной казни. Привели на помостъ, положили голову на плаху, палачъ взялъ въ руки топоръ, замахнулся.

— Ай! — закричалъ царь Агей и проснулся.

Сенаторы повскакали со стульевъ:

— Что такъ громко изволили закричать?

— Еще бы не кричать: чуть-чуть палачъ головы не отсѣкъ!

— Что вы это, ваше величество! Какой палачъ? Вы сидите во дворцѣ, на своемъ на царскомъ мѣстѣ и насъ всѣхъ собрали судить Ивана-бурлака.

— А, ты здѣсь еще, негодный! — грозно сказалъ царь Агей, — жаль мнѣ, что самъ обѣщалъ, а то велѣлъ бы тебя показнить! Вонъ изъ моего царства, чтобъ твоего и духу не было слышно.

Тотчасъ же отданъ былъ приказъ по всему царству, чтобъ никто не смѣлъ принимать въ свой домъ Ивана-бурлака. Долго бродилъ онъ безъ пристанища; во всѣ дворы заходилъ — нигдѣ не пускаютъ.

Вотъ однажды приходитъ бурлакъ въ деревню и просится къ мужику.

— Царь не велѣлъ! — говоритъ мужикъ.

— Пусти, добрый человѣкъ!

— Сказано: нельзя! Коли пущу, то развѣ за сказку — я до нихъ большой охотникъ.

— Пожалуй, хоть за сказку.

Мужикъ пустилъ его, накормилъ, напоилъ, и полѣзли оба на полати.

— Ну, сказывай сказку! — пристаетъ къ Ивану-бурлаку, а тотъ дунулъ на него и говоритъ:

— Ладно. Посмотри на себя — какъ ты сталъ?

Мужикъ посмотрѣлъ на себя — какъ есть медвѣдь!

— Посмотри и на меня — вѣдь и я такой-же.

— Какъ же намъ быть? Вѣдь насъ, пожалуй убьютъ?

— Небось!

На полатяхъ-то было окно; вотъ Иванъ-бурлакъ толкнулъ хозяина за окно и самъ за нимъ — побѣжали въ лѣсъ. Увидали ихъ охотники и погнались вслѣдъ.

— Что теперь дѣлать? — спрашиваетъ мужикъ.

— Садись въ дубовое дупло, а я возлѣ сяду; коли охотники прискачутъ, меня убьютъ да сдерутъ мою шкуру — ты выскочи изъ дупла, перекувырнись черезъ шкуру — и будешь опять человѣкомъ.

Только успѣлъ разсказать, наскочили охотники, убили медвѣдя, сняли съ него шкуру и пошли къ рѣчкѣ руки мыть. Мужикъ увидалъ, что они ушли, выскочилъ изъ дупла, перевернулся разъ — и полетѣлъ съ полатей на полъ, больно ушибся и говорить самъ съ собой:

— Ахъ, ты Морока, ты этакій, правильно повелѣлъ царь Агей, чтобъ тебя никуда не пускали.

А Иванъ-бурлакъ кричитъ съ полатей:

— Что, хозяинъ, видно крѣпко уснулъ?

— Гдѣ ты, окаянный? Вѣдь тебя же убили и шкуру сняли?

— Это во снѣ, а наяву я живъ, и шкура цѣла!

Тутъ хозяинъ выгналъ его изъ дому.

Иванъ-бурлакъ шатался, шатался и ушелъ въ иное царство.

Сказка объ Ершѣ Ершовичѣ сынѣ Щетинниковѣ.

Ершишко-кропачишко, ершишко-пагубнишко, склался на дровнишки со своимъ маленькимъ ребятишкомъ; пошелъ онъ въ Камъ-рѣку, изъ Камъ-рѣки въ Тросъ-рѣку, изъ Тросъ-рѣки въ Кубенское озеро, изъ Кубенскаго озера въ Ростовское озеро — и въ этомъ озерѣ выпросился остаться одну ночку, отъ одной ночки — двѣ ночки, отъ двухъ ночекъ — двѣ недѣли, отъ двухъ недѣль — два мѣсяца, отъ двухъ мѣсяцевъ — два года, а отъ двухъ годовъ жилъ тридцать лѣтъ.

Сталъ онъ по всему озеру похаживать, мелкую и крупную рыбу подкалывать. Тогда мелкая и крупная рыба собралась во единъ кругъ и стали выбирать себѣ судью праведнаго, рыбу-сомъ съ большимъ усомъ.

— Будь ты, — говорятъ, — нашимъ судьей.

Сомъ послалъ за ершомъ, добрымъ человѣкомъ, и говоритъ:

— Ершъ-забіяка, почему ты нашимъ озеромъ завладѣлъ?

— Потому, — говоритъ, — я вашимъ озеромъ завладѣлъ, что озеро Ростовское горѣло снизу доверху, съ Петрова дня и до Ильина дня, выгорѣло оно снизу и доверху и загустѣло.

— Ни во вѣкъ, — говоритъ рыба-сомъ, — наше озеро не гарывало! Есть ли у тебя въ томъ свидѣтели, московскія крѣпости, письменныя грамоты?

— Есть у меня въ томъ свидѣтели, и московскія крѣпости, и письменныя грамоты: сорога-рыба на пожарѣ была, глаза запалила — и понынче у нея красны.

И посылаетъ сомъ-рыба за сорогой-рыбой. Стрѣлецъ-боецъ, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей, туда же понятыхъ, зовутъ сорогу-рыбу:

— Сорога-рыба, зоветъ тебя рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество.

Сорога-рыба, не дошедши рыбы-сомъ, кланялась. И говоритъ ей сомъ:

— Здравствуй, сорога-рыба, вдова честная! Гарывало ли наше озеро Ростовское съ Петрова дня до Ильина дня?

— Ни во вѣкъ-то, — говоритъ сорога-рыба, — не гарывало наше озеро!

Говоритъ сомъ-рыба:

— Слышишь, ершъ-забіяка, сорога-рыба въ глаза обвинила.

А сорога тутъ же примолвила:

— Кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ безъ хлѣба обѣдаетъ!

Ершъ не унываетъ, на Бога уповаетъ.

— Есть же у меня, — говоритъ, — въ томъ свидѣтели, и московскія крѣпости, и письменныя грамоты: окунь-рыба на пожарѣ былъ, головешки носилъ — и понынче у него крылья красны.

Стрѣлецъ-боецъ, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей, туда же понятыхъ (это государскіе посыльщики), приходятъ и говорятъ:

— Окунь-рыба, зоветъ тебя рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество.

И приходитъ окунь-рыба. Говоритъ ему сомъ-рыба:

— Скажи, окунь-рыба, гарывало ли наше озеро Ростовское съ Петрова дня до Ильина дня?

— Ни во вѣкъ, — говоритъ, — наше озеро не гарывало! Кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ безъ хлѣба обѣдаетъ!

Ершъ не унываетъ, на Бога уповаетъ; говоритъ сомъ-рыбѣ:

— Есть же у меня въ томъ свидѣтели, и московскія крѣпости, и письменныя грамоты: щука-рыба, вдова честная, при томъ не мотыга, скажетъ истинную правду. Она на пожарѣ была, головешки носила — и понынче черна.

Стрѣлецъ-боецъ, карась-палачъ, двѣ горсти

мелкихъ молей, туда же понятыхъ, приходятъ и говорятъ:

— Щука-рыба, зоветъ тебя рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество.

Щука-рыба, не дошедши рыбы-сомъ, кланялась.

— Здравствуй, щука-рыба, вдова честная, притомъ же ты и не мотыга! — говоритъ сомъ. — Гарывало ли наше озеро Ростовское съ Петрова дня до Ильина дня?

Щука-рыба отвѣчаетъ:

— Ни во вѣкъ-то не гарывало наше озеро Ростовское! Кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ всегда безъ хлѣба обѣдаетъ!

Ершъ не унываетъ, а на Бога уповаетъ.

— Есть же, — говоритъ, — у меня въ томъ получше свидѣтели и московскія крѣпости и письменныя грамоты: налимъ-рыба на пожарѣ былъ, головешки носилъ — и понынче онъ черенъ.

Стрѣлецъ-боецъ, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей, туда же понятыхъ приходятъ къ налимъ-рыбѣ и говорятъ:

— Налимъ-рыба, зоветъ тебя рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество.

— Ахъ, братцы, на-те вамъ гривну за труды и на волокиту, а у меня губы толстыя, брюхо большое, въ городѣ не бывалъ, передъ судьями не стаивалъ, говорить не умѣю, кланяться, право, не могу!

Эти государскіе посыльщики пошли домой. Тутъ поймали ерша и посадили его въ петлю. По

ершовымъ-то молитвамъ Богъ далъ дождь да слякоть. Ершъ изъ петли-то и выскочилъ; пошелъ онъ въ Кубенское озеро, изъ Кубенскаго озера въ Тросъ-рѣку, изъ Тросъ-рѣки въ Камъ-рѣку. Въ Камъ-рѣкѣ идутъ щука и осетръ.

— Куда васъ чортъ понесъ? — говоритъ имъ ершъ.

Услыхали рыбаки ершовъ голосъ тонкій и начали ерша ловить. Изловили ерша, ершишку-кропачишку, ершишку-пагубнишку! Пришелъ Бродька — бросилъ ерша въ лодку, пришелъ Петрушка — бросилъ ерша въ плетушку:

— Наварю, — говоритъ, — ухи да и скушаю.

Тутъ и смерть ершова!

Аржаной — ржаной.

Баить — разсказывать; — сказки.

Балда — палица, дубина.

Бердо — родъ гребня, принадлежность ткацкаго станка.

Береста — верхній свѣтлый стволъ березовой коры.

Большуха — старшая въ домѣ, хозяйка.

Браный — узорочный, узорчатый.

Бурлакъ — крестьянинъ, идущій на чужбину на заработки, особенно на рѣчныя суда.

Быванецъ — бывалецъ — человѣкъ опытный, бывалый, находчивый.

Ворогушка — ворожея.

Домовничать — заниматься домашнимъ хозяйствомъ.

Думный дьякъ — главный письмоводъ царской думы.

Елецъ — рыба изъ семейства карповъ.

Животъ — животное, живое существо, имѣніе, имущество.

Зазноба — любовь; любимая дѣвушка.

Закромъ — забранное досками мѣсто въ житницѣ или хлѣбномъ амбарѣ въ видѣ неподвижнаго ларя.

Зелье — трава, растеніе; снадобье, лѣкарство.

Зыбка — колыбель, люлька.

Кокора — пень, лежащій на днѣ рѣки, дубина, сдѣланная изъ тонкаго древеснаго ствола съ корнемъ.

Комель — нижній конецъ растенія; корень выдернутый съ землей.

Корга — ворона; старуха.

Корецъ — ковшъ.

Корчага — большой глиняный горшокъ; чугунъ.

Кремень — самый твердый изъ простыхъ камней, служащій для добычи огня.

Крести (кресты) — масть въ картахъ — трефы.

Кропачъ — кропачишко — кто работаетъ неумѣло, дурно, копается.

Кросна — станокъ для натягиванія ткацкой основы.

Крѣпости (московскія) — акты, закрѣпляющіе право владѣнія земельными и водными угодьями.

Лубяной — сдѣланный изъ лубка. нижняго слоя коры дерева (липы).

Лытать — уклоняться отъ дѣла, бѣгать отъ работы.

Межа — рыболовная сѣть.

Моль, моли — самая мелкая рыбка, недавно выведшаяся.

Накладно — убыточно.

Огниво — стальная полоска для высѣканія огня.

Онучи — часть обуви, обвертки на ногу, вмѣсто чулка, подъ сапоги и лапти.

Погость — отдѣльно стоящая на церковной землѣ церковь съ домами для священника и причта, съ кладбищемъ.

Поконаться — поспорить, потягаться; убѣдительно просить.

Понятые — привлекаемые въ помощь производящимъ дознаніе.

Поѣздъ — поѣзжане — дружки, свахи, сваты на крестьянской свадьбѣ.

Провѣщать — провозгласить, предсказать.

Саламата — жидкій киселекъ, мучная кашица.

Скалка. скалочка — деревянный катокъ для раскатыванья тѣста.

Скуфья — ермолка, комнатная шапочка; бархатная шапочка —знакъ отличія для бѣлаго духовенства.

Сорога-рыба — плотва.

Становище — таборъ, мѣсто привала путниковъ; одинокая изба, хуторъ.

Трутъ — истлѣвшій, губкообразный кусокъ дерева, легко воспламеняющійся.

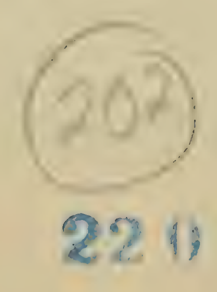
Шафурка — шафирница — сплетница, смутьянка.

Шваркнуть — швырнуть.

Ширинка — ручникъ, полотенце.

Шлыкъ — шапка, колпакъ, чепецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.


207